

ИНГА КИЧАНОВА

КОНФЛИКТ ■ ЗА ИЛИ
■ ПРОТИВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

ИНГА КИЧАНОВА

КОНФЛИКТ:

ЗА ИЛИ ПРОТИВ

87.7
К46

Кичанова И. М.

К46   Конфликт: за или против. — М.: Мол. гвардия,
1978. — 224 с.

В пер.: 55 коп. 100 000 экз.

Книга посвящена острым нравственным вопросам и ситуациям, волнующим наших читателей. Она представляет собой своеобразный диалог автора со слушателем на лекции, с участником беседы в общежитии, на заводе, стройке, в колхозе, в студенческой аудитории. Автор, доктор философских наук, журналист, показывает многообразие жизненных коллизий, нравственных конфликтов и то, какие пути их разрешения находит молодой человек, наш современник. Книга художественно-публицистических очерков рассчитана на массового читателя.

К 70302—253
078(02)—78 — БЗ — 56 — 026 — 78

ББК 87.7 ИМИ7

Вассарион Григорьевич Белинский сто лет назад писал:

«Так как сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно из взаимных отношений людей друг к другу, то здесь-то, в этих отношениях и больше нигде, должно искать примет нравственного или безнравственного человека, а не в том, как человек рассуждает о нравственности или какой системы, какого учения и какой категории нравственности он держится».

Передовая общественная мысль России, революционно-демократическая идеология органично включали в себя нравственное начало, высокие гуманистические моральные принципы, проверяемые и подтвержденные действием, поступком.

В нашу эпоху мы можем воочию убедиться в том, что наследие прогрессивной общественной мысли, лучших, высших образцов морали живет и утверждается в обществе развитого социализма. Социализм — это общество реального гуманизма.

«Это — общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Это — общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом», — говорится в Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Все для блага человека, во имя человека — таков глубочайший смысл нового, социалистического образа жизни.

Зрелость отношений в обществе, нравственная их наполненность проявляют себя в том, что неизменно повышается роль нравственных начал, регуляторов поведения личности — как говорят философы; в том, что общество судит о человеке по тому, совпадают ли у него слово и дело. Соответствие слов и дела, их единство было подчеркнуто на XXV съезде КПСС как необходимая нравственная норма.

Зрелость нравственных отношений в нашем обществе проявляется и в том, как разрешает человек, коллектив

трудности, противоречия, конфликты, с которыми неизбежно сталкивается в повседневной жизни. Гуманно ли, с учетом ли интересов других людей, другого человека? Или способен «переступить» через другого, если это диктуется собственной выгодой? Гражданственно ли? В соответствии ли с требованиями общества или умело обходя эти требования под прикрытием нужных слов? Дело в том, что нравственное разрешение противоречий и конфликтов — в интересах общества и с уважением к личности — само служит совершенствованию отношений в обществе, влияет на «взаимные отношения людей друг к другу», если говорить словами Белинского, шлифует эти отношения. Вот почему нравственный конфликт — герой этой книги. Вернее, героиня ее — те, кто разрешает его или пытается разрешить. Конфликты, коллизии, ситуации, в которые попадает человек, коллектив, подчас драматичны, заставляют страдать, испытывать муки совести, вызывают потрясения. Современная наука о морали полагает, что источник нравственности (а тем самым и моральных конфликтов, которые являются необходимыми элементами нравственной личности и общества) не в согласии интересов только и не в расхождении интересов исключительно, а в том, что общество едино и в то же время разделено, тождественно самому себе и в то же время заключает внутренние противоречия, развивается в единстве и борьбе противоположностей. Моральные конфликты останутся в любом будущем обществе, хотя, безусловно, изменится конкретное содержание сталкивающихся альтернатив.

Прежде чем вести разговор о том, что такое нравственный конфликт в соответствии с наукой о морали — этикой, каковы механизмы его действия, как к нему относиться и как его разрешить, приведем примеры, «высвечивающие» сущность этого явления.

К врачу-хирургу города Ростова однажды ночью обратился человек с пулевым ранением. Врач обязан оказать помощь. Но в то же время он слышал по радио и телевидению обращение к населению города, и особенно к медикам, с требованием немедленно сообщить о преступнике — члене банды убийц и грабителей, получившем пулевое ранение. Всем известно, что долг врача — оказывать больному всемерную помощь, действовать только в интересах больного, соблюдать врачебную тайну. Перед врачом выбор: сообщить милиции о ночном визитере —

этого также требует от него положение присяги — выполнять гражданский долг, отстаивая государственные интересы. Или же под давлением угроз и шантажа бандитов оказать преступнику медицинскую помощь и промолчать. В человеке борются, сталкиваются в конфликте два противоположных мотива: профессиональный и гражданский долг.

На суде, состоявшемся после поимки банды, врач проходил в качестве соучастника бандитов и был справедливо осужден. Конфликт имел юридическое разрешение, но сущность его — нравственная. Нарушена моральная норма (выраженная в положении присяги советского врача), а привело это к пособничеству преступлению. Трусость, малодушие и корысть (бандиты обещали большую сумму за помощь) возобладали. Произошло грубое нарушение нравственной нормы нашего общества, давшее социально значимый, вредный для общества результат.

Вот еще один конфликт с иным разрешением. В одном из студенческих стройотрядов на Дальнем Востоке возникла ситуация: дирекция совхоза, где работал отряд, предложила ребятам сдать объекты досрочно да еще возвести небольшое сооружение. Ретивым деятелям желательно было с превышением и первыми в районе отчитаться за сделанную работу. Аргументы в пользу «соблазна»: строя «на живульку», студенты раньше назначенных сроков могли уехать, больше получить и продемонстрировать превышение объема выполненной работы. Приемку местные деятели брали на себя: «Совесть вас мучить не должна. Пусть нас она мучает». («А у вас ее и нет», — скажут впоследствии бойцы стройотряда.)

Предложение оказалось кое для кого заманчивым, мнения разделились, страсти закипели. Речь шла о деньгах, для каждого немалых, и более быстром возвращении домой. А цена — «всего лишь» ухудшение качества. Но это — нарушение устава ССО, где высокое качество строительства включено в моральные обязательства бойца. Командир колебался, инженер поддержал совхозных (ведь ответственность вся на них). Комиссар поставил вопрос ребром: «Согласимся — нарушим устав ССО, тогда мы шабашники и нет у нас морального права называться студенческим стройотрядом».

Отряд бурлил сутки. Победил моральный принцип, нравственный конфликт разрешился позитивно, в результате поднялся нравственный уровень всего коллектива.

Рядовая коллизия. Но это именно моральный конфликт, потому что прошел он через умы и сердца ребят. Пришлось взвешивать каждый из возникших перед ребятами путей, столкнулись противоречивые побуждения, мотивы, нравственные установки. Включился чисто моральный критерий: «что такое хорошо и что такое плохо». Надо было решать каждому не на словах, а на деле.

Вот это как раз и есть нравственный конфликт, когда между одной возможностью действия и другой, ей противоположной, выбирается в ходе столкновения исключающих друг друга стремлений, мотивов, побуждений, желаний единственное решение. Когда «работают» не только соображения «выиграю — проиграю», но и полноценные регуляторы нравственных оценок — плохо поступлю или хорошо, по совести или нет. На основе этих оценок, в соответствии с ними возникает требование к себе — действовать, как велит моральный долг, совесть. В рядовом конфликте победа морального принципа произошла вовсе не автоматически. Она дала большой воспитательный результат, утвердила социалистическую норму, повысила уровень нравственных отношений всех бойцов.

В двух приведенных случаях нашли выражение особенности этого явления — нравственного конфликта. Это прежде всего связь его с нравственным выбором, и, значит, связь с противоречиями в сфере морали, когда сталкиваются и противоборствуют разнонаправленные стремления, мотивы, установки.

Эти простые примеры отражают также связь нравственного конфликта с нравственной нормой, с ее утверждением в жизни, с реальными жизненными обстоятельствами. Сама по себе конфликтная ситуация, например, производственная или административная, и сугубо нравственная — не одно и то же.

Именно эти стороны вопроса будут в центре нашего внимания: а) специфика нравственного конфликта в ряду явлений моральной регуляции; б) «работа», которую совершает нравственный конфликт по утверждению в жизнь социалистической нравственной нормы, нашего образа жизни.

Рассматривая эти проблемы, мы расскажем о формировании навыков при разрешении нравственных конфликтов и о роли таких навыков в решении задач коммунистического воспитания. Как формируются навыки, раскрывается в рассказе о каждой фазе конфликта.

Специфика нравственного конфликта

Среди ученых-этиков нашей страны существует мнение, что такое сложное явление, как нравственный конфликт, заслуживает специального глубокого и всестороннего изучения. Полнота единства мнений в этом вопросе еще не достигнута. Одни связывают нравственный конфликт с самим источником, с природой морали. Другие подчеркивают, что нужно прежде всего выявить, что человек считает ценностью, как эти ценности «сосуществуют» друг с другом, что может человек приказать самому себе (может ли он потребовать от себя не поддаться, например, соблазну выгоды, а поступать как должно, как правильно). В то же время есть и общая точка зрения: нравственный конфликт возникает тогда, когда смешиваются или сталкиваются нормы, требующие от человека противоположных поступков.

Думается, что молодого читателя заинтересуют размышления советских ученых-этиков о проблеме нравственного конфликта*.

Особенность нравственного конфликта определяется тем, что он выступает одним из проявлений нравственной регуляции. Такой регуляции сознания и поведения, где неслучайно слиты побудительные силы, движущие человеком «изнутри», и требования к нему «извне», со стороны общества. В нравственном конфликте выявляется необходимость разрешать трудности и противоречия, когда необходимо достичь полноты, органичности велений как внутри, так и извне. Нравственный конфликт находит проявление в том, что в нем оказываются активизированными две важнейшие функции морали: ценностно-оценочная (человек оценивает что-то как добро или как зло) и императивная (человек велит себе поступать так или иначе в зависимости от того, что считает он добром и что злом). В этом случае состояние выбора альтернативной

---

* См., например: С. Ф. Анисимов. Марксистско-ленинская этика. Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. МГУ, 1972-1973; Н. В. Рыбакова. Моральные отношения и их структура, Л., 1974; А. А. Гусейнов. Социальная природа нравственности. МГУ, 1974; А. И. Титаренко. Структуры нравственного сознания. М., 1974; Марксистская этика. М., 1976. В данных работах средствами теоретического анализа воссоздаются некоторые общие черты и характеристики особенностей явления морального конфликта. Все эти авторы подчеркивают связь конфликта с противоречиями в сфере морали.

оценки, состоящие решения охватывают все элементы личностной структуры, все уголки морального сознания личности. При этом, хотя конфликт выступает как переживание, потрясение (в нравственное деяние вовлечена эмоционально-волевая сфера), он может не выливаться непосредственно в поведенческий акт. Он может претворяться в решение, нередко отстоящее от поведенческого акта во времени и в пространстве. («Я столкнулся с приписками на производстве и растерян, переживаю, в себя никак не приду. Но чтобы не ошибиться, еще разберусь, еще подумаю, взвешу свое выступление на собрании...»)

Здесь уместно сделать одно замечание. Образованность в вопросах морали часто принимают за высокий моральный уровень в поведении, а это далеко не всегда одно и то же. Конечно, человек, обладающий познаниями о том, как мораль появилась в обществе, какую роль она играет, в каких требованиях к человеку выражается, может да и должен бы быть высоконравственным в своих поступках. Но зная одного недостаточно. Нужна воля, требовательность к себе: выполнять то, что является правильным, независимо от того, видят ли все, «какой ты хороший», или ты единственный свидетель своего поступка. Черта социалистического образа жизни — именно единство «голова и сердца», слова и дела, морального знания и морального поступка. Можно досконально освоить разумом все правила поведения, нормы, их обоснование, иметь информацию о моральных ценностях и уметь их описать и при этом действовать безнравственно. Критерий нравственного поведения — превращение нормы, ценности в мотив личного поведения. Помните, как это у Белинского (в приведенном выше рассуждении): приметы нравственного поведения надо искать в практическом поведении, а не в том, как человек рассуждает о нравственности.

«К сожалению, еще встречаются люди, которые знают нашу политику и наши принципы, но не всегда следуют им на практике, не ведут борьбы за их осуществление, примиренчески относятся к нарушениям норм социалистического общежития»*, — говорил в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Нередко такие люди стремятся привести и «благовидное» оправдание такому расхожде-

---

* Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 77.

нию, предоставить и убедительно обрисовать некие достойные мотивы, якобы объясняющие его поведение. Это значит, что человек «натренирован» на аргументах, доводах, умеет подключить рациональные «обоснования».

Вряд ли нужно в вопросах морали слишком переоценивать рационалистическое, собственно только рассудочное начало; ведь в моральном регулировании сознания и поведения не менее важно, что считает человек ценным, в чем он убежден, за что готов постоять. «Разведение» же этих двух начал, то есть начал, как философы говорят, ценностных и императивных (веление самому себе), с одной стороны, и рациональных, с другой, подчас может найти проявление и в условиях нашего общества.

Пример: специалист-гидротехник и специалист в области обработки кордовых материалов обосновывают необходимость спуска промышленных вод в бассейн озера Байкал. Рабочие, не имеющие специального образования, обращаются в газету с просьбой предотвратить загрязнение Байкала. Мотивы их — нравственные обязательства по отношению к природе, которые и побуждают требовать предотвращения загрязнения уникального на Земле водного бассейна. Выяснение показало: поступок этот, линия поведения основаны не только на рациональном расчете (в конце концов, экономический эффект от строительства этого предприятия у самой байкальской воды немалый), но на нравственном чувстве, убежденности — природу надо беречь. В мотиве поступка представлена нравственная норма, воспринятая от обычая, традиции. Моральная убежденность — вот тот, собственно, нравственный импульс, который двигал людьми.

Автору этих строк довелось исследовать соотношение чисто рационального и целостно-морального начал (а также обычая) на примере большой бурятской чабанской семьи (9 детей) в урочище Тутай на берегу Байкала.

Поклонение Байкалу — это традиция многих и многих поколений людей, живущих по берегам Байкала. Ритуал предназначен ограждать Байкал от загрязнения.

«Мы же дети всего этого, — говорит глава семьи чабанов Мария Тогоноевна Галзутова, жестом показывая, как велика озерная гладь. — Мы — дети Байкала».

Байкал свят и для каждого из самых маленьких членов семьи Галзутовых. Это просто и буквально воспринято с молоком матери. Выражается нравственная установка в чувстве бережного поклонения — в каждодневной

жизни, в ежеминутном проявлении, в поступке. Ребята отлично знают про комбинат на Байкале, загрязняющий озеро: дети — прилежные слушатели радиопередач, прилежные читатели «Комсомолки», детских и взрослых изданий. Они видят, как иные туристы моют машины байкальской водой — «загоняют» машину в залив, как кто-то полощет белье в Байкале, выкидывает в воду отбросы. Люди приезжают образованные, машины у них свои, наверное, важные люди, неудобно к таким подойти, отогнать их от воды. И они Байкал на глазах оскверняют. Из того, что кто-то не бережет святыню, вовсе не следует, что чабанские дети позволят себе осквернить «святой» Байкал. Это притом, что никакой другой воды ближе нет, а на большую семью, к примеру, необходима огромная стирка. А сколько требуется воды, чтобы мыть, чистить в доме и в кошаре. Родники за десятки километров; приходится выливать «отработанную» воду так, чтобы стока не получилось в озеро. Вот и возят эту отработанную воду, когда на лошади, если водовозка придет, а чаще на себе, бочками, подальше от берега, чтобы грязная вода не вернулась в Байкал (ту воду, что после стирки на девяти детях, ту, которой моют кошару и т. д.). Байкал свят осознанно. Байкал — это одна пятая всей пресной воды планеты, знают ребята. И этот курс поведения выбран в борьбе с соблазном облегчить себе жизнь, как туристы это делают. В этом случае виден важный механизм нравственного поведения.

Придя в противоречие с практической целесообразностью (и с соображениями житейского удобства), поллино нравственная норма победила. Это противоречие нравственно ценного, с одной стороны, и практически целесообразного — с другой, представляет собой особенность моральной регуляции как веления человека самому себе (на основании оценки явления в качестве хорошего или плохого, нравственно ценного и обладающего отрицательной ценностью, должного и противоречащего должному). В собственно моральном деянии всегда присутствует — осознанный или осознанный не вполне — ответ на вопрос, «что такое хорошо и что такое плохо». Вспомним опять рассуждение В. Г. Белинского: дело не в умении говорить о морали, а в том, как поступать в жизни. Важно совершить нравственный выбор, достойный, правильный поступок. Этот выбор благодаря противоречивости мотивов, подчас и противоположности, взаимоисключо-

чающего характера самих путей (альтернатив), а также из-за целого ряда сопутствующих факторов (несовпадения того, что думает о себе человек и каков он на самом деле и т. д.) может выражаться в конфликте, нередко носящем острый, драматический характер.

Нравственный конфликт может вырастать из живой канвы конфликтов в производственных, административных, процедурных и тому подобных ситуациях. Если он протекает в сфере морали, каким бы он ни был — административным ли, «чисто производственным», — он является нравственным конфликтом. Производственная коллизия, возникшая в стройотряде (мы обращались к ней в начале статьи), могла и не приобрести характера нравственного конфликта. Кстати сказать, в колхозе по соседству, где работал «дикий» стройотряд, та же ситуация прошла бесконфликтно. Раз это выгодно, да мы еще не в ответе — будем «закрывать точки», как этого от нас хотят. Деляги-шабашники и деляги-заказчики в нравственный конфликт вступить и не могли — морали-то никакой нет. Тут надо ввести одно соображение — говорить о степени нравственного сознания человека можно в том случае, если человек обладает хотя бы минимумом нравственного сознания.

Специфически нравственный характер конфликт носит в том случае, когда обе его стороны или по крайней мере одна имеют нравственную природу; когда в конфликт включены существенные черты и стороны человеческого «я»: совесть, долг, оценка себя, своего выбора, личная позиция в отношении нравственности, в отношении добра и зла.

В случае, когда индивид стоит вне нравственности, когда он равнодушен к добру и злу, когда для него характерен нравственный вакуум, тогда, строго говоря, неправомерно рассматривать деяния человека в плане нравственного конфликта. (Нравственный индифферентизм представляет собой чрезвычайно важный объект, тему для рассмотрения и исследования.) Но при вычленинии специфики нравственного конфликта речь должна идти о выявлении основания действий и поступков, мотивов, побуждений, намерений. В качестве таких оснований может выступать непосредственный практический интерес, собственно психологическая реакция и т. д. Сложность выявления специфики нравственного конфликта состоит в том, чтобы не сводить весь вопрос к

психологизации и социологизации нравственного конфликта.

Действительно, всякий конфликт, по-видимому, имеет психологическую окраску. В то же время далеко не всякий психологический конфликт имеет нравственное содержание. Явление психологической несовместимости может иметь моральный аспект, а может его и не содержать. Известно, что при комплектовании экипажей на дрейфующую льдину и во многих других случаях учитывается факт психологической совместимости. Юридическая практика знает конфликты, разрешающиеся в судебном порядке, например, разводы супругов из-за несходства характеров; в бытовых конфликтах по тем же основаниям предписывается разъезд соседей. Социологический аспект требует вычленения факторов, формирующих основу конфликта, предполагает нахождение в наличных возможностях, например, производства действенных средств, способных организационно обеспечить, закрепить позитивные результаты разрешения нравственного конфликта и т. д.

Таким образом, конфликт, происходящий в нравственной сфере, не должен сводиться ни к механизму его протекания, ни к канве реальных ситуаций, из которых он произрастает и которые преобразует фактом своего возникновения и характером разрешения. В то же время для успешного анализа нравственного конфликта и для правильного его разрешения необходим подход комплексный, включающий анализ с позиций также и мировоззренческих, социально-правовых, а подчас и политических.

Как «работает» нравственный конфликт

Обратимся к нравственным конфликтам, которые происходят тогда, когда люди, вступающие в них, в разной мере освоили заповеди нравственного кодекса строителя коммунизма. Известно, что этот кодекс, составляющий основу советского образа жизни, включает, например, такие положения — добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга; непримиримость к нарушителям общественных интересов и др. Такой конфликт происходит в рамках единой нравственной нормы.

Одни освоили ее как мотив их личного поведения в жизни. Другие относятся к норме более или менее формально, третьи стремятся избежать ее выполнения. Между одними, другими и третьими могут возникать конфликты нравственного характера, как между убежденными посетителями нравственной нормы и ее формальными исполнителями.

При анализе таких конфликтов учитывается многослойность, противоречивость, сложность нравственного сознания, различные источники его формирования. Моральное сознание более непосредственно отражает отношения в процессе производства, в то же время это отражение отнюдь не является абсолютно точным. Нравственные конфликты, возникающие в сфере производства, должны быть расшифрованы для выявления их подлинного характера и смысла. «...В нравственном негодовашии, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом» *. «Когда... мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть, — то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству... Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя...» **

Анализ собственно нравственной основы конфликта (в плане отношения к труду как нравственной заповеди), а также учет психологических факторов, социологических и других могут помочь прогнозированию нравственного конфликта, его предупреждению и правильному разрешению.

Весьма распространен нравственный конфликт, характеризующий отношение к труду. Могут сталкиваться уравнительная или иная, патриархальная к примеру, установка в отношении труда и социалистическая. «Я работаю столько же часов, сколько и мой смешик, платите нам поровну». (А качество труда?) Или соображения хозяйственной целесообразности — разве они вторичны? «Не стоит строить гидростанцию и затоплять местность — здесь так красиво».

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 153.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 184.

Острый и болезненный нравственный конфликт возникает в том случае, когда сталкиваются мотивы, которыми вынужден под давлением житейских ситуаций, обстоятельств руководствоваться человек, и теми принципами, которым он себя считает преданным, приверженным. Например, стремление «закрывать» план, не подвести коллектив, получить квартальную премию диктует спешку в работе и порождает брак в конце квартала. Сама по себе такая подчиненность штурмовщине может вызывать конфликт с собственным принципом отношения к труду — форма нравственного конфликта, хорошо представленная в публицистике.

Конфликт между различными установками социального сознания с большой полнотой представлен в пьесе и фильме «Премия». Перед нами нравственный конфликт, «сторонами» которого являются люди, в различной степени освоившие нравственную заповедь отношения к труду. Потапов — герой фильма — человек, нравственно убежденный, осмысливший труд как нравственную ценность, умеющий обосновать экономический эффект работы по совести на всех уровнях от проектирования объекта строительства до отделочных работ. Позиция героя и тех, кто за ним идет, выражается в жизненной практике, в сознании и поведении. Это отражает моральную сторону труда в десятой пятилетке — эффективности и качества. «Качество работы — понятие очень емкое. Оно складывается из многих производственно-экономических факторов и вместе с тем охватывает широкий круг моральных проблем». Сюда включается также «сознательная, товарищеская дисциплина, обстановка взаимной требовательности и взаимопомощи в труде. С борьбой за качество несовместимы небрежность, расхлябанность, нерадивое отношение к делу»*, — говорил Леонид Ильич Брежнев на XVII съезде комсомола.

Помните многосерийный телевизионный фильм «День за днем» о производственных конфликтах, о двух директорах — старом и молодом, о двух стилях руководства большими заводскими коллективами? Мы видим в фильме конфликт героя, молодого руководителя, со многими людьми, поддавшимися соблазну обеспечения вала за счет качества. Видим победу высокого нрав-

---

* Л. И. Брежнев. Речь на XVII съезде ВЛКСМ. М., Политиздат, 1974, с. 6.

ственного принципа, достигаемую вовсе не однолинейно, не автоматически, а в спорах, острых столкновениях, внутренних борениях. От победы коммунистических принципов выигрывают все, повышается нравственный уровень каждого. Мы видим и важнейшие механизмы разрешения конфликта — формирование правильного общественного мнения, принятие верных идейных и организационных решений руководителем и коллективом.

В пьесе «Человек со стороны», также представляющей убедительную модель, конфликт осложнен полемикой с представителем такой нравственной нормы отношения к труду, которая, по существу, эксплуатирует энтузиазм, стремится сплотить коллектив на ложной нравственной позиции. Герой пьесы вступает в конфликт деловой, профессиональный, административный, правовой, а также и нравственный. Основа нравственного конфликта — наличие у обеих «сторон» заинтересованного отношения к труду, любви к труду. Важно подчеркнуть, что ведущей стороной становится личность социалистического типа, осваивающая нравственную заповедь отношения к труду в наиболее полной мере.

Принципиально та же модель предстает в пьесе и кинофильме «Человек на своем месте». Здесь в конфликте проявляется еще и «патриархальная», устаревшая норма — равенство на «добросельские обычаи», кои не нуждаются, мол, ни в каких переменах. В этих трех случаях конфликт разрешается позитивно, нравственное сознание всего коллектива возрастает. Победы более высокой нравственной нормы здесь способствуют усвоению, более глубокому охвату личностью нравственных принципов.

Конфликты могут и не иметь такого счастливого разрешения. Носителя передовой нравственной нормы порой могут в полной мере не поддержать. Его могут даже и осмеять «за отрыв» от реальности и за стремление быть впереди всех, противопоставить себя коллективу. Газеты сообщали о случаях анонимной клеветы в адрес передовика с целью скомпрометировать его нравственные установки.

Выявление и утверждение в жизни высокой нравственной нормы отнюдь не проходит автоматически, гладко и не всегда имеет благополучный итог. Временные заторы, остановки и движения вспять в этом процессе возможны, именно их надо предвидеть, именно в этих случаях

особенно важна нравственная экспертиза социального, морального климата коллектива и нравственного конфликта.

Кто сказал, что деятельность — лишь строить, производить или стоять у синхрофазотрона? Это ведь и поддерживать друга, когда ты один можешь ему помочь, сдерживать слово, когда легко увильнуть. Проявил ты принципиальность или поддался соблазну легких путей, корыстного житейского компромисса? Это тоже выбор и тоже нередко конфликт, где ты обычно неподсуден, потому что не на сцене со зрителями, а один на один со своей совестью.

Как «работает» разрешение конфликтов в этих деликатных сферах? «Работа» по разрешению конфликта выражается в активном действии, в проявлении морального принципа, в эффективности претворения его в жизнь.

...У постели больного рядовой лечащий врач и профессор-консультант. Профессор засомневался в диагнозе, предложил другой — и молодой доктор тотчас переменил мнение и согласился с возможным профессорским прогнозом. Профессор высказал еще один диагноз — вероятный, а затем и новый — предположительный. С каждым из них соглашался лечащий врач. Профессор впоследствии сказал, что с самого начала был согласен с тем диагнозом, который поставил молодой врач, но ему было важно, верен ли недавний выпускник присяге советского врача, моральному обету.

Начинающий врач и сам в своем диагнозе не сомневался, хотел было обосновать его, но вступал в конфликт сам с собой. Предстояла аттестация и, соответственно, возможное повышение зарплаты. Все это зависело от профессора — врач решил сыграть с ним «в поддавки». Профессор же как раз аттестации с повышением не подписал, а врачу объявил выговор за нарушение врачебной этики и присяги советского врача. Он столкнулся с откровенным безнравственным деянием. И нашел путь правильного разрешения конфликта.

Есть и другой ряд конфликтов: глубоких, сложных, внутренних и тем не менее прямо и непосредственно связанных с общественным мнением, коллективом.

Фильм «Единственная» по рассказу П. Ниллина «Дурь» повествует о таком нравственном конфликте. Сюжет фильма выходит далеко за рамки той коллизии, что положена в его основу. Авторы фильма приглашают по-

размышлять о современном молодом человеке. Способен ли он осознать, что является главной, единственной, настоящей любовью в его жизни? Отстоять это единственное? Способен ли он принимать решения в конфликтной ситуации? Уважают ли окружающие личность молодого человека, его право на самостоятельный нравственный выбор? На каждый из поставленных вопросов фильм отвечает отрицательно: нет, не может, не способен, не уважают.

Он и она — двадцатилетние молодожены. Оба отмечены приметам современности. Танюшка — мы видим — на хорошем счету в коллективе, в кружке художественной самодеятельности состоит, культурная, говорит о ней герой, красавая. И Николай по всем показателям передовой и положительный в любом смысле. Возвращается из армии с мечтой — забрать семью в те места, где служил, на Амур. Успей он туда сразу же, стал бы первым бамовцем. Но не успел. Сбил его с ног жизненный зигзаг. Разбросало в разные стороны их с Танюшкой. Надломился, ходит вокруг любимой, теперь юридически чужой ему. То трезвый ходит, то пьяный. Гоняет его тоска и любовь. Встанет ли Николай снова на ноги? Поедет ли, как стремился, на Амур, зависит от того, обретет ли себя, поймет ли, что происходит с ним. Что решит он про себя, про Танюшку, про это страшное, что живет в нем наперекор всему. Чувствует он, настоящее, единственное в жизни утратил, потерял. «Дурь» — то, что его гнетет и мучает, или есть у этой «дурн» права? И что за «дурью» этой стоит в действительности?

Что же создало коллизию, вызвало разрыв? Она изменила. Да сразу и опомнилась, осознала, исправилась. Героиня потому сорвалась, что повлекла ее за собой стихия разбуженных чувств, и обуздала она эту стихию не сразу. Танюшка — натура пезаурядная. По гексту, произносимому героиней, понимаем, что и глубиной, и чуткостью, и жалостью одарена Танюшка. Не знает только, как оградить от посягательств себя и свою любовь. Не может оттолкнуть жалкого, одинокого, несчастливого неудачника — музыканта. Измену Николай простил, простил вопреки самым активным попыткам окружающих, ближних и дальних, вызвать разрыв, разлучить. Жалость Танюшки к музыканту-неудачнику принята Николаем за легкомысленный флирт. Это и вызвало разрыв. А далее мучит героя та самая «дурь», которая вер-

пит его судьбу: чувство потери близкого человека и любовь, потерянность и отчаяние, поглощенность стихией неосознанных стремлений. Все это рядом с другой, на которой женится не столько со зла, сколько по настоянию и под давлением окружающих, дабы «взять реванш».

Себя защитить и защититься от себя, от соблазнов, влечений, обид, мести. Непросто это. Но не так уж и невозможно. Всего-то требуется «немного»... культура и мораль. Это от двоих участников драмы. От окружающих же — уважение к личности страдающего, запутавшегося в своих терзаниях человека; доверие к способности совершить правильный нравственный выбор. Однако стремление к настоящей, единственной, хотя и исковерканной, любви окружающим кажется нелепым, смешным.

Авторы фильма рисуют беспомощность героев, нравственную безграмотность. А это откуда? «Не понимаю, что происходит со мной, а спросить некого», — так горестно вздыхает героиня, глядя широко открытыми, испуганными глазами. Невольно возникает сомнение, так ли уж не у кого спросить, что такое добро, достоинство, уважение к себе, к другому, верность, честь, настоящая любовь?

Все те, кто столкнулся в кинопроизведении с двумя страдающими нравственными несмышлениками, оказались сами нравственными недоучками. И настырный, наглый деляга — профсоюзный деятель. И много пережившая мать Николая. И несчастливая его сестра. Все те, кто участвовал в суде, когда разбиралось дело Танюшки и Николая. И прежде всего библиотекарша могла бы разглядеть, что любит Николай свою Танюшку. Да нет, воспользовалась бедой и недоразумением, «прибрала» его к рукам. Ну а он, Николай, зачем женился на нелюбимой? Отчего не смог отстоять себя перед натиском «добрых» людей? Все оттого же. Понимать себя — этому никто его не научил. Спросить, как быть в нравственном конфликте, не у кого. Полная нравственная глухота вокруг. А бодренькая улыбочка под занавес «припечатывает» вывод: не по плечу, мол, этому работяге высокие страдания и поиски единственной любви, не по силам тяжесть нравственного выбора, давай работай, вкальвай, тут и «дурь» вся твоя кончится, пройдет.

Концепция эта вредная. Она утверждает невозможность разрешения нравственного конфликта молодым человеком не только из-за его личной нравственной тупости

и «дури». Общая нравственная безграмотность также обрекает якобы на неизбежность конфликта и на фатальную его неразрешимость. Не зря обратились мы к подробному обсуждению подобной концепции.

Это неправда, что молодой человек обречен на нравственную убогость, что ему «не у кого спросить» про достоинство, честь, верность чувств, про доверие к себе, к чувству любви в его жизни, как выяснилось, единственному и настоящему, что доставляет страдания, муки. Это верно, в школьной программе курса по этике пока еще нет. Но ведь нравственное воспитание достигается самыми разными методами, способами и каналами. И разрешение нравственной коллизии, моральных конфликтов — не самая ли популярная это рубрика газетных публикаций, журнальных? Да и наука не стоит в стороне. В последние годы вышло немало серьезных исследований по проблемам морали. И наконец, литература, наша современная и великая русская литература, не «по ту сторону воспитания» находится. Все это в действительности формирует тот уровень нравственной зрелости, который является основанием и фундаментом для разрешения конфликтов в сферах тонких и деликатных, в вопросах верности и любви.

Негде узнать о высоких чувствах... Но купите массовым тиражом выпущенную пластинку с записью стихов Тютчева. О настоящей любви, о переживаниях единственности, неповторимости этой любви, об утрате единственной. «Не живется, друг мой, Александр Иванович, не живется... Только при ней и для нее был я личностью. Только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я осознавал себя... Я убедился по опыту: этой страшной пустоты во мне ничто не заполнит, ничто не помогло, ничто не утешило. Не живется, не живется, не живется...»

Нет, неправда, что негде узнать о высоких чувствах, о моральных понятиях. А произведения наших писателей и поэтов? А пьесы, идущие в наших театрах? А фильмы, столь любимые нашими зрителями?

Правда, подобное видение читатель встретит в иных судебно-психологических очерках. Так что авторы фильма не одиноки в поисках самых безысходных моральных красок, самых мрачных тупиков.

Но даже самые тягостные конфликты могут найти человечески полноценное, социально оптимистическое разрешение. И в связи с этим представляется уместным под-

вергнуть критике пафос фильма. Нет, совсем не автоматический характер носит процесс утверждения в жизни высокой морали, социалистического образа жизни; это утверждение — процесс диалектический, он реализуется через преодоление противоречий, через разрешение конфликтов.

В работе по нравственному воспитанию мы стремимся к тому, чтобы кодекс строителя коммунизма был освоен человеком сознательно на рациональном, на духовно-волевом, на эмоциональном и нравственном уровнях. Мы должны видеть и тех, кто в действительности, прикрываясь словами, к этому кодексу либо нейтрален, либо настроен отрицательно. В этих случаях необходим комплексный подход, анализ, включающий прежде всего мировоззренческий, политический и нравственный аспекты. Вопрос этот представляет особую актуальность сегодня и нуждается во всестороннем рассмотрении.

В. И. Ленин подчеркивал упорный, долгий и глубокий характер работы по перестройке нравственного сознания. Переворот в сфере сознания «это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда эта победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым» *.

На эту нравственную борьбу с привычками, с мелкобуржуазной распущенностью в самых разных сферах жизнедеятельности ориентируют человека требования общества, ориентирует нравственный кодекс строителя коммунизма.

...Самое время сейчас осваивать на практике высокие образцы нравственного поведения. В десятой пятилетке — пятилетке эффективности и качества — в особенности важно уметь отстаивать государственный интерес как личный нравственный принцип, не боясь вступить в конфликт с теми, кто его нарушает. Необходимо осмысливать явления нравственной жизни на этическом уровне. Необходимо научиться умело овладевать механизмами нравственного регулирования своего сознания и поведе-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 5—6.

ния, и в частности таким, как разрешение противоречий в нравственной сфере.

Необходимо правильно понимать механизмы моральной жизни и формировать навыки конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, чтобы утверждать в жизни более высокую нравственную установку. Такая позиция вооружает молодого человека нашего общества идейными средствами для овладения ситуацией, позволяет добиться власти над собой и над обстоятельствами.

Практическое освоение механизмов действия морали — это и оружие в борьбе с теми, кто под видом «радетелей высокой морали» стремится объявить монополию на компетентность в нравственных проблемах, тщится отравить наш моральный климат в угоду собственным интересам.

Прогресс нашего общества выражает себя и в овладении все новыми и новыми вершинами духа, утверждении высоких нравственных образцов и их осмыслении, в процессе компетентного и животворного разрешения трудностей, противоречий, конфликтов с позиций коммунистического мировоззрения, нашей морали. Прогресс этот — во всем, что способствует каждодневному утверждению социалистического образа жизни.

Письмо первое

Я не стану тебя завоевывать, Я не буду за тебя сражаться. Учти, письмо это я буду писать столько, сколько позволит время, долго и нудно. Дипломная практика наша почти погорела. Ребята не смогли сами наладить машину, кибер наш замолк. Мы с позором вернемся, если не удастся использовать остаток времени и сделать всю работу (начать да кончить). Дождь, слякоть, грязь и позор. Хотя, может, удастся избежать делового краха. Погляжу себе в глаза. Это ясные глаза честного банкрота. Вот пусть об этом узнаешь и ты. Я намерен без дураков все тебе рассказать и тем самым себе.

Учти, я очень образованный. То, что предки считали «классикой», давно переварено. (И выплюнуто.) И еще, как тебе известно, я неплохо знаю музыку: ни один диско-ман без моей консультации не обходится. У меня диско-тека самая лучшая на курсе, и так все пять лет. И книг у нас три стенки. Значит, кое-что я читал. Из древних, например, знаю, между прочим, разницу между любовью-эросом и любовью-агапе, то есть возвышенной. Не хуже, чем некто, «На волнах моей памяти», если надо, могу спеть. Кроме того, я красивый — таково общественное мнение. Самое мое главное — самая главная беда — я тебя люблю. Но, если говорить красиво, как тот Аркадий, — сознательно бегу от счастья. Бегу от победы. Скажешь — пижон, нахал, считает победу гарантированной. Да, считаю. По крайней мере до сих пор так было.

Мой приятель по поводу девочки из консерваторских кругов сказал: «На фиг мне такая роскошь!» И я скажу: зачем мне жар-птица... вытянул перышко одно и то едва не спаллся. А что было бы дальше?..

Уже пять минут меня выкликают в коридор. Может, кончили ребята возиться с машиной. Не замигала ли, родимая? По правде, соскучился я. И все же не откликаюсь. Сижу вот один на один и говорю тебе гадости. Зато честно.

А перышко-то светится, от жар-птицы. И жжет — нет сил выносить.

Письмо второе

Выманивали меня по прозаическому поводу — пиво пить. С горя, раз кибер капризничает до сих пор. А я держусь. Теперь вот вечер, в Доме культуры — танцы. А я с тобой выясняю отношения. Пусть система идет вразнос (любовь в смысле), а я выясню. Методика предложена самим метром Гёте. Написал он «Страдания молодого Вертера» и излечился от любви. Я уже предпринял два шага. Этот вертеровский шаг, точнее гётевский, — третий. Главный, последний.

А помнишь ты, какой был первый? Сцена ревности, когда я разорвал твои южнокурортные фотографии. Дешевый водевильный жест. Сознаюсь. Но все же, какое хамство! Это же надо, снимочек такой дома держать. А главное, надо снять так, исхитриться. Он ведь гадость тебе устроил, этот маэстро фотографический. Он тебя снял со спины, статуэткой такой и чтобы все особенности фигуры силуэтно, четко вырисовывались. Это, в общем, неплохо, скромненько. А зато физиономии твоих обожателей под солнцем видны как под прожекторами. У каждого, конечно, свое, он думает, нарисовано на личности, а на деле одно и то же. Съесть готовы тебя... глазами. Один как будто даже жестикулирует всем лицом, мерзавец. Ну что, не видела ты разве этих глаз? Позволила, значит? Как сказано в одной книге, они уже прелюбодействовали с тобой в сердце своем. Между прочим, из библии, вдруг ты не знаешь, хотя знаешь наверняка, как и всяких вагантов, да еще Сафо и пр. Кстати, кто-то говорит в той же книге: «А еще имею я против тебя то, что оставил ты первую любовь свою». Неплохо сказано. Ты — настоящая моя, первая взрослая любовь. Я тебя не завоевал, не завоевал твоей любви. И я тебя оставляю.

И правильно сделаю. ...Свобода воли, любят сейчас трепаться про это. Про свободу воли я с тобой порассуждаю в п+I-м письме. Какая, к черту, свобода воли? Единственно, где я ее проявлю, возьму и плюну на самого себя, не буду завосывывать, не буду, не буду... Все...

Стало быть, первый шаг был с фотографией. Помнишь, я ее порвал. Ты меня выгнала и сказала: «Все». Но ты знала, что это не все. Второй шаг — ты про него ничего не знала. Завел я липхой роман и сам сказал себе: «Все». Но я тоже знал, что это не все. (Расскажу тебе про это когда-нибудь в другой раз.)

Письмо третье

Пишу тебе поздно ночью после маленькой заварушки. Вечером вернулся наш с тобой приятель Валера и спросил про тебя в ходе общего разговора: «Ты с ней живешь?» — «Ею живу», — я так ему ответил. Ответил бесконтрольно, но верно. Он рассмеялся. «Ну и вид, — говорит, — у тебя сейчас. Что, перчатку бросишь? А дуэль когда? Можно в воскресенье». В ответ я светски посмеялся и помял его чуток, вполне дружелюбно. Он теперь лежит, доктора к нему вызвали, а меня будут разбирать, благо время есть, пока кибера чинят.

Можно было игнорировать хамскую форму? Вполне мог бы ответить в довольно приятной манере: «А что? Ничего девочка? (Вопросительный взгляд.) Завидуешь?» И он бы ответил мне тоже в светской манере: «Ничего, мол. Только не в моем вкусе».

А теперь этот пижон смеется надо мной. Перчатку, видишь ли, я ему бросаю: такой у меня вид.

Ею живу — самому даже понравилось. Хотя что понравилось? Ведь все. Грубо говоря, завязал.

Именно потому, что все, расскажу тебе, как осваивал я твою эту самую поэзию. Знаешь ведь, как брезгую я стихатами. Злись не злись, а стихата. Стихата — это ваше дело, гуманитарное. «Любовь — дары» — это еще куда ни шло. Пусть дары, хотя на деле любовь за любовь, и не меньше. Но «в огонь!». (Учти, все цитаты — по памяти. И все цитаты точные. Можешь проверить. Моя память еще ни разу не подводила меня.)

Любовь — это все дары
В костер — и всегда задаром!

Ну не бред ли? И сейчас знаю, что бред, но читаю твою Цветаеву все же с большим удивлением. Логика у нее железная, вполне мужская. Сила чувствуется и мужской ум. Как хорошая машина, если угодно. Но тут же логика — в огонь. Ахматова хоть (цени, ты еще даже не знаешь, что я за Ахматову принялся), так вот Ахматова по-женски, правда, тоже норовит поразить глубоким смыслом. Сначала воркует-воркует, а потом из-за угла как шибанет. Довольно у нее сильно про любовь:

Но верно и гайно ведет
От радости и от покоя.

Получается, что стихи все за меня и сказали. Любовь? Где тут радость-то? Всего перекопало, а о покое думать нечего. Кому такая любовь нужна! Не мне. Поняла?

Если говорить про Ахматову, то ей нельзя отказать, ухватила она кое-что:

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

Неплохо сказано, хотя по смыслу чушь. Что хула — не похвала, каждому ясно. Но вот если ты ругаешь меня даже и, может, жестоко... Это точно, для меня не хула. Правда, не утверждаю, что похвала. Когда две эти строчки ахматовские прочту, чувствую — выразила она в них что-то. По отдельности одно, а вместе появляется какой-то новый смысл. Но учти, смысл этот на основе вполне бессмысленных построений.

А еще хуже это то, как логика расходится со смыслом у дорогого Михаила Юрьевича Лермонтова.

Есть речи — значение
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно.

А помнишь, как оно кончается? Страшное дело. Ну и что? Побокую, значит, логику, побокую здравый смысл? Значит, есть смысл помимо логики? И должен я понять из твоих, например, темных речей, что человек со всеми своими потрохами логикой не измеряется. По-твоему, не измеряется даже умом. А я, видишь ли, буду специалистом по теории исследования операций. Тут логика на первом месте. Она впереди смысла и смыслом заправляет. Заправляет она и твоими «цепностями». Пусть меня четвертуют, но я не понимаю, зачем ты разделяешь то, что полезно (полезно — разумно — просчитано — логично — утилитарно). И то, что ценно (для тебя это справедливо — морально — истинно — гуманно — прекрасно). С логикой твоей, даже пусть женской, я могу согласиться и способен ее победить. Тогда победить и тебя. Но тут именно тот случай, когда значение для меня темно, а не внимать для меня невозможно. И не выкручивайся. Физиками-лириками здесь не отбойришься. Основательнее здесь дело, серьезнее, а в чем оно — я разбираться не желаю.

От тебя ведь можно ждать: дары все, какие возмож-

но, и — в огонь. Что же это? И не тяни меня в ту сторону. Я не хочу. Жизнь не на том должна стоять, что тебе внушили стихата. Где отсутствие необходимой информации, необходимой ясности, там нестабильность и в результате система идет вразнос. Не могу я жить в таком режиме, в режиме с избытком неясности, неопределенности, а тем более, чтобы значение было для меня темно.

Письмо четвертое

Дали мне по шее (в разных смыслах), но об этом потом и сие несущественно. Грубые люди пришли, схватили за шиворот и грубо потащили на моральный мордобой. Ну и пожалуйста, сколько угодно.

Доскажу все же мысль. Вы, гуманитарии, — хитрые. Я про тех, которые культурные, конечно. И не такие культурные, что держатся за стенку. Оцени каламбур, «держаться за стенку» с хрусталем, с книгами и прочим барахлом — не так плохо сказано. (Стенка-то, бывает, оценивается в цифру с тремя нулями.) Я про других, кто живет на самом деле высокими материями и ценностями подлинной культуры. Начну снова свою нетривиальную мысль. Хитрые, говорю, вы, которые на лучших образцах воспитывались, которые вскормлены культурой. Почему хитрые? Потому что умеете вы страдать «впрок». Потихоньку, полегоньку проникаетесь и сочувствием, и милосердием к другим, учитесь состраданию, пониманию. Страдать учиться. А когда хватит вас поперек спины, как меня сейчасхватило, — у вас тут опыт. Он вас и защищает. И вроде не от чего бежать, переживать вас научили. Закаленнее вы, крепче. А я вот в школе в сочинении выпускном взял эпиграф (сочинение было на свободную тему): «Я в жизнь пришел не для страданья, пришел для счастья, для любви».

Ну, и что получается? Много радости мне от такой любви? Не удалось мне высказать, что я хотел. Надо еще, наверное, додумать. Тогда повторю додуманную мысль: ты моя первая взрослая настоящая любовь. Но почти все, что у тебя есть, мне не нужно. Я всегда, наверное, тебя искал и буду искать. Но ты оказалась не такой. Труднее в обращении. И я оказался неожиданным для себя. Радоваться научился, но, видно, не тем радостям. Я тебя люблю, но знаю, это безнадежно. Мужчина должен полностью быть уверен, что она твоя и никаких неожиданностей

у нее нет и быть не может. Как же с неожиданностями жить? Неужели как я сейчас живу, живу две жизни — твою и мою, две минуты, твою и мою. Где ты? С кем? Что думаешь? Думаешь ли про меня, а если думаешь, то что? Она должна быть надежна, понимаешь? Ты прочтешь и иронически поправишь: однозначна. А я еще раз тебе скажу, она должна быть надежна без неожиданностей, без неясностей.

Я ведь помню, как ты меня высмеяла: проповедую я, мол, законы термодинамики там, где господствуют совсем иные... потоньше. Еще, что я с кандалами на душе (с кандалами!) явился в царство свободы и гремлю этими кандалами. А свобода — это то, в чем ты живешь со своими чувствами. И свободными должны быть и наши отношения. Какого черта свобода в отношении с бабой, да ты что! Пусть это в стихах: «Души высокая свобода, что дружбою наречена». Дружба — дело мужское, и ты меня в это не втягивай. Понятно? Все это обман насчет высокой свободы в отношениях с женщиной. Я повторяюсь, и пускай я смешон, но раз все, значит, все. И скажу тебе, что нельзя так жить, чтобы каждую секунду мучительно зависеть от своего чувства к другому человеку или от самого этого человека. Нельзя это, невыносимо. Страшно. Откликаться я должен на твои душевные переливы, а не умею, не могу. И дрожу, что другой откликнется. А я тогда что? Получается, что ты — более сложная система, чем я. Но зато такие, как я, нужнее, надежнее. Пусть даже статичнее, пусть, может быть, топором срублены, но зато по-своему надежны. Однажды говорили-говорили мы с тобой, я и побежал к машине — убедиться в моей нужности. И убедился. Мигает мне машина, успокаивает, шуршит что-то свое. Хорошее, пужное. Сочинил ей задачку, слопала с аппетитом и решение красивое выдала. Да, многому можем мы поучиться у машины: и организованности, и четкости, и экономичности. И как не тратить себя напрасно на метания и на страдания такие, как мои. Сочинить бы программу под кодовым названием «Киберэрос» для просчитывания бесконфликтного варианта любви. Но на основе соответствия в самом важном смысле! Какой должен быть идеальный партнер — пусть скажет. Или какой его дубль, если идеального партнера не предвидится по имеющейся информации. И велик ли процент опасности неразделенной любви? Тогда не окажешься дураком по крайней мере. В общем, можно про-

считать такой оптимум, чтобы любить без душевных переливов и без таких эмоций, после которых не знаешь, воспрянешь ли ты.

Так вот, отправился я к машине, а потом вновь вернулся к тебе. Вкус горького миндаля — вкус твоих губ — меня отравил. Бацилла, которая принесла мне эту тяжелую болезнь — любовь к тебе, — бацилла чужого для меня склада. Я это ясно сейчас понимаю. А для тебя мой склад и мой стиль — «моя бацилла» — может быть, всего лишь частный случай человека, или, как ты говоришь, случай «частичного человека». И тебе бы подлежало быть такой в моих глазах. А не такая ты. А какая? Миллион тебя, целая радуга.

Обещал я сказать тебе про шаг № 2, шаг от тебя. Я только что говорил про «Киберэрос» — это также значит, что женщины взаимозаменяемы и кибер мог бы найти дубль и еще повтор, если произойдет неудача с «оригиналом».

Заменял я оригинал, чтобы наконец порвать полностью.

Письмо пятое

Не решился я рассказать тебе. Ворочался, ворочался ночью. Вот сейчас встал и, пожалуй, сожгу мосты. Расскажу, только без имен, конечно.

«Любовь... ни за что не узнаешь, если встретишься с ней в помойном ведре». Ганс Христиан Андерсен, сказка «Жених и невеста».

Хорош Андерсен. Он тоже методику предложил, как от тебя избавиться. Надо окунуться в помойное ведро — и все дела. Ну, не надо так уж чернить, грязнить и пр. Просто закрутил я такой лихой романчик — сам удивился. Собственно, удивился, как это при большой-то любви такой романчик. Ничего получается. Учти. Порядочность по отношению к тебе не пострадала. (С тобой у меня ведь не это.) Значит, если хочешь, я себя только вверх в «пучину»... так сказать. И рад был, что с тобой «до пучины» не дошло. Тогда была бы неверность. А я все же не только умный, способный, перспективный, красивый. Я еще порядочный, не хуже тебя чистоплюй. Обязательств по отношению к тебе нет. Стало быть, я ничего и не нарушил. Логично? И никакого темного смысла. Ты-то знаешь с твоей чуткостью, что такая пучина у меня не пер-

вая и далеко не последняя. Ты вот у меня первая. Какая ты в этой пучине была бы, об этом думаю без конца. Но чем сам я грязнее (пусть так, хотя сомнительно так меня чернить), тем дальше ты и недоступнее. Разве с тобой можно, как со всеми?

Итак, по рецепту Андерсена сунулся я в помойное ведро. Не буду ханжой. Радости испытал цревеликие. Всехто грехов, что без высоких слов про любовь. Тогда про себя решил: все, и отпраздновал это в ресторане со своей прелестной партнершей.

Вышло только, что Андерсен обманул. То ли потому, что сказка, то ли потому, что вам, гуманитариям, вообще нельзя верить. Вот так-то с вашей духовностью обстоит дело. Нельзя вашим методикам доверять. Безответственные вы люди, я имею в виду неудачный опыт Христиана Андерсена.

Теперь посмотрим, что гарантирует мировая слава самого Гёте. Вертер стоил автору меньших затрат, чем мои письма. Он профессионал, а у меня профессия другая. Поэтому я выкладываюсь больше, чем он. И если он спасся, то я тем более должен спастись. Пу, смотри, если он подведет, сам Гёте.

Письмо шестое

Сообщаю тебе во первых строках, что схлопотал я общественное порицание и в последующей инстанции. Противник мой благородно не сказал, в чем было дело. И правильно. Свое получил он. Свое получил уже и я от ближайших товарищей. И в любви так надо. Знаешь, что можешь получить от самой хорошенькой девушки, как говорят французы? Надо иметь гарантию. В чем гарантия? Вообще ты думала когда-нибудь про гарантии? Все ведь на них должно держаться. Вот великий тезис: «Любовь. На ней все основано». Так? Семья, дети, целая куча прав, даже имущественных и т. д. А семья держится на чем? На любви? А если любовь, как у тебя, в высях духовных (ну, пусть ты хорошая хозяйка, и шьешь, и прочее, и прочее) и все же эта твоя неизвестно куда устремленность? Что же, я должен всю жизнь волноваться, нервничать? И где моя гарантия?

Известно, что творчество не терпит никакого формализма. Ладно... Тогда какие я имею гарантии, если ты вся в творчестве? Ты, так сказать, растешь, а у меня

что, других забот нет, как этот твой рост переживать? Я вот сейчас вспоминаю твои разговоры про духовность, и опять это души высокая свобода, что дружбою наречена, и меня просто от нее передергивает. Отвечу тебе, только точную ссылку забыл, уж очень скоростными методами осваивал я поэзию. Кто-то сказал в подобном случае:

Но ты мне душу предлагаешь,
На кой мне черт душа твоя?

Не нужен я тебе, наверное, просто. А партнерше моей прелестной, «спасительнице» нужен. И она мне тоже. Понятно?

Письмо седьмое

Скоро машину наконец починят. Кибер снова будет «свой парень». Не дай бог, настроение мажорное станет. Все покажется в хорошем свете. Надежда будет давить на психику. А надежды не надо. Все ведь должно быть прояснено вполне трезво.

Беда только, что смотрю на себя часто твоими глазами и вижу: не потяну я жизнь по программе, которая тебе подходит. Получается, очень много придется мне тратить сил на тебя, на свою любовь, на то, чтобы так или иначе тебе соответствовать. И потом радость эта не греет, она прожигает насквозь. Понимаешь? Вот как. Клеммы все, соединения летят, система идет вразнос. А я свободен и ничем не связан, отдаю все, что могу, не требую большего, чем мне полагается. Твоя «безразмерность», однако, никакой регуляции не подлежит, никаких мерок не имеет. Ну и как тут быть? Это катастрофа — так раствориться в другом человеке. А я и на равных-то не могу, не то что раствориться. Я мужик. Сто раз готов тебе это повторить. Я должен главенствовать. Я должен в своих руках держать всю ситуацию, и ты не можешь выходить за рамки того, что я знаю, понимаю, что я чувствую. Хотя можешь чувствовать иначе, это твое дело. Фильм и то смотрю твоими глазами. Надо это прекратить.

Сегодня я пишу тебе особенный бред. Ну и пусть! Что же следует для меня из всех размышлений? Доминирует сейчас в моей жизни любовь к тебе и доминируешь конкретно ты. Два медведя в одной берлоге ужиться не могут: я и моя любовь к тебе. Уж очень они мешают друг

другу. Да, наверное, и ты не будешь счастлива, пока я так мечусь и так люблю. Каждый день я как на канате. Грохнусь вниз, и ты тогда увидишь, что я соответствовать тебе не могу, собственной любви к тебе я не могу соответствовать. До своей любви я не дорос. Как личность не дорос. А она этой тяжести, моя личность, выдержать не может. Вот это и есть кандалы, оковы. А любовь возникла раньше, чем я до нее дорос. Может так быть? Или это тоже бред вроде твоей всей духовности.

Когда-то должен вступить в силу инстинкт самосохранения. Вот он и вступил. Уйду туда, где не надо никаких метаний и искаши (кроме профессиональных). Там-то я соответствую, и в конце концов не бегство это. Поняла? Я, кажется, и сам не понял. И потому какая-то опасность, я чувствую, меня подстерегает. Как это можно, тебе только отдают, отдают и не спрашивают ничего взамен. Ведь ты ничего от меня не хочешь? Нет, уж лучше я — тебе, ты — мне. Это честнее. Из-за тебя я испытал огромную любовь и огромное для меня страдание. И нечего это во мне вызывать. Не вызовешь. Методика Гёте сработала. Все.

P. S. Письмо я запечатал, а ночью ты мне приснилась. Смотришь на меня с улыбкой. Не такая улыбка, как у Моны Лизы. У нее подлая улыбка. (Вы там говорите что хотите, разводите вокруг нее какие угодно ахи и охи.) Улыбаешься ты своей собственной улыбкой. Она у тебя и духовная, и совсем даже наоборот. Улыбаешься и говоришь: «Посмотрим». Но наяву ты так никогда и не скажешь.

**Для чего
красотку
красть!**

...«**Е**сли можно просто так уговорить», — поется в старой популярной песенке. В самом деле, зачем красть нынче красоту? Уговорить — и все.

Я бы не стала рассказывать эту историю, если бы не ее «классический» конец. Дело казалось совершенно безнадежным, когда я натолкнулась на его «слушание» или, лучше сказать, рассмотрение в инстанциях ГАИ.

Работала я в то время над очерком, в котором рассказывалось о деятельности ГАИ, о людях, попавших в дорожный инцидент, весьма прискорбный... Настроение мое было тяжелое, и, услышав вдруг разговоры работников о той, другой, истории, я подумала про себя: «Попал парень в беду. Вряд ли выбраться ему без тяжелых потерь. Похоже, что «светило» ему серьезное дисциплинарное взыскание, понижение в должности, а может, что и похуже. Подсуден, так сказать, парень — это точно. Парень имел намерение украсть девушку, и украл ее. И должен был понести за это наказание. Ну, так тому и быть, значит».

Оказалось, что не так.

...Мила была уверена поначалу, что, как и во все предыдущие дни недели, она дойдет по некрепкому, уже рыхлому от весеннего солнца снегу до шоссе, а там, как обычно, на автобусе или попутной машине доедет до электрички. А оказалось, что за ночь проселочная дорога так раскисла, что выбраться даже на обочину шоссе невозможно. А выбраться надо обязательно. Потому что там, в дачном поселке, в доме остались заболевшие бабушка и дедушка. На лекции она может ходить сейчас на вторую пару, удалось договориться в деканате. Поспеть бы только хотя бы на эту лекционную пару, не провалиться бы совсем в этой снежной трясине. И рядом, как на беду, никого нет. Кроме бабушки с дедушкой, в такое время в поселке живет еще человек десять. Да и они, наверное, уже ушли на работу. Поэтому сейчас ни одной души на улице. Миле же надлежит вернуться сюда в конце дня, а может, удастся и врача привезти, если согласится ехать в эту глухомань.

Мила умеет иронически улыбаться. Ей даже очень идет такая улыбка — к ее простодушному, милому лицу. Ироническая улыбка делает его загадочным. Но сейчас ей

не до улыбок. Нежное личико побледнело, брови сдвинулись. Мила всерьез испугана. Назад тоже не пройдешь, хотя дома есть высокие сапоги (их бабушка называет болотными). Пусть болотные, хоть бы в них добраться до шоссе... Вернись она назад, может быть, прошла бы по самому краешку у забора. Но не вернешься. И вперед не пройти тоже. Промокнешь, простудишься, а что будет со стариками? Отец с матерью тоже не смогут сюда выбраться из Москвы — повальный грипп.

Он подоспел к ней в самый критический момент. Как в сказке. Только он был не принцем, а Валерием, сержантом милиции, работником линсйной службы ГАИ. Как он здесь оказался? Загадка. Но факт. Как будто знал, когда надо появиться на безлюдном проселке, в этом безнадежном тушике. Валерий на патрульном вездеходе подъехал вплотную к девушке и открыл заднюю дверцу машины. Сурово взглянув на Милу, спросил: «Что, тонем?» Девушка ничего не ответила. Жалобный вид ее означал: «Тону».

Мила, все же зачерпнув воды в сапог, ступила на подножку, влезла в машину. Вопросов спаситель никаких не задавал, а молча двинулся по раскисшему снежному проселку. Только не туда, где было шоссе, а следовательно, и электричка, а совсем в другую, не в ту, куда пужно было Миле, сторону. Она не сразу сообразила, что едут не туда, а когда поняла, встревожилась: «Куда же это мы?» Валерий обернулся и, притормозив машину, посмотрел Миле прямо в глаза: «А я ведь вас украл».

Девушке было не до шуток. Она сидела съезжившись на заднем сиденье с загадочным лицом, с которого исчезла ее привычная ироническая улыбка, и молча обдумывала положение. Человек служивый, военный можно сказать, и находится на работе, значит, не страшно. «Украл! Хорошенький экспромт. Ничего себе — наступательная тактика у мальчика».

«Мальчик» в самом деле был из наступательных. Сросшиеся брови, светлые волосы, не поймешь какие глаза — так глубоко сидят, — решительный подбородок. Ясное лицо, какое-то при всей своей внешней наступательности мальчишеское, хотя и дерзкое, но неожиданно мягкое. Много позже разобралась Мила в этих своих впечатлениях. А тогда, в первую минуту после этого откровенного «Я вас украл», она увидела только, что глаза его блеснули, и показалось, блеснули недобро.

Да нет, не украл же в самом деле. Помог, спас, если хотите. Искренне вам признательна и наши все будут очень рады. Чему рады? Рады будут высказать вам свою благодарность. Мила решила защищаться чопорностью и «уровнем», престижем. Папа ее полковник. (На военного это должно произвести впечатление.) Может быть, вы, как спаситель, нанесете нам визит и... вы коллеги с моим отцом... он тоже военный, правда, не в МВД... он полковник инженерных войск... Девушка смешалась, ее прием был разгадан.

— Я правда вас украл. Но только вы меня не бойтесь. Давайте лучше познакомимся.

— Куда вы едете?

— Такая моя патрульная служба, и еду я по маршруту. А вам, я знаю, нужно на электричку. Но на нее вы сейчас не попадете. Час, а может, полтора, подарите мне. А потом я вас отвезу в институт. Вам ведь на занятия надо? Так вот, я охотно вас туда доставлю, я знаю, где институт ваш находится.

— Но вы же не таксист... Довезите меня до стоянки в крайнем случае, — девушка начала беспокоиться.

В самом деле, сержанту явно не полагалась такая самодетельность. И если он ее проявил, то парень он, видно, лихой. А если он парень лихой, то...

— Как вас зовут, я знаю. Вас зовут Мила. А меня зовут Валерий. Я учусь на юридическом. Но, наверное, уйду с факультета. Чувствую: вряд ли из меня получится юрист. Ну а вы, может, тоже что-нибудь расскажете про себя, кроме того, что вы Милочка, что папа ваш военный, что вы ничего не боитесь, раз папа полковник. Про бабушку и дедушку я знаю и так.

Девушка молчала. Валерий тоже замолк. Машина помчалась быстрее, выбрасывая из-под колес струи брызг снежной каши.

Валерий хотел еще что-то сказать Миле, но вместо него заговорила рация. Его срочно требовали на пост. Немедленно. Справлялись о координатах, о направлении движения, почему не откликается. Валерий весело взглянул на Милу и, включив микрофон, четко ответил:

— Еду в неизвестном направлении. Иду на превышение своих прав, совершаю служебный проступок. Отвечать буду по полной форме.

Дежурный сердито откликнулся:

— Ты что, озверел? Отвечай по делу, без шуток.

— Отвечаю по делу. И временно отключаюсь.

Он выключил радию и повернулся к Миле. Девушка не узнала его лица. Валерий был сосредоточен, спокоен, детское выражение пропало. Перед ней был совсем другой человек. Девушка растерялась. Неужели преступник?

Валерий весь напрягся, чтобы сдержать себя, чтобы не испугать Милу признанием, которое он собирался ей сейчас сделать.

О чем он ей скажет? О том, как он вечерами, после работы исследовал весь ее путь от института до этого домика в поселке, а по утрам, поменявшись дежурством с товарищем, следовал за ней в электричке и дальше до института? О сокурсниках, друзьях, которые провожают ее? Впрочем, провожают только до электрички. Лишь один раз высокий крепкий парень довел ее до дедушкиной дачи. Пожалуй, неплох этот парень. Сильный, не побоялся идти назад так поздно один. Валерий изценировал даже некую сценку. Подошел к нему, попросил закурить. Тот ухмыльнулся и поиграл плечами: «Не курю». И не поторопился быстренько уйти, а стоял, готовый к продолжению стандартного разговора с возможным хулиганом. Неплохой парень, пожалуй. И Мила на него благосклонно смотрела, как успел заметить Валерий. Про это говорить? Не стоит. Не стоит, пожалуй, сейчас упоминать и о ее родителях. Родители-то ведь на самом деле не такие уж и занятые люди. Полковник-отставник мог бы и сам позаботиться о стариках. Нет, свалили все на дочку. Да и мамаша предпочитает больше расхаживать по кино да театрам, а не заниматься хозяйством. Крепкие люди, а выезжают на девчонке. Хотя девочка, видно, сама вызвалась помогать старикам. Или про то рассказывать, какая она в его воображении? Да нет, не в воображении, а на самом деле. Или про то, как девчонки к нему «благоволят» и что произошло у него у самого вчера? Вчера он объявил «своей девушке», что влюбился. Влюбился в незнакомку и поэтому не имеет морального права дальше за ней ухаживать, хотя, пожалуй, это слово — ухаживать — не подходило к их коротким отношениям.

«Его девушка», пожалуй, не приняла всерьез это сообщение. Валерий не стал дальше объяснять свое решение. Он сказал достаточно и, может быть, даже больше того, что хотел сказать другому человеку о себе самом. Себе же он сказал твердо: «Больше никаких ухаживаний. Размениваться не буду. Это Она. Она и никто другой».

Проехав молча еще с километр, Валерий свернул на дорогу чуть получше проселочной и остановил машину.

— Мила, пожалуйста, сядьте со мной рядом, нам надо поговорить.

Теперь уже Мила смотрела на своего спасителя с вызовом, дерзко.

— Хоть и спаситель вы мой, из грязи и снега вытащили, от гриппа, возможно, уберегли... — сказала она твердо и решительно, — но все же ваш поступок похож на провокацию. Я отказываюсь говорить с вами. Прошу доставить меня к автобусной остановке.

— Ну хорошо, — усмехнулся Валера. — Сидите на заднем сиденье. Нападение вам, Милочка, не грозит. Не бойтесь. — Он смущенно улыбнулся. — Все вышло не так. Совсем не так.

— И к тому же вам попадет за эту выходку... — Она искала, как назвать его. — Сержант.

— Меня Валерий зовут. Позвольте, я вам лучше расскажу про себя.

Валерий ясно, толково, не сбиваясь, принялся рассказывать о себе, о том, как приехал в Москву на стройку. Потом по совету товарищей решил пойти в милицейскую школу. Сам он из Закарпатья. Как сюда занесло? Да вот занесло, может быть, и зря.

— И что же, у вас там крадут девушек, как раньше на Кавказе или в Средней Азии?

— В Средней Азии другое, там девушку выкрадывали, чтобы калым с родителей получить, — ответил Валерий. — Пережитки, так сказать, прошлого. На Кавказе крали по уговору. Помните, как в «Кавказской пленнице»? Я же вас, Мила, украл только для того, чтобы попросить: дайте мне возможность, дайте мне время с вами видеться, общаться. Ведь не подойдешь к вам просто так на улице. Оттолкнете. Вы даже ни на кого не смотрите. Я лицом к лицу с вами провел в электричке много часов. Вы даже не взглянули на меня ни разу.

— А, так это вы гипнотизировали меня?

— Я, но не гипнотизировал, конечно. Ну а других шансов у меня нет. Я прошу вас, Мила, выслушайте меня или прочтите вот это. — Валерий вынул из нагрудного кармана три конверта. — Это я написал вам в первый день, когда увидел. — Он протянул ей письмо в аккуратно заклеенном конверте. — Это на третий день. (Следующий конверт был побольше.) А это вчера. (Он

подал ей конверт, который расклеился, такое толстое лежало там письмо). Я прошу вас прочесть это. Можете мне не отвечать на них сразу. Только прошу вас, умоляю, Мила, не отталкивайте меня сейчас. Я не страшен. Я только хотел сказать вам — пусть это для вас звучит смешно, — что вы тот человек, который мне нужен, что вы созданы для меня. И что я создан для вас.

Девушка смотрела на Валерия прозрачными глазами, чуть растерянно, не зная, что ответить. Потом она спросила:

— Но что теперь будет с вами? Вас ведь накажут?

— Да, вероятнее всего. Но что я мог придумать другое? Подожди я к вам вечером, чтобы проводить до дома (я пытался это сделать — духу не хватило), ничего не выйдет. Приди я к вам в дом — примут ли родители сержанта? Да и в ваш дом без приглашения не ходят, я знаю... В институте, вы сами знаете, никаких шансов.

— Вы чрезмерно решительны. Я, действительно, возмущена вашим напором, и было бы правильно, если бы я больше никогда не захотела вас видеть. — Фраза прозвучала натянуто и как-то старомодно. — Странно. — Мила усмехнулась собственным словам. — Нет, в самом деле, странный поступок. Но давайте о нем не будем говорить. Возвратите меня домой, — сказала она уже мягко и почти жалобно.

Испуг ее прошел, и на лице опять появилось детское выражение, усложненное и искаженное характерной пронической улыбкой.

— У вас нет шансов, — продолжила она ясным голосом. — Никаких. — Но писем при этом не отдавала.

— Стало быть — «нет», — произнес он вслед за ней. И вдруг почувствовал необыкновенный прилив сил. Остро уколола в груди надежда.

— Никаких, ни малейших шансов, — покачала головой девушка, — и письма свои возьмите. Я не свободна.

— Обручены? — полувопросительно произнес Валерий и посмотрел на нее невесело.

— Помолвлена, — парировала Мила, усиливая проническую гримаску.

Ей было немного не по себе оттого, что атака этого лихого незнакомца не встретила в ней внутреннего сопротивления. Так ведь не должно быть. Она не впервые подвергается атакам, да еще и не таким. Знакомые ребята, сокурсники, да и взрослые мужчины проявляли к

ней сугубо активный интерес и внимание поквалифицированной, чем этот мальчишка. Мила вдруг почувствовала, что его взгляд, его слова, несмотря на всю глупость и двусмысленность положения, снимали одну за другой «оборонительные позиции» и «сторожевые посты», которые она обычно воздвигала между собой и активными мальчишками.

Неожиданно включилась рация, и Валерий услышал самые конкретные обещания воздаяний за свои действия и поступки и требование немедленного отчета. Тут до девушки дошла вся серьезность положения. Это окончательно разрушило то, что служило «сторожевыми постами».

— Валера, вам ведь здорово влетит.

— Не то слово, — ответил он. — Долой карьера, да здравствует заслуженное наказание. Налицо предпочтение личных интересов общественным. И еще того хуже... — добавил он мрачно.

Девушка всерьез встревожилась.

— Поехали?

— Поехали. Семь бед — один ответ.

Машина рванулась вперед. Мила тронула Валерию за плечо.

— Ну что же вы? Хотели ведь рассказать про себя...

Машина выскочила на шоссе.

— Рассказать, правда?

Валерий тихо, как будто она сидела рядом, принялся говорить. Странно, к этому он не готовился, хотя много раз видел эту сцену: как он отдает ей свои письма, как раскрывает перед ней все, что было у него дорогое и любимое. Горы, мягкие, как остриженные чайные кусты, и такие же пушистые. Нежные закаты. Дед. Отец с матерью. Теперь их нет. Они рано умерли. Он воспитанник деда. Гуцульские песни. Мила услышала эти мелодии, одну, другую, третью...

Снова включилась рация и, по-видимому, микрофон. На приеме, судя по рации, слышали гуцульские песни. Валерий снова выключил микрофон. Теперь он рассказывал ей про школу, про свой город, про друзей, про футбол. В их городе футбол — повальная болезнь, эпидемия. В витрине похоронного бюро можно увидеть футбольную афишу. Собственно, как юный футболист он впервые и попал в Москву. И тогда же, много лет назад, решил, что обязательно вернется сюда. Вот и вернулся...

— Теперь, выходит, конец карьере. И конец законный...

Наверно, после наказания придется вернуться назад, в свой город, к деду. Вряд ли будет возможность остаться в Москве. Неожиданно Валерий понял всю чудовищность положения, в котором он оказался по своей же воле. Неужели он допустил просчет, составляя свою «стратегию»?

Он остановил машину. Да, вернуться ему придется — это точно.

— А как же вы, Мила? Я не уеду без вас. Я никому вас не отдам... Вы моя.

Мила снова про себя отметила старомодность его выражений. Теперь вот «вы моя». «То воля неба, я твоя» — это у Татьяны в письме к Онегину. А чтобы про нее вот сказали «вы моя». Нет уж.

«Нет уж» надлежало произнести немедленно и сурово. Но Мила не произнесла. Она молчала. Вот сейчас сообщили «вы моя». Мама, папа, институт, перспективы, собственная карьера — что они перед этими двумя словами мальчишки? Легкомысленного вертопраха, способного совершить должностное преступление. Ради нее — преступление? Как же это он уверовал в себя? Да и в нее, видно, уверовал? Да по какому праву? Не бывает ведь такого. Не в романе же, в конце концов, все это происходит, а в жизни. Кто это может позволить так со мной обойтись? «Вы моя!»

Мила молчала, произнося эти внутренние монологи. В первый раз говорить с девушкой и позволить себе такое: «вы моя». Этот мальчик, видно, совершенно не привык считаться с правилами приличия и обхождения. Значит, он так уверовал в свои права на нее? Да какие такие права у него могут быть? Через три года она специалист с некоторой даже гарантией на работу в столице... А тут, извольте видеть, милиционер, сержант: «вы моя». Ничего себе. Красивый жест красивого сержанта. Красивого, не отрицаю. Но... «финита ля комедия». Он надеется на успех? Это с ней-то? Сейчас она ему объяснит кое-что на этот счет, как ее учили дома. Вспомню мамочкины уроки, поиронизировала она над собой.

Мамочкины уроки, однако, не пригодились.

Показалась «канарейка» — милицейская машина ярко-желтого цвета. Из нее вышел офицер и встал посреди дороги. Валерий остановил машину, не доехав до «канарейки», и повернулся к Миле.

— Пожалуйста, выйдите здесь, отсюда вам легко будет уехать. Тут часто ходят такси. Простите меня, но я не смогу доставить вас на станцию. Но, пожалуйста, Мила, не говорите мне сейчас, что это конец. Поверьте, так бывает раз в сто лет, чтобы сразу, чтобы вот так, как я это вижу. Милочка...

Мила неожиданно для себя ответила:

— Я, пожалуй, не выйду здесь. Отправляюсь с вами. Может быть, часть вины я смогу взять на себя. Ну, к примеру, с бабушкой что-то случилось и вы... Посмотрим.

Валерий посмотрел на нее с удивлением.

— Времени нет спорить. Пожалуйста, не надо. Я очень, очень прошу вас. Вы все испортите. Пожалуйста.

— Наверное, испорчу. Что от меня еще можно ждать? Только я останусь.

Мила надула губки. Глаза снова стали прозрачными. На лице появилось упрямое выражение.

— Поедемте, поедемте, — поторопила она.

Но им не пришлось даже двинуться с места. «Канарейка» подъехала вплотную. Из машины вышел офицер и открыл дверцу.

— Выходи-ка, — сказал он Валерию жестко. — И вы тоже, — кивнул он девушке.

...Вот именно эта история и разбиралась в ГАИ «параллельно» с моей. Валерию не только вышло полное разжалование, но и увольнение из органов милиции. Пришлось, как он и предполагал, уехать назад, в Закарпатье, в свой родной город.

Я бы не стала рассказывать эту историю, если бы не встретила Валерия и Милу в Ужгороде прошлым летом. История кончилась «старомодно». Мила сбежала с ним от своих родителей. (Те благословения на брак не дали.) Мила перевелась из столичного института в ужгородский. Дед Валерия продал дом в деревне и переехал к молодоженам в город. Живут они все вместе — Мила, Валерий и дед.

Когда мы прощались, Мила, смеясь, ответила на мой вопрос: «Пожалуй, уговорить бы ему меня в самом деле не удалось. Нужно было именно украсть».

Интересные встречи» — так называется клуб официально. В интернате бывали всякие начинания, и вскорости они проходили. А это закрепилось. Иногда клуб называли между собой «посиделки».

Лучше бы его назвать «Когда интересно». Потому что когда неинтересно, все тихо-мирно расходились, у каждого обнаруживались самые неотложные дела. Не получались встречи обычно и в конце четверти — все нервничали, было трудно сосредоточиться на «высоких материях». Высокие материи — это темы, предложенные для обсуждения на встрече. Тогда же «планировался» и следующий доклад. Докладчик вызывался сам, добровольно. Месяц или полтора он готовился: читал литературу, советовался с друзьями, случалось — и со старшей сестрой или братом. В результате советчик являлся на «посиделки» один или с друзьями. Он не только слушал, но если его братишка выступал ниже своих возможностей и «не тянул», то старший «дотягивал». Возрастной состав наших встреч очень разнообразный — от 14 до 25 лет. Кроме школьников, бывали ребята с заводов, из техникумов, заходили на «посиделки» студенты — выпускники интерната. Порой собиралось до ста человек. Но «норма», и наилучшая для наших бесед, — сорок-шестьдесят человек. Приглашали в «клуб интересных посиделок» и актеров, и писателей, и депутатов, и конструкторов. Вел заседания преподаватель литературы, молодой кандидат филологических наук.

Помнится, на самом первом заседании, на которое пригласили и меня, речь шла о карьере. И выпускников, и их родственников этот вопрос волновал особо. На афише красовался афоризм «Карьера — падение наверх?».

Докладчиком вызвался быть Костя Ф. Мы нарочно не торопились с первым заседанием. Это первый разговор — надо и стиль определить, чтобы были не трибунные речи, а собственные, чтобы мысли высказывались без боязни. Костя боязливостью не отличается, да и ребята собрались только свои. Мы с ними давнишние знакомые, с некоторыми друзья. Слово Косте.

— «Карьера — падение наверх?» Может быть, это и так. Афоризм отличный. Я как раз хочу поразмышлять над такой карьерой, которая является восхождением наверх. Хотя меня перед окончанием школы интересуют

разные варианты, даже карьера (негативно) классического Растиньяка.

...В одной газете прочел я, когда был совсем пацаном, небольшую заметку «Жизненный факт». Суть ее вот в чем. Явился на заседание правления колхоза весьма дерзкий молодой человек и заявил, что он желает стать председателем правления колхоза, и настаивал на том, чтобы его избрали. (Это произвело на меня большое тогда впечатление.) После некоторых передраг, всяких, даже смешных, он был выбран. А потом про это поставили фильм, по-моему, лакировочный, «Человек на своем месте». О нем я говорить не собираюсь. Сначала про модель начну. Когда прочитал это сообщение, подумал о дальнейшей судьбе этого председателя. Может, действительно нахал: пришел, увидел, победил. Тем не менее его избрали председателем, и он, засучив рукава, стал работать.

Я о себе подумал в таком же варианте и понял, что только так и надо. А там — выкладывайся изо всех сил, «а слава тебя найдет». Бери все на себя.

Летом поехал с братом в Казахстан. Там в колхозе, где мы жили, тоже состоялись перевыборы председателя колхоза. И вот почему. Тот, кого выдвигали, может сочетать государственные и личные интересы. Он купил за свой счет, на собственные деньги ягнят на базаре, когда был плохой год и большой падеж. Потом, когда дела в колхозном стаде поправились, взял из кассы назад деньги за маленьких ягнят. Многие ему советовали — возьми за баранов, они же стали большими, денег больше. Не захотел. А тот, кто был до него, «Волгу» себе купил, дом построил. И все время дрожал, что разоблачат его махинации. Может, уже и разоблачили. По-моему, он проиграл с «Волгой». Сегодняшний же председатель и так «Волгу» получит, раз дела пошли. Дома он тоже всем обеспечен, значит, не хуже других. Пусть даже себе лучше. Ведь выгоднее самому же, если нет надобности стучать коленками от страха. Я лично даже химию стараюсь выучить, чтобы не унижаться, чтобы от страха не извиваться (ах, вызовут!). Это, конечно, я не о карьере — о самочувствии. Хорошая карьера на плохом самочувствии разве получится?

Ребята молчали. Ведущий объяснил, что Костя говорил, по существу, о целях и средствах, о том, должна ли делаться карьера любыми средствами.

— Дайте-ка я выскажусь.

Из первого ряда встал парень. Это воспитанник интерната, теперь он наладчик электронных машин.

— И расскажу-ка я, как мне чуть было карьере не сломали. Но я не дал. И между прочим, закалка мне помогла интернатская, потому что хлюпиков у нас тут не уважают и учат, засучив рукава, действовать, когда надо. Дело такое. Из техникума пришел в НИИ, выбрали членом бюро — все же высококвалифицированный наладчик и все такое. А тут у основной машины, смотрю, простой, когда другие заняты «под завязку». Я к начальнику отдела. Он — ни то ни се, только спрашивает, хочу ли повышения и прибавку к зарплате (карьере то есть сделать). Хочу, отвечаю. В другой раз приходят к начальнику с направлением на машину — он на бюллетене. Я на себя беру пуск, он из дома звонит — не велит. Когда я докладываю про дела в отделе, говорит, между прочим, подал, мол, докладную на меня — повысить в должности, потому что машину берегу. (Машина и правда ценная, только пришла, почти нигде ее нет.) Ладно. Тут наши ребята комсомольцы решили составить программу и просчитать для горкома комсомола результаты одного молодежного опроса. На нашей машине. Директор дал добро. А начальник — ни в какую. «Мою машину осваиваю я сам». Как это «мою»? Тут я при всех объявил. Первое: машина государственная и для государственных целей. Второе: недоэксплуатация машины — потери для института. Третье: машину инсф использует исключительно в корыстных целях. Он пишет диссертацию о проработке ряда алгоритмов в режиме, допускаемом новой машиной, и сделал машину своей «частной» собственностью. В смысле: получение дохода и прочих благ строит на сдишолничной эксплуатации уникального государственного механизма. Карьеру делает на государственном горбу.

И куда только покатила моя карьера! И такой я стал, и сякой, и разэтакий. Зачем, мол, публично. И представление на меня куда-то подевалось, и выговор шеф влепил. Ну и что? Смотрел-смотрел на это комитет ВЛКСМ, да и поставил в нужных сферах вопрос о единоличнике. Там мнения разделились: зачем, мол, авторитет подрывать шефа, да мальчишка, мол, подрывает. Давайте мальчишку переведем в другой отдел.

Теперь так: шеф-начальник с выговором, а я при машине с повышением. Машина работает, и я с ней. Карье-

ру делаю. Но не радуюсь, что тому нагорело. Можно было бы без скандала — я бы за. А теперь как будет? Простенькая история? Я к тому, что компромисс мог быть с шефом. И повышение с прибавкой зарплаты. Только я как оплеванный был бы. А так, сейчас, я — пусть потрепал меня этот конфликт — с чистой душой. Хотя, учтите, работы при моей «победе» — втрое. Значит, карьера не за так. А за совесть. И рад я, что не «упал наверх», а, между прочим, тянуло. Годится история?

Брат Кости:

— Ребята, карьера — дело серьезное. Если говорить не о растиньяках и карьеристах. Тут связано многое. Например, удачи и неудачи выбора профессии, удачи или промахи в поисках своего места в жизни. Вот пример. В строительном отряде работать интересно, это я знаю по себе, и большинство ребят, которые туда едут, не только привозят деньги, важно и то, что они там просто интересно живут. Они выкладывают себя без остатка — главное, проявляют свою инициативу, сметку, остроумие и предприимчивость. Проворачиваем мы там такие мощные стройки — будь здоров. Они возвращаются. Кончают вуз, становятся инженерами, они готовы делать карьеру. Но... попадают в сложившуюся, иногда рутинную среду, налаженную, катящуюся по давно проложенным рельсам морали, быта. В такой атмосфере нелегко проявить размах и предприимчивость.

Задаешь им вопрос: в чем дело? Ответ: негде проявить себя. Может, выкладываться в отряде — это вид карьеры? Или путь к карьере? Что это значит? Это значит, что в жизни производственного коллектива (если это лаборатория — 20 человек, если цех — может и 500) не используется потенциал работника. Кем не используется-то? «Ими». А кто «они»? Надо, как этот парнишка, взять да и сказать: «Давайте-ка то-то и то-то улучшим и исправим, я лично за это берусь». (Голос из зала: «А ему по шапке».) Да не хлюпиком и не нытиком надо быть. Делом только и победишь. Правым делом. Тут ребята знают: есть некоторые — кто монеты собирает, кто пластинки. Видите ли, потому, что некуда себя применить. Это инженеры-то. Мальчишка, что полез в председатели, — самая передовая личность, если он дело знает. И самая моральная. Потому что и цели у него хорошие, и средства: сам он, лично, своим горбом обеспечивает, что считает правильным. Тут и карьера.

Когда поднялся Саша, все насторожились.

— Вы так говорите: «карьерера, карьерера», как будто это приключение какое-нибудь. Карьерера — стройотряд. Карьерера — в космос летать. У вас карьерера рядом с чем-то некаждодневным. А когда каждый день одно и то же. Я вот думаю, что можно сделать карьеру, будучи медсестрой. Моя бабушка сделала такую карьеру. Все ее любят. А еще одна сделала карьеру, про нее Василий Шукшин написал. Тоже карьерера, помните, про медсестру — пришибееву? Все ее боятся. И здесь встает вопрос: «Как тебя признают: благодаря должности или из-за любви и уважения?» Я сюда принес одну заметку, о Валентине Гагановой — она не стремилась стать всесоюзной известностью, а стала. Почему? Почему она пошла в отстающую бригаду?

Саша достал клочок газеты и прочел.

— «Откровенно говоря, было обидно, что рядом с нашей бригадой, которую всегда ставили в пример, работали другие, которых привычно причисляли к отстающим. Было, как ни странно, неловко перед людьми, словно они чем-то обделены — славой, почетом, уважением». Вот это карьерера. Все при ней, при Гагановой, и повышение, и душевное уважение.

Девочка, похожая скорее на студентку, чем на школьницу, высокая, крепкая, с темной косой, нерешительно поднялась с места.

— Один раз я попала на ученое заседание, — начала она неуверенно. Ее подбодрили возгласами, и она более смело продолжала: — После того как объявили результаты математической олимпиады, я осталась в зале и прослушала научный доклад о принятии решения. Приводилось много математических формул, вычислений, схем, но можно было понять, о чем идет речь. О том, что сам процесс принятия решения машиной может избавить человека от всяких стрессов. Один из слушателей, очень солидный дядечка, задал вопрос: как в кибернетическую схему докладчика вписывается задача об участии масс в производстве, в управлении, а также фактор социальной активности человека и роли трудящихся в управлении производством. Докладчик сообщил, что данная постановка вопроса является математически некорректной, то есть неверной. Она к кибернетической схеме отношения не имеет. А вопрос свидетельствует о некомпетентности того, кто его задал.

Я взяла и послала записку: а совесть нужна, чтобы руководить производством? А также идейность и принципиальность? И поставила свою фамилию. Докладчик в ответах сказал, что товарищ Аникеева, то есть я, попала не на ту конференцию. Ей надо было на профсоюзный актив или на симпозиум по социальной психологии. Там факторы, о которых товарищ Аникеева ведет речь, находят отражение в процессе управления. А кибернетик должен руководителя от лишних эмоций освободить. Потом, уже в перерыве, я слышала, как докладчик в личной беседе с тем дядечкой, кто его громко спросил, объяснял, что совесть, доброта, скромность — это все черты человека как такового, как частного лица. В процессе управления, мол, идеальной фигурой является тот, кто лишен помех со стороны эмоций. Совесть, поскольку она бывает права и неправа, может сработать нерационально, отрицательно. Желательно ее исключить из процесса управления и тем более из процесса принятия решения. Важно оставить объективные моменты, так докладчик заключил. А вы тут «выкладываться», «вкальывать», «тратить себя», «тратить потенциал без остатка». Да этот кандидат наук такого человека считает за дурачка, который губит свою жизнь. Я лично думаю, что честность лучшая политика, что уважение, признательность и престиж порядочного человека дорого стоят. И я даже считаю, что для карьеры и сомнения, и страдания только плюс. Пусть наш председатель скажет, мы ведь недавно про это с ним говорили...

Председатель напомнил разговор о том, что ныне вырос, сформировался тип человека, который отлично знает не только, чего он хочет, но как по-честному своих целей достичь. Разговор шел о том, вооружен ли такой человек против зла.

— Возьмите Гамлета, — продолжал председатель. — Это тип личности, которую терзает могущество зла в мире, который идет на конфликт со злом и находит путь, как разоблачить злодеев. Этот герой знает противника и наносит ему поражение. Разговор, Галочка, был не о карьере, а о Шекспире. Но ты права, Шекспир сюда имеет прямое отношение. Ты тогда в нашем разговоре сказала, что во всякой карьере должен быть элемент гамлетовской нетерпимости ко злу и решимость злу противостоять. Вот почему равнодушные математиков тебя так задело. И хорошо. Сегодняшний борец за нравственную чистоту — это вовсе не хлюпик. Он деловой человек. И на-

оборот, деловой человек не должен быть хлюпиком. Ему важно знать самые «механизмы» действия того, что мешает в работе. Как раз такой тип человека сейчас в моде. Нам с вами эта мода «впору». Научиться работать, стремиться сделать карьеру на безупречной основе, знать, во что рядится зло, уметь его не только разоблачить, но и преодолеть. Такая карьера — нелегкая стезя. Зато у нее солидная основа. В том числе и моральная...

На возбужденных лицах нетерпеливое желание сейчас же, немедленно приняться обсуждать проблемы морали. Но председатель регулировал ход событий: он предлагает обдумать, «переварить» сказанное. А на следующем заседании продолжить разговор, тот самый, который сегодня кажется неоконченным. Неохотно ребята разбредаются группками, толкуя о следующих «посиделках». Следующие — через месяц.

«Без правоучений, но про мораль». Эта новая афиша собрала больше участников, чем предшествующая.

«По сценарию», однако, «посиделки» не пошли. Как сказала завуч: «заседание было грубо дезорганизовано». А всего-то Валентин, известный как Валентино, похожий на итальянца десятиклассник, спросил: «Разрешите вопрос?» — «Может, после доклада?» — «А у меня по программе литературы и по программе вечера — вместе». — «Ну раз вместе...»

— В одной школе, — начал Валентино («В некотором царстве», — передразнил его кто-то). — Да, не в нашем, — кивнул Валентино с полным и подчеркнутым согласием. Всем присутствующим стало ясно, о чем пойдет речь, о том самом казусе, про который чего только не говорили в частных беседах. Но как изложить это с должной деликатностью?

— Учительница объясняет горьковское произведение «На дне», — продолжает оратор. — И клеймит Луку как представителя реакционного идеалистического мышления, который несет в себе непротивленчество, вредное абстрактное добро. Поэтому в Луке реакционное начало, он отрицательный герой. Встает мальчик и говорит. Очень культурно.

Валентино «сыграл» мальчика. «Мне известно, что современная философская наука объясняет, что общечеловеческие нормы нравственности и справедливости существуют вовсе не как отрицательный момент, а как исторический факт. И коммунистическим обществом, и нашей

моралью они уважаются. И даже более того, коммунистическая мораль в себя вобрала все то ценное, что было выработано историей до коммунизма. Поэтому Лука не только отрицательный герой. В том смысле, что он отстаивает общечеловеческие нормы нравственности и справедливости, он герой также и положительный».

Шум в зале.

— Учительница (в «некотором царстве») заклеила этого мальчика, — говорил Валентино. — Вызвала его предков (простите, деда с бабушкой). Повела страшные речи, мол, нахватался этой «гнили». И «мы тебя разберем». Как поступил ученик? Он промолчал. Отправился домой, разыскал книжки, в которых написано кое-что насчет общечеловеческих норм нравственности и справедливости и нашей морали. Нашел даже статью в журнале «Коммунист». Там говорится о том, что в коммунистической идеологии, в нашем коммунистическом мировоззрении простые нормы нравственности и справедливости нашли новую, настоящую, истинную свою судьбу. Как развивались события дальше (в «некотором царстве»)?

Валентино неторопливо подошел к столу, выпил воды.

— А может быть, займемся непосредственной программой нашего вечера? — Зинаида Ивановна, завуч, сделала это указание в вопросительной форме, но выражение ее лица никаких сомнений не вызывало. Она метала громы и молнии, взгляды ее адресовались кандидату филологии. «Доигрались, мол... Не я ли вас предупреждала: будьте с ними на должной дистанции, иначе на шею ведь сядут». Кандидат наук успокоительно ей покивал — ничего-ничего, мол, обойдется.

— Продолжай, Валентино.

— Как — «Валентино»? — взметнулись брови Зинаиды Ивановны.

Валентино же продолжал.

— Силы — неравные весовые категории, не в пользу ученика. Ученику бы помолчать в десятом классе-то, он и молчал. Принес все книжки, журнал, два тома Философской энциклопедии и молча положил на стол. Правда, ученики все материалы уже прочли и учительница про это знала. Наверное, она тогда знала, что прав ученик, вернее, все его книжки.

Чем кончилось дело? Можно было не спрашивать. Ученика «прорабатывали» на педсовете и послали письмо родителям на Север. Впереди же — выпускные экзаме-

ны. У ученика пятерки по литературе все годы, и по другим предметам, «она» же сказала, что медаль ученик не заслужил и хороший аттестат — тоже.

Ладно, давайте его осудим. За что? А за то: зачем перед всем классом (молча) положил пять книг против ее старого учебника, где про Луку — по-старому. «Но истина дороже?» Или ничего она не значит?

— Мой вопрос, — закончил Валентино, — можно ли без нравоучений говорить о морали? Например — по поводу этого случая?

Все замерли и смотрят на кандидата филологии. Он ведь коллега той учительницы. (И рядом — администрация.) Позволит обсуждать или не позволит? А если нет — будет «срыв мероприятия», за это его не похвалят. А любимого учителя не хочется подставлять никому. Но ведь уже подставили. («Но истина дороже...») Ну, кто за истину в бой после Валентино? Завуч громко отодвинула стул и вышла. Остались ребята со своим учителем. Пристыженные и дерзкие, глаза горят нетерпеливым огнем. Редкая возможность: и можно и хочется сказать ВСЕ.

— Давайте, мы ждем, — спокойно, как ни в чем не бывало говорит учитель.

Вскочила с места суматошная маленькая девочка, громко, торопливо, запинаясь, она выкрикнула:

— Человек обязательно должен думать о результатах своих поступков. Зачем наш «герой», Егор то есть, это действие учинил, ну зачем? Доказать всем, что он прав, а она нет. Это борьба называется? Какой был смысл, какая была цель? Ребятам наш Егор и так доказал, и без своей демонстрации. А она все равно не признала. А мы все это наблюдали. Ну и чего он добился? Что-то здесь не то, а что — не знаю... Не то что-то. — Уловив недружелюбие зала, она смутилась. — Я не против правды. И совсем не за учительницу, а вот что-то... — и села.

«Самое главное — будет «она» дальше на Луку клепать или нет», — это раздалось из конца зала. «Да не на Луку же, при чем тут сам Лука! На эти, на простые, как это, нормы», — возразил кто-то... «А пусть скажут, должен был преподаватель признать свою неправоту или нет?» Вопрос-требование, вопрос-возглас вызвал оживление. На этот вопрос-возглас, поднявшись и повернувшись в сторону вопрошавшего, ответил комсорг десятого — правдолюб, аккуратист и педант.

— Некорректно вопрос поставлен. Никакой неправоты преподавателя нет. Есть книжка установочная, из этой книжки нам и преподают. Разве не ясно, что нам излагают установку про горьковскую пьесу из книжки, только книжка-то устарела, мы сами смотрели. Значит, преподаватель вовсе не отстаивает своего собственного мнения, а... транслирует. Так? — Он помолчал, ожидая реакции. Ребята молчали тоже. — Для нее дело сводилось к одному: одна книжка, поновее, побила другую, которая постарее, кто-то недоподсказал, что сейчас надо. И как «подавать»? А нам-то не «подавать» надо. Мы-то соображать должны, как самим быть, что хорошо и что плохо. Кто добрый, а кто нет. И вообще, нужна ли совесть, жалость и прочее. Так что боролся Егор «в некотором царстве» не с убеждениями, а с устарелым учебником.

За Егора вступились. Так ведь он мог промолчать? Бочком, бочком, тишком-тишком, нам только показал бы свою правоту и все. И этого немало было бы. К тому же он не нападал на преподавателя, это она его ругала. А он только аргументы высказал в свою защиту. Именно в свою защиту. Для него-то это важно. Он у нас за добро. (Тут «оратор» пококлетничал голосом, но без иронии, хотя и с насмешечкой, — почему не посмеяться над чудачком.) Он у нас за добро и за милосердие, а также за то, чтобы все было по правде. И еще больше за то, чтобы слабых не обижали. И даже учительницу он пожалел, не стал ей показывать при всех, с чем она к нам приходит, и не только в этот раз. Он просто пришел и положил книжки. В ее глазах он ее побил или одни книжки побили другие книжки. Тут есть одна тонкость. Ее (учительский) учебник — старый, в новом-то правильно сказано. Она Егору и отомстила. А в его глазах — он ей доказал, что выбрасывать милосердие нельзя и добро с сочувствием тоже нельзя выбрасывать, все это наше. И по-новому оно теперь «работает».

А по нашему общему мнению, он дуралей, его надо защищать. Иначе уж медали он не получит точно. И даже не получит приличного аттестата. Из-за того, что вылез! Победил бы Егор учительницу по-тихому, среди нас, а теперь с ним возись тут.

Председатель со своего места прервал оратора.

— А вы и решили — вынесем-ка мы это на всеобщее обсуждение, создадим общественное мнение. Поднимем

вокруг этого дела шум, используя «посиделки», и не дадим в обиду парня. Так? Такая была стратегия?

Наступило молчание. И длилось оно весьма долго. Кто и не разрабатывал эту «стратегию», понял, что так все это и было, а кое-кто заерзал.

Комсорг жестко бросил:

— Ну и что же: логика борьбы... весовые категории у «сторон», согласитесь, разные.

— Кому еще угодно высказаться? — Кандидат филологии сделал радушный пригласительный жест.

— Я хочу. — Мальчик, резко выкрикнувший свое решение, вышел на трибуну — первый трибунный оратор. Он маленького роста, и, похоже, накрутил себя до полной свирепости. Решительный, ершистый и сердитый. Вокруг замелькали улыбки, как же он должен был себя накрутить, чтобы так выглядеть, этот на самом-то деле тихий, добрый мальчик. — Я хочу сказать про стихотворение Евтушенко, где он взял и сказал себе всю правду про себя. Какой он хороший поэт, мы все знаем... Какой он сам хороший — это про себя каждый знает лучше любого другого. А вот взять и прямо себе вовнутрь направить прожектор из совести и сказать себе — выходи, кто ты там такой есть. Про Евтушенко, моего любимого поэта, дружеские шаржи пишут — он разный внутри себя, у него внутри живет десять «я». А поэт взял и вывел каждого этого «я», кто в нем живет, за ушко да на солнышко. Кто-то из этих его «составных» оказался «внутренний подонок», так его Евтушенко и назвал. Назвал себя.

Он пишет в этом стихотворении о моральном духе такого здоровяка, которому не нужно нравственное очищение страданием. И ему даже неприемлемы пути выработки чистого внутреннего голоса — голоса суда над собой. Успех и здоровье, и все. Внутренний подонок в душе должен быть преодолен — в этом главный смысл стихотворения. Вот и мы сегодня должны думать о совести, о доброте. И страдать надо, когда ты ошибся, чтобы не страдали другие от твоей ошибки. Я скажу так: это все наше, а не только достояние прошлого и вовсе не привилегия традиционного совестливого русского интеллигента, какого мы знаем из произведений Чехова и Толстого. Поэтому Маша права, — он повернулся в сторону суматошной девочки. — Не то что-то получается. Наш дорогой герой не только правду искал. Искал он ее, конечно, и нашел. Прекрасно. Но и торжествовать он хо-

тел. Поплясать он хотел на трупе бледнолицей (имя учительницы готово было сорваться с его уст, но было «проглочено»). Да еще «скромно», чтобы не было излишней гордыни. Как это скромно — сплясать на трупе и притом еще гордо! (Громкий смех встретил этот возглас.)

Ну ладно, в общем, понятно. Есть в этом что-то фальшивое. Маша права. Взял бы да объяснился честно с ней один на один. Вот если не получилось из этого ничего, тогда другого выхода нет. А так — покрасовался. Получается: сам свою правоту он использует, дивиденды берет с собственной правоты в виде популярности. Как герой. А не стыдно? Про что спор-то, про совесть. Хотя бы уж не про совесть. Тогда уж ладно, черт с тобой, делай бизнес. А так. — Он сошел с трибуны и остановился в зале. — Да, вот еще забыл. Права тут учительница или не права — это никакого значения не имеет. Ты сам себя спроси — прав ты или нет.

— Ну уж загнул. Тебе пусть по шее за твою же правоту, а ты чистоплюйствуй и не защитись даже. Только и думай, как бы чем не замараться. Вот это да! Возьми котомку да и двигай вслед за Лукой. — Десятиклассник-оппонент был рассержен, он встал с первого ряда и оказался с оратором нос к носу. Никто не засмеялся. Похоже, все и согласились в оценке Сашиного «загиба».

Кое-кто оборачивался и на «героя» всей этой истории. Он молчал, покраснел. Сосед дергал его за рукав: чего ты, очнись!

— Права Маша и этот тоже, евтущенковец, а я, значит, подонок, — встав, тихо сказал Егор.

Ключие слова сказаны срывающимся голосом, в голосе злые слезы.

Услышав их, Маша снова бежит к трибуне и радостно сообщает:

— Ребята, он с нами согласился. — И безо всякого перехода: — Можно я прочту стихотворение?

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево ль идти?

Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!

Вот! Это про самое главное, что я хотела сказать. Про голос совести. Тогда это стихотворение вылетело из головы. А сейчас... («Влетело», — подсказал кто-то.) А сейчас оно вспомнилось. Здесь сказано про то, как не сфальшивить, и про то, как слушаться своего судью — совесть. Саша объяснил нам, где фальшь закралась. Вроде и борьба за истину есть. И есть еще бизнес: давайте про это сделаем спектакль. Спектакль зачеркивает чистое, что было, вот и получается бизнес. А мы должны страдальца защищать. Уважать надо свои собственные хорошие мысли. — Девочка хотела что-то сказать, но тут слышались аплодисменты.

Одновременно в дверь вилыла директор в сопровождении завуча. Завуч вызвала директора из дома по случаю ЧП.

Всем своим видом директор являла полное согласие с Машей и большое удовлетворение по поводу хода вечера.

Утвердившись на сцене рядом с кандидатом филологии, она мягким властным голосом заключила:

— Раз стихи Алексея Константиновича Толстого — значит, действительно мораль без нравоучений.

Это было заключение. Она не столько осведомилась, сколько приказала.

Председатель хотел было возразить, это было видно по его лицу: наоборот, мол, все разговорились, много еще о чем надо поспорить.

Но тут поднялся школьный секретарь, он же комсорг десятого класса, и в своей вежливо-жестковатой манере сообщил:

— Собственно, основное направление для размышлений мы получили («Не быть внутренним подонком», — хихикнул кто-то). Заключение же у нас делал Саша. А это все была художественная часть. Завтра воскресник по интернату, там и посмотрим, что к чему. По части морали без нравоучений. Надо еще подготовиться, пора, ребята, расходиться.

Ребята нехотя разошлись. А президиум остался.
Совещаться.

Автобус чихал и кашлял уже три часа, вперевалку двигаясь по узкой горной дороге. В затылок Григория Даниловича жарко дышал перегаром чачи сосед, приглашая к беседе, мешая любоваться природой. Опасная дорога, шедшая по краю узкого ущелья, казалась Григорию Даниловичу величественнее всего, что видел он в других уголках Кавказа, в Карпатах, на Дальнем Востоке, на Алтае за прошлую свою маетную, корреспондентскую жизнь.

...Правильно сделал, что отправился он в этот дальний угол Абхазии — подвел Григорий Данилович черту в не оконченном еще споре с собой. Ехать ему самому никакой необходимости не было. Григорий Данилович давно уже не корреспондент: в своем научно-популярном журнале он отвечает за научный уровень публикаций. Поехал из-за письма, присланного в журнал врачом. Только что окончивший институт молодой специалист столкнулся в горном районе, куда он был назначен, с колдуном, знахарем.

Шестидесятилетний Канта, так звали «колдуна», — матерый знахарь и шаман. Поит любовным зельем, истязает больных (нынешней весной сек, например, больную старушку на горной поляне); снадобья свои готовит в мистической обстановке, при полной луне или в тумане на рассвете. Такими методами знахарь, вызывая страх у людей, добился огромного влияния.

Молодой врач уже через неделю после приезда в селение выступил с лекцией «О злостном вреде суеверий и предрассудков», где клеймил местного знахаря и призывал слушателей не обращаться к шарлатану. В результате обращаться перестали к нему, к врачу. Пришел было он за помощью в сельсовет, но увидел, что тут все, начиная с председателя, носят ту же фамилию, что знахарь, — Абухба (в переводе «Сын скалы»). Секретарь сельсовета — Абухба, директор школы, завуч — тоже Абухба, любой классный журнал возьмите — опять почти одни Абухба. В этой обстановке семейственности молодой врач один сделать ничего не может. «Здесь надо вмешаться общественности». Он готов помочь вмешаться, но сам покидает село. («Поверьте, отъезд мой вынужденный. Это единственное, что мне оставалось».)

Григорий Данилович сразу решил — это его тема. Ма-

териал о знахаре, о колдуне, обманывающем людей, должен прозвучать отлично. Да и давно пора выступить с чем-нибудь свежим, нестандартным. Уже год, занятый подготовкой диссертации и защитой, с авторскими статьями он не выступал.

...Приехали наконец. Дорогу к колдуну Григорий Данилович спрашивать не станет. Автор письма подробно описал все приметы пути от остановки автобуса до самого дома. В письме педантично объяснялось, как открывать деревянные калитки-шлагбаумы («предназначены эти шлагбаумы для того, чтобы скот находился в пределах хозяйской территории»).

Вот и последний шлагбаум, дальше должна быть больница. Как раз туда и идет этот перевязанный человек с костылем и палкой. Перевязанный проходит мимо больницы. Врача ведь нет. Значит, больной идет к знахарю. Григорию Даниловичу повезло, своего героя он может увидеть прямо в деле.

Знахарь встречает перевязанного горемыку у своей калитки. Крепкий коренастый мужчина в круглой войлочной шапочке на седеющей голове, прекрасно подстриженная борода, черные выразительные брови. Длинное приветствие пациента, ответное, тоже длинное, приветствие хозяина.

— А вы ищете кого-нибудь в нашем селе? — обращается он к Григорию Даниловичу.

«Я ищу колдуна», — хотел было сказать приезжий, но с улыбкой и вежливым почтением произнес:

— Я тоже к вам, здравствуйте.

— Гостю — рад. Пожалуйте в мой дом. — Приветливый поклон, спокойный, доброжелательный взгляд, без любопытства. Должно быть, сюда нередко приезжают издалека.

Через большую лужайку прошли к дому. Дом очаровал гостя. Белый, на невысоких подпорках, окруженный галереей с деревянными резными перилами, он расположен у самого подножия зеленой горы. Узор деревянных перил галереи напомнил Григорию Даниловичу старинную среднеазиатскую резьбу по металлу: старое дерево выглядело будто литая бронза.

Григорий Данилович остался в большой комнате с огромным столом посредине, с диванами и шкапами вдоль стен. Перевязанного же пациента хозяин провел в соседнюю комнатку, где через открытую дверь виднелись

стеллажи с банками, большими и малыми бутылками, книгами. Наконец хозяин присел на стул возле Григория Даниловича, который задремал с дороги.

Очнувшись, Григорий Данилович почувствовал себя свежим, готовым приступить к делу.

Он пристально посмотрел на хозяина и сказал:

— Я хотел бы о деле...

— Когда гость приходит в дом, с гостем говорят о деле после отдыха, после еды. Путь ваш был долгим, отдых должен быть достойным длинной дороги.

В командировочном удостоверении значилось «три дня». Первый уже истек. Григорий Данилович хотел бы немного погреться на песочке, поплавать в море. Это оставлено на третий день. Он отказался от угощения и заверил, что отлично отдохнул здесь, на диване, заснул даже.

Хозяин был недоволен, он не настаивал.

— Значит, о деле. Тогда расскажите мне о вашей болезни. Что вы знаете о ней сами.

— Ну а если я не болен?

— У нас говорят: «Ложка знает дела только своего котла», — улыбнулся хозяин. — Я рад быть полезным приезжему как врач. Если же нет, тогда что вас ко мне привело?

Григорий Данилович протянул письмо и подождал, пока Канта прочтет его.

— Мне бы хотелось поговорить с вами о том, что здесь написано, со всей прямоотой.

— Спасибо неразумному, пусть дни его будут счастливы, и пусть наука пойдет когда-нибудь ему впрок. Я благодарен Отари за это письмо, раз оно привело сюда ученого человека. Отари вас не обманул про полнолуние, про «избиение» и про утренний туман — все это верно. Прощу вас.

Канта провел Григория Даниловича в комнату, где недавно побывал перевязанный пациент.

В комнате расставлены стеллажи, в которых плотно стояли банки и бутылки, по стенам висели пучки трав, а на медицинском столе сверкал стерилизатор, поставленный на белую эмалированную электрическую плитку. Одна из стен уставлена шкафами с книгами.

Лекарственные травы, народная медицина... Естественно предположить: именно такие доводы пустит в ход знахарь.

Не садясь, Григорий Данилович принялся задавать свои вопросы.

— В полнолуние вы выводите на лесную поляну больного и в полночь совершаете над ним таинственный ритуал. Так? Что должны думать об этом окружающие, жители селения? Или другие. На рассвете больной идет с вами к реке и там в тумане пьет ваше снадобье. Разве это не мистика?

— Вот посмотрите, — Канта взял одну из книг. — Это «Лекарственные травы и их народное применение» А. Носаль, М. Носаль. Это очень известная книга. Поглядите, здесь о каждой траве точно сказано, когда ее нужно собирать, о каждом цветке — в какой момент цветения он дает наибольшую пользу. Если хочешь помочь больному, надо тщательно, нет, благоговейно ловить мгновение каждого растения, каждого цвета. В июльское полнолуние нужно подстеречь цветение вот этого зонтичного растения, оно одуряюще пахнет в течение часа, а на рассвете в середине октября надо подстеречь туман — он редко у нас тут бывает. Тогда будто в мокрой вате набухнут стебельки маленькой травки, и в этот момент (только в этот!) давай ее больному с увеличенным зобом. На горе, как видите, на той стороне ущелья полянка. Туда надо отнести в мае того, у кого кости болят. На полянке горячий источник, а вокруг него крапива. Крапивы такой больше нет нигде. Так я «изгоняю» ревматические боли. Не смейтесь, клянусь, в мае я секу крапивой старых людей, как меня мальчишкой секли в школе. Все описал он вам правильно. И того хуже. Вытапливаю барсучий жир, смешиваю с ядом медянки, добавляю крови молодого бычка, залепишь все это воском — и лежи любой прострел зимой. Эти средства проверены многими поколениями.

Тебя же, ученый человек, прошу, убери камень с пути маленького ручейка моих знаний. Мне этот камень одному не поднять. Не желают друзья мои, родственники мои, сельчане видеть, сколь просто все. Чудес тут никаких нет. Правду твой врач говорит, спасибо ему. Меня тут многие принимают за колдуна. Эта слава вредит, мешает мне, не нужна она. Обидно мне за сельчан, что не хотят лечиться без чудес. Вы вот как раз и объясните им, вы ученый человек из Москвы: все объяснено наукой, это не чудеса, а лишь тысячелетний опыт людей, мысли и опыт — все вместе.

Умен старик.

Григорий Данилович опять вернулся к письму: «Был такой факт — девушку оставил помолвленный с нею жених. Уехал в Ленинград учиться и оттуда сообщил, что считает себя свободным от уговора. Девушка приходит к Канте с просьбой приворожить жениха. Канта его приворожил, весь район говорит об этом».

— И это совершенно правильно. Я эту девочку, Бабуцу, с пеленок знаю, хорошая девочка, умница, красавица. И мальчик хороший. Обоих их люблю, потому и согласился применить простой старинный способ. Приехал мальчик к больной матери и зашел к Бабуце. Бабуца скрыла свою боль, не упрекнула его ни в чем, только попросила до отъезда приходить к ним каждый день, а когда он приходил, угощала, как принято, кофе, вином или чаем и каждый раз клала зерна — плод эфироносного растения, которое вызывало у юноши эйфорическое состояние.

Женщины внизу, — он указал на горы, за которыми где-то побережье, — поят мужчин чачей, водкой, вином. Грубый метод. С этими молодыми людьми — другое. Тут нет никакого вмешательства, никакого давления. Мальчик признался мне, что по-прежнему любит Бабуцу, но раздвоился между любовью к Бабуце и привязанностью к другой женщине. Эту связь он не считал чистой, но порвать не мог. Ничего сверхъестественного не произошло, мальчик только приходил и приходил к Бабуце, а это само все и решило. За это время, что он провел здесь, с Бабуцей, он принял решение вернуться к ней навсегда. Да, впрочем, и это описано у моих уважаемых учителей.

Канта подошел к стеллажу. «Психологические исследования установки» академика Узнадзе, новые работы Прангишвили и Норакидзе — их недавно рецензировал журнал Григория Даниловича.

— Вы, наверное, поняли, в чем тут суть? Мы лишь усилили доминанту, создали более прочную психологическую установку у этого мальчика. Какая тут ворожба? — Канта замолчал и, казалось, забыв о госте, углубился в один из томов.

Внезапно у Григория Даниловича вырвалось:

— А вы можете меня приворожить?

Канта поднял недоуменно брови.

— Чтобы вас кто-нибудь полюбил?

— Ах нет, чтобы я... чтобы я... Простите, Канта, это я так. Это несерьезно.

— Мой слух был за горами, — отозвался Канта. Он продолжал листать книгу. Григорий Данилович ощущал себя потерянным, раскаивался в том, что не сдержался. Молчание делалось тягостным. Предстояло ведь дать ответ на обращенную к нему просьбу.

— Лекцию я прочту, только подготовиться надо, — сказал он невпопад. Канта кивнул, и опять молчание.

В комнату просунулась голова. Человек спросил что-то длинно, витиевато. Канта ответил и пригласил зайти. Представив Григорию Даниловичу старика, своего родственника, он сообщил, что в селении разнесся слух: гость приехал издалека, из Москвы.

Григорий Данилович оценил ситуацию. Он получил возможность увидеть Канту в общении с односельчанами. Застолье так застолье.

* * *

Вечер. Один за другим открывают калитку гости. Первым является человек в детской панамке. Только по улыбке можно судить о его возрасте. Ему за восемьдесят. За ним следуют в некотором отдалении «совершенно молодые» люди — пятидесяти- и тридцатилетние члены его семейного клана — дети и внуки. Один за другим появляются старшины семей в сопровождении родственников.

— У большинства фамилия — Абухба, — объяснил Канта. — В деревне строго различают: Абухба — сын Шалвы, Абухба — сын Нодара, сын Пшегишха...

К столу никто не присаживается. Разгуливают по галерее, беседуют, ожидают церемонии омовения рук. К Григорию Даниловичу подходит с глиняным кувшином в руках девушка с ясными карими глазами, пушистыми черными волосами, распущенными по плечам. Магвала, дальняя родственница Канты, приглашена в честь гостя именно для этого ритуала. Все дружно обрадовались, увидев растерянно-счастливое, восторженное лицо Григория Даниловича, застывшего перед Магвалой.

Если бы не дружественная улыбка хозяина (она означала: чувствуй себя как дома, не смущайся), Григорий Данилович совсем бы растерялся, оказавшись за столом в атмосфере, для него незнакомой совершенно. Гостя усадили между хозяином и учителем школы, который пообещал

«дословно переводить всех выступающих». Напротив главы клана — Джад.

Тамадой избрали хозяина. Самый старший за столом приветствовал гостя из Москвы. Он благословил путь пришельца, пожелал его семье, его дому счастья, благополучия, удачи в том деле, которое привело его сюда. Все выпили стоя. Григорий Данилович не знал, что скажет в ответ, хозяин одобрил его:

— Ваше слово потом. А сейчас... — он показал рукой на старика в панамке.

Джад начал свою речь: душа его чувствует в приезде сердечного и доброго человека, он счастлив, что видит его гостем Канты. Открываем дверь и сердце гостю, откуда бы человек ни пришел, пусть мы его не знаем. Любим, уважаем гостя — любим, уважаем человека. Хорошо кормить своих кровных, растить их, заботиться о них. Хорошо любить землю, помогать ей. Это необходимо для человека. А еще хорошо радоваться другому человеку — гостю. Спасибо гостю за то, что он принес нам эту радость.

Одобрительные взгляды молодых, откровенно громкие похвалы стариков. Однако старик в панамке еще не все сказал:

— Я прошу Канту отпустить его гостя ко мне, погостить в моем доме. Канта, ну отдай мне этого молодого человека. — Все вокруг оживились, заулыбались.

— Ты же по-русски не знаешь, — урезонивал его Канта.

— Спроси его, он же понимает меня. А я вижу его душу. Отпусти, Канта.

— Если гостю угодно покинуть мой дом. — И, спасая Григория Даниловича от возможной неловкости предстоящего выбора, Канта пообещал Джаду: — Завтра, завтра посмотрим.

На противоположном конце стола вспыхнул спор. Старший за столом, не урезонивая спорящих, выслушал обоих и позвал Канту. За спором и третейским его разрешением гости следили с живейшим интересом. Но при чем тут Канта? Учитель разъяснил Григорию Даниловичу. Речь шла о том перевязанном человеке, которого встретил Григорий Данилович по дороге к Канте. Этот человек — жертва кровной мести. Он почитается лучшим в семье, любимым сыном, поэтому на него пала месть за обиду, давно нанесенную братом этого парня своему односельчанину. «Долг велит мстить» — поэтому братья обиженного

дождались возвращения парня из армии, и старший вызвал армейца драться «до конца». Оба остались живы. Обоих лечит Канта. Сейчас разгорелся спор, прав ли он («Зачем лечит обоих, надо взять сторону одного!»).

— Канта пусть не шутит с обычаями. Всех сидящих здесь не хватит, чтобы его защитить, если он пойдет против законов кровного родства, кровной мести, — это от имени стариков заявил старейший.

Канта отвесил глубокий поклон старейшине, с достоинством и скрытым вызовом произнес:

— Какой кинжал у Канты, многие знают... Только кинжал и пуля пусть на охоте поражают цель и на джигитовках. Канта так думает. Напрасно старейшие боятся, удалство и сила не уйдут, как речка в песок. Но не стоит силу и мужество во зло обращать.

Речь Канты не многие поддержали, как понял Григорий Данилович. Где-то в сознании возникла досада: не ложится ситуация в программу командировки «нашего научного корреспондента». «Впрочем, хватит! Канта мужик правильный, про это и напишу».

Григорий Данилович уже потерял было счет выступающим, когда поднялся учитель. По лицам было видно, что уважаемого человека приготовились внимательно слушать.

— Наш гость — ученый человек, пишет в газетах и журналах. А о чем пишут в газетах и журналах? Как повысить производительность труда и улучшить культуру производства, или организовать быт и досуг, или как с пережитками бороться... Я предлагаю тост за то, чтобы благословенна была и счастлива всякая деятельность человека, все, что делаешь с душой, сердцем и любовью. Мы вот после работы здесь сидим, беседуем с тобой. Пусть душевной будет эта беседа и счастливым будет наш стол. В моей жизни, в нашей жизни это много значит. — Он помолчал. — Пусть другие этого не понимают, пусть других тянет из наших гор на асфальт... Мы пожелаем друг другу и нашему гостю счастья во всем, что дает нам радость здесь.

Хозяин пояснил Григорию Даниловичу:

— Не может мальчик печаль свою забыть. Девушка его, невеста, не захотела жить у нас наверху. Город потянул, или, как учитель скажет, «асфальт притягивает».

Настала очередь высказаться Григорию Даниловичу.

— Я хочу поблагодарить моих друзей за бесценный дар — радость общения. Забываем подчас мы эту радость

и ощущение радости жить. Я счастлив, что вы дали мне эту радость. Я хочу, чтобы она светила другим, как мне светит ваше тепло и гостеприимство.

Гости и хозяин были удовлетворены: «достойные слова».

После ухода гостей Канта препроводил Григория Даниловича в соседнюю комнату и оставил перед раскрытой постелью. «Спите». На вопросы, многочисленные и несвязные, как же быть с лекцией, с голубоглазым стариком, как ему быть с самим собой, Канта отвечал: «Завтра».

Завтра наступило необычайное. Быстро, как показалось Григорию Даниловичу. Проснулся он от пронзительного звука. Он беспокойно заворочался, приподнялся, встал, опять лег.

Канта приоткрыл дверь и, увидев, что гость проснулся, комически пожал плечами:

— Вас тоже поднял наш будильник? Это Чанта, он живет в конце селения на горе с тех пор, как с войны пришел, вот уже двадцать лет так зевает, что будит все селение. Вот и вы тоже встали. Спите.

— Один только вопрос, — со сна, не очень твердо произнес Григорий Данилович. — Отчего вы книгу не пишете про народную медицину? Или нам в журнал статью?

— Книгу пишу вот уже сорок лет. Еще надо мне лет десять, чтобы проверить некоторые наблюдения. А там и печатать можно, не стыдно будет. Через десять лет я еще не состарюсь и поправить успею, если коллеги скажут.

— Ага, понятно.

Григорий Данилович не мог собрать себя, хотя ему казалось, что он должен подняться и начать что-то делать. Но за что и как приняться после вчерашнего? Канта, по видимому, понимал состояние своего гостя.

— Хорошо бы вам поспать еще, не торопитесь. А я, простите, должен уехать за перевал, к роженице. У нее горячка. — Он помолчал. — Связывать вас не хочу. Вы хозяин своего времени. Поступайте как вам захочется. Прошу вас пожить здесь, в горы сходить. Вернуться к самому себе. Не вставайте, не вставайте, теперь я уйду. Тороплюсь.

Канта исчез, а Григорий Данилович опять заснул.

Он проснулся поздно. В доме уже все убрано. В комнате, где вчера собирались гости, стоял приготовленный для него завтрак с короткой запиской Канты. «Все до-

машиние ушли табак собирать. Никто не помешает вашему уединению и размышлениям. Мир вашей душе и покой». Какой тут мир! То ли отправиться бродить и тогда остаться здесь, пусть пропадет самолетный билет. То ли единственным двухчасовым рейсом автобуса — домой. При мысли об этом здравом решении у Григория Даниловича сердце заняло: не хочется ужасно вниз «на асфальт».

Григорий Данилович вышел на галерею. Отсюда видна дорога, по которой он ехал вчера. Неправдоподобно огромные грабы вдоль дороги, словно стражи в бронзовых чешуйчатых кольчугах, лиственницы у края зеленой лужайки как будто кружатся в пышных парчовых кринолинах. Прямо перед глазами, на другой стороне ущелья, на гребне — лесная поляна. Про такую, наверно, вчера говорил Канта. Деревянный дом на поляне. Тропка от него вверх и вверх на перевал. Взгляд горожанина, привыкший к плоскостям, неуверенно скользит по уходящим вдаль зеленым гребням. Взобраться на этот гребень, потом дальше, дальше, ощутить этот воздух, эту бесконечность, вдохнуть дымку гор.

Командировка — три дня. Надо уезжать. К делам, к редакционному креслу. В свой безрадостный дом. Ах, если бы хоть частицу света, хоть немного тепла в этот дом, хоть искру чувства жизни, той радости жить, которую сейчас снова обрел Григорий Данилович. Да, да. Чувство жизни. Ощущение радости бытия. В этом все дело. Утрачено это.

Вот уже двадцать лет как вершит Григорий Данилович подвижничество честной верной жизни под одной крышей со своей женой. Он женился, когда она овдовела, муж ее был товарищем Григория Даниловича. Он бережет ее, жалост эту свою тоскливую нелюбовь. Он и сам угас, очерствел, оскудел чувствами. А сейчас ощутил все это как ущербность, зря уходит жизнь. Надо разобраться в себе. Не поедет он. Останется. Медленно побрел Григорий Данилович по дороге. Теперь он эту дорогу видел со всеми камушками на красной земле, со всеми оттенками двухметровой кукурузной поросли. Отмечал изящество плетня, улыбался, глядя на забавные, как из сказки, плетеные домики на высоких «курых ножках» — амбары для кукурузы, для птицы. Вот и калитка поперек дороги. Какой странный этот молодой врач Отари, автор письма. Сизоватое, все в живописных сучках бревно неужели видится

ему шлагбаумом, казенным, полосатым! И как человеку оказались ненужными эта земля, эти люди?

Обернувшись, Григорий Данилович застыл в недоумении. Навстречу ему плыло огромное, полуметрового диаметра бревно. Его нес коренастый, немолодой мужчина, один из вчерашних гостей Канты. Встречный спокойно остановился, кивнул Григорию Даниловичу, принял удобное положение, приготовившись к беседе. Медленно выговаривая русские слова, новый знакомый спрашивал, как Григорий Данилович чувствует себя: «Я Абухба — сын Расты». В длинных выражениях распрощавшись, двинулся дальше. Григорий Данилович медленно повернул за ним. Потом ускорил шаги, побежал.

Он вбежал в дом Канты, не присаживаясь, написал на обратной стороне оставленной ему записки: «Дорогой друг, решил не отменять отъезда. Сегодня буду в Москве. Через несколько дней приеду снова на месяц. На весь отпуск. К вам. Ваш Г. Д.». Он прочел записку и дописал: «Спасибо. Спасибо. Спасибо». У сельсовета он задержался. Командировка не отмечена. Через 10 минут отходит автобус.

Что ж, командировку отмечать он не будет.

Командировка ему еще только предстоит...

«Не надо
меня
выдвигать»

Так именно и заявил он в отделе кадров, куда его вызвали, чтобы сообщить о новом назначении. Это было через несколько дней после того, как получил он диплом об окончании вечернего института.

Ему объясняют: существует решение, целый ряд указаний о том, чтобы трудоустраивать на новых должностях тех, кто получил образование. Обычно окончившие вуз сами приходят за новым назначением, а он, Федор Деметьевич Фролов, почему-то отказывается. Сегодня он отказался в отделе кадров, завтра был приглашен в профком. Дескать, тебе уже 34 года, на учебу ты потратил восемь лет, а идешь назад, встаешь на место, где был токарем! Предлагали немалую работу: контролером ОТК, помощником мастера. «Твое теперь право требовать, а не отказываться». Конфликт затянулся, разросся, дошел до отдела писем газеты, откуда я и была послана на завод.

«...Надоели, — заявил мне токарь. Формулировки его заострились с каждой минутой. — Рабочих они не уважают. Повыситься — кое для кого означает выйти из рабочих. Или управленцем сделаться, или контролером, или мастером, или еще там кем-то. Знаете, находятся такие, кто в артель ширпотребовскую идет... замом «по технике». А может, для меня, чтобы повышаться, вовсе не требуется рабочую должность покидать... Может, хочу я и на своем рабочем месте расти. Пристали с этим дипломом. Какое ваше дело? Считайте, я не кончал никакого института. Возьму вот и пазло вам порву диплом».

Стали понятны негодующие потки в письме о «бузотере», «который считается ни с кем не жемлет». Но не в бузотерстве, кажется, здесь дело. Видно, сильно завели парня, если он так реагирует на перспективу повышения. Рассказывают — корили его за отсталость. Указывали на то, что портрет его как передовика поместили на доске Почета в третий раз. «И портрет снимите, дайте спокойно работать».

В конфликте каждая сторона считает себя правой. Действительно, ведь есть указание выдвигать, устраивать по специальности тех, кто ее получил. А ведь учился человек, квалификацию повысил. Это позиция одной стороны. «Не хочу, чтобы меня выдвигали, хочу остаться рабочим» — позиция другой стороны. «Демагогия», — об-

виняли Фролова и ссылались на то, что ничем внятным он свой отказ обосновать не мог.

Оказалось, не хотелось ему говорить про причины всем и каждому. И только однажды на него нашло. «На откровенность или на официальность? Только как по писаному не получится. Смотрите», — заостряет вопрос Федор. «На откровенность»...

«Первое. Кое о чем пусть задумаются те, для кого расти, выдвигаться означает уйти с рабочего места. Они не видят, что есть в моей работе интересного. А я это знаю. У меня, не стесняясь, скажу, получается дело, пятый разряд сам за себя говорит. Может быть, я как раз нашел свое место здесь. Понимаете, я к этому труду приспособлен лучше, чем к другому. И в литературе разной по труду говорят про психологию: соответствуешь или не соответствуешь своему месту. Я по психологии, видно, соответствую. Сами знаете, интересная работа у токаря моей квалификации».

Видно, конфликт заставил парня поразмышлять над самим собой, наедине заняться анализом.

«Может, если бы сразу я получил образование после школы, я бы в лабораторию подался, копался бы с микроскопом. А жил бы я в горах, так был бы чабаном. В деревне — кузнецом бы стал. Очень мне огонь нравится и ковать поделки, я бы и сейчас этим занялся. Вообще, видно, склонен я к тому, чтобы дело мое от начала до конца делал я сам, отвечал бы за него тоже сам. Спрос с меня пусть будет сполна, пожалуйста, ничего не имею против. Вот этого душа моя требует. А видно, другое не по мне. Зачем же себя корезить...»

«Но ведь высшее образование захотел же получить? При твоём подходе — зачем?» Он смотрит на меня хитро: «Затем, чтобы жениться. Не стал бы говорить, но уж раз на откровенность».

И опять прицеленно глядит на меня, усмехается глазами и молчит. Я тоже молчу. Он ждет изумления и заранее торжествует. А мне его слова не кажутся странными. И поражаться я не собираюсь, в поддавки играть не хочу. Я знаю, что жена его инженер. Женился он недавно, и она перешла на другое производство, «чтобы не разводить семейственность». «К факту женитьбы, — настаиваю я, — дело не сводится». — «Но ведь и в том, чтобы образованная жена не задавалась, этого добиться надо, и не вас убеждать, как это не просто иногда».

Он читает те же технические журналы, что и его жена, обсуждает всякие новшества приборостроения с друзьями — инженерами и техниками. Чувствует себя отлично, на равных с инженерами и на своем рабочем месте, — чертежи читает лучше любого другого. Чем не резон, чем не стимул, чем не основание для получения образования? Он подытоживает: «Я хочу иметь мою работу и мою зарплату рабочего, а подготовку инженера. А тут ссылаются на указы и постановления. Неужели не понимают, что так рабочих и не останется, где же государственный подход? Образование-то сейчас многие получают».

Просил он меня узнать, действительно ли так неукоснительно требуют положения, чтобы перемещать рабочего с дипломом. А может быть, надо учесть этот, как он выразился, «случай Фролова» и другие ему подобные.

У людей увеличиваются возможности расти профессионально, духовно, получать образование. Но цена — вовсе не выдвижение из рабочих. Может быть, в рамках своей профессии и рабочего места человек может расти.

...«Случай Фролова» нашел довольно простое разрешение. На своем рабочем месте он остался. Но... инструкция тоже была удовлетворена. Фролова прикрепили к ребятам-стажерам из ИТУ для контроля за качеством обучения их токарному делу. Должность называлась техник-инструктор; занятость на «почасовой» удобная для Федора, деньги, правда, копейные, но не из-за денег он пошел на должность, а, как говорил при назначении, «чтобы параграф удовлетворить». Оказалось, однако, что Фролов очень на месте в этой должности. И полезен — передает опыт токаря с инженерской базой. И приятно — уважение вполне заслуженное, признание, слава даже.

О «случае Фролова» начальство любит говорить: «Удачное решение кадрового вопроса». Подытожил Федор наш последний разговор и без ехидства добавил: «Только решение то было мое. Из рабочих меня не выдвинули».

«Случай Фролова» заставил меня пристально взглянуть на ситуацию, когда рабочий получил диплом инженера. Доволен ли он сам? Правильное ли это было решение? К чему оно привело? Рабочий с инженерным дипломом, выросший в руководителя — мастера, начальника цеха, заведующего производством, директора, — фигура знакомая, ситуация известная. Но пути тех, кто учится у станка, совсем не обязательно ведут в эту сторону.

Машинист Золотаев — один из самых старых, опытных, уважаемых рабочих в паровозоремонтном депо. Старых не в смысле возраста — 45 лет. Он пришел сюда после шестиклассного образования. Отсюда ушел в армию. Здесь, вернувшись, закончил 10 классов. Был слесарем, помощником машиниста, после курсов и практики стал машинистом. Учиться в институте он начал с 31 года. Продолжалась его учеба во Всесоюзном заочном институте инженеров транспорта 11 лет.

Учился с перерывами. В этот срок двое детей родились — один за другим. Забот было много. Мог бы и бросить учебу, но гордость мешала, имелись планы выйти в инженеры. Тревожил пример: вместе начинали учиться они втроем. У всех дело пошло быстрее, успешнее. Один из окончивших стал освобожденным секретарем парткома. Другой — старшим мастером. Закончил учебу Золотаев и решил попробовать свои силы в инженерной должности. За плечами опыт двадцатилетней работы машиниста локомотива. В тот момент в депо инженерной должности не было, по характеру же работы машинисту инженерная квалификация не требуется. Многие инженерные должности в депо занимают опытные техники, из тех, кто имеет среднее техническое образование. Пошел Игорь Васильевич Золотаев на литейно-механический завод, что с депо по соседству, на должность фактического заведующего транспортным цехом (название у должности какое-то запутанное). ...А через 10 месяцев вернулся в депо и попросился взять назад машинистом... «Что, не получается?» — на такой вопрос ответить утвердительно не мог. Это было бы ошибкой сказать: «не получается». Работал во всю силу, что мог, делал, переживал за все, что происходило в цехе. Его друзья деповские предпочитали не спрашивать, что произошло, почему ушел. Долго размышлял сам. И пожалуй, понял. Дело вот в чем.

В этой инженерной должности, а фактически в должности административной, требовалось ему быть и снабженцем, и организатором, и нормировщиком, и техническим специалистом, и специалистом по налаживанию отношений между людьми. Как теперь понимает Золотаев, надлежало ему быть специалистом прежде всего по организации труда, нужны были совсем не те навыки, что у машиниста, и не только те знания, что в учебниках.

На литейно-механическом заводе транспортный цех

был в загоне — так часто случается, краны, автокары и составы давно уже поизносились, требовалась замена многих деталей, а взять детали неоткуда. Рабочие при простоях и нелюбопытствах, при прогулах и перекурах ссылались на технические неполадки и неисправности. Простой был выше всякой нормы. Руководство завода не обращало должного внимания на цех. Он ведь вспомогательный, для обеспечения продукции, а продукцию производят другие цехи. Золотаев должен был ликвидировать прорыв, затем он, новый человек, взят вместо прежнего.

Будь это место без прорыва, работал бы он, возможно, и сейчас в должности инженера и обеспечивал бы наладку оборудования. А при сложившемся положении всю сумму обязанностей ему выполнять оказалось не под силу.

Это понятно теперь, а тогда... Обида накапливалась день ото дня. На нерадивого предшественника, на руководство, но прежде всего на себя. Обнаружил у себя качество: решения принимать он не умеет. Когда с механизмом имеешь дело, с тем механизмом, который знаешь, который изучил, в отношении его знаешь, какие решения принимать, и на дороге тоже. Раньше было: ты, дорога и машина, а в транспортном цехе свыше 200 человек, масса неполадок, конфликты разные, ожидающие твоего решения. К таким решениям он подготовлен не был. В тепловозе и электровозе подчиненный у тебя один — помощник машиниста. Хочешь — его воспитывай. Хочешь — опыт передавай, хочешь — сам у него учись, хочешь — просто общайся. А вот когда 200 человек? Нет, не только в Золотаево дело, не в том, что знаний для всех участков работы ему не хватает. Дело в «наследстве» — тяжелое оно. И в руководстве — не помогает. И в технической базе — пикудьшное. Вот и ушел. Не расценивал Золотаев это как свое поражение. Объективные причины одолели.

Только когда вернулся на свой электровоз, провел его по своей любимой дороге, стал по-другому думать. Все это произошло как результат неправильно принятого решения. С каждым рейсом видел он новый поворот в своей истории. Ведь у другого бы получилось в транспортном. У напористого, у заводного, у хорошего организатора, поднаторелого во взаимоотношениях. Такой в цехе был нужен, такому там и надо быть. Еще рейс — новый виток, новый взгляд на вопрос. То есть не на вопрос, на человека, его судьбу. На помощника своего, например.

Спор с ним вышел, конфликт. Парень способный, дис-

циplinированный, с армейской, еще не растроченной выправкой. Симпатичный, покладистый, отношения у них друг с другом отличные, а решил уходить с электровоза. «Не всего себя тут я трачу, хочу, где риск есть, шум чтоб был, толчея». — «Не толчея, а неразбериха, не риск, а безответственность. Красота тебе не нужна, на электровозе красота и четкость». — «Ну да, четкость, как на арифмометре». — «На арифмометре работать тоже талант нужен, чтобы от цифр не отвлекаться. На людей, например, на всякую живую жизнь». Обиделся Золотаев, принял насмешку на свой счет, не стал удерживать. Ушел парень на работу разнообразную и нетрудную: ремонтировать автоматы, торгующие газировкой, радовался парень с неделю этому разнообразию и толчею, а потом мрачный вернулся на электровоз. Объяснил: «Как вам сказать, почему, сами поймете, если одно слово сказать — соблазн». Не хочет он за такой соблазн расплачиваться всю жизнь. Но и ездить по одному маршруту скучно ему. Видно, требуется работа поживее. Вот он и ждет, прикидывает, что же на самом деле ему нужно. А как узнать? Парень на распутье, может получиться плохо и образования не будет, если сейчас, например, жениться. А что? 9 классов, зарплата хорошая. Учиться не идет не из-за того, что не знает еще куда, а потому, что себя не нашел. Про автоматы ему ясно: работу эту он не уважает из-за легкости и несерьезности ее после электровоза.

Золотаев до своего опыта со сменой работы все пилл помощника. А после на десятом совместном рейсе сам посоветовал пойти в ремонтники. Работа такая же почетная, а нового, интересного больше. В бригаде восемь человек, поломки самые разные, заказчики бывают очень интересными людьми, при приемке «спектакли» случаются — то комедии, то трагедии. И учиться там человеку видно для чего, учеба на таком месте в дело пойдет — организатором вырасти можно, похоже, туда его ведут внутренние ресурсы. Или техническим специалистом, ремонтным рабочим можно остаться, и расти на этом месте: диапазон ремонтных работ велик. Парень повеселел. Рейс за рейсом все обкатывает и обкатывает свое решение.

Парень рассуждает вслух всю дорогу. А Золотаев снова и снова возвращается к вопросу: нужно ли ему для работы машиниста его высшее образование. Он теперь твердо знает — для профессии, для каждодневного дела — нет, не нужно, достаточно хорошего среднего технического

образования. Руководство тоже не видит в этом высшем образовании нужды. Не зря ли он 11 лет тратил силы, время?

Важная тема. Прочно вошла идея высшего образования в самую что ни на есть каждодневность. Популярной стала. Входит и в житейский расчет, в жизненную практику. У Золотаева есть свой аргумент за то, что не зря он 11 лет проучился. Вот, например, 45 лет, может всякое случиться. Комиссия медицинская, например, не пропустит его на следующий год. Комиссию машинист проходит часто. Нужно полностью соответствовать своей должности: быть во всеоружии внимания, здоровья, зрение иметь хорошее, нервы в полном порядке, слух отличный и многое другое. Не пропустит, предположим, его комиссия. Ну если такой «прокол», тогда сможет он подобрать себе работу там, где его инженерные знания пригодятся, опыт машиниста понадобится. Такие должности в депо есть. Это он не сбрасывает со счетов.

И еще. Образование и привычка к учебе создали в его жизни свой настрой. Читает он постоянно книги, может быть, это и на производстве в счет ему не идет, но самому важно. Вот, например, книга Парамонова. Оказалось, что ни журналистка, с которой Павел Иванович, директор депо, Золотаева познакомил, ни сам директор этой книги не читали. И не удивлен Золотаев — он больше читает. Несколько наставительно объяснил он, что особую главу «Мысли об управлении» неплохо было бы почитать и директору, и журналистке. Второй раз ее Золотаев перечитывает и кое-какие мысли хочет предложить обсудить на партсобрании. Как инженер он эти идеи и мысли автора очень высоко оценивает. Может, книжечку эту директору принести, взята она из деповской библиотеки. Кое-что о расстановке людей там верно сказано.

Ну уж если о пользе золотаевского опыта говорить, есть еще одна польза, считает машинист: наверняка добрым словом помощник его помянет, благодарить его будет, человеку такое всегда важно. Для себя Золотаев тоже сделал вывод, даже два. Знать надо свои ресурсы — раз. Ресурсы свои применять надо правильно — два. Решил он про образование, в общем, верно — образование ему нужно. Неправильно решил он насчет выдвижения на новую должность. Выдвигаться можно и по рабочей должности. Но это уже третий вывод.

Этот городок в Западной Грузии совсем не похож на курортный. Город какой-то хоть и «вальжанный», а в то же время деловой. Все здесь свои. Все знают друг друга. Прихотливые южные растения и высокие трубы, дым над городом. Дворники собирают кучи листьев, и потом, подобно курильницам, выпускают они необыкновенный аромат: деревья тут эвкалиптовые. «Тут» — это в небольшом скверике, уютном, обычно пустынном. Приходят сюда, как правило, в субботу и в воскресенье мужчины — поиграть в нарды, обменяться новостями, да и винца домашнего выпить любят, посидеть за круглым столиком на принесенных из соседних дворов стульях.

Дворы непохожи на среднеазиатские и все же чем-то неуловимо близки азиатским. Дворы с запахом чистой, крепкой и плодородной пыли, с деревьями, с звучащими в воздухе восклицаниями и понуканиями мамаш. Чересполосица условных «владений» жителей двора. В границах владений — скамеечка, небольшой цветничок, а то и деревянная квадратная тахта возле дома.

Такой двор, вполне обычный, рядом со сквериком, стал однажды знаменитым на весь город. Оказался центром сенсации.

...Рыли траншею для водопровода во дворе. Сопровождаются подобные деяния температурной реакцией жителей: назиданиями, шутливыми угрозами и вполне пешуточным негодованием иных жильцов по поводу причиняемых беспокойств. Строители рыли себе и рыли траншею, куда денешься? Траншея как траншея, только вот примерно с середины двора стали попадаться какие-то странные предметы. Похоже — из обожженной глины и обожженного кирпича, темно- и светло-розовые. Непонятные предметы, как будто бы части какой-то большой монументальной скульптуры. Но и маленькие фигуры попадались — то ли игрушки, то ли какие-то божки чудные. На забаву и потеху вечерних дворовых «посиделок».

Эрудит Коста немедленно отправился в городской краеведческий музей сообщить о находках, да не один, а с учителем истории, которому все известно стало в первый же день «раскопок», из первых рук — от Коста.

Через несколько дней прибыла авторитетная комиссия, прежде всего осведомившаяся о том, не пропало ли что. Коста оказался на высоте. Он уже два дня как организовал дежурство у «раскопок», отгонял малышей от траншеи, никому не давал прикасаться к неизвестным предметам, о чем с большой торжественностью доложил прибывшим.

Комиссия не проявляла поначалу большого интереса. Высокий полный человек с холемым и надменным лицом был немногословен, цедил сквозь зубы поощрительные слова. Был он барствен, небрежен и ленив, откровенно понукал трех своих подчиненных. Те аккуратно и неторопливо разбирали найденные предметы. Лица были у всех бесстрастные, и все же Коста сумел дознаться: дело пахнет интересными находками и требует большой бдительности. Конечно, бдительности, раз тут могут оказаться сокровища или археологические ценности.

Многозначительный пересказ суждений комиссии должен был убедить слушателей, собравшихся вечером во дворе, что ценности действительно велики, а может быть, будут и больше. Всерьез к ним отнесся только шестнадцатилетний Коста — вундеркинд районного масштаба. В пятнадцать лет он закончил школу, пытался в институт поступить (педагогический), сказали — рано. Только что сдавал экзамены — псудачно (случайно, конечно, провалился, таково общее мнение). Теперь Коста будет готовиться для окончательного захода. Пройдет теплая осень, устроится он в школьную библиотеку — обещано ему это место, зиму и весну будет заниматься, а все лето — изучать обстановку «на месте», в Тбилиси.

«Не золото ли?» — подмигнул Коста самый старший дворовый житель Ираклий-ботопо. «Золото — ничто, — гордо ответил Коста. — Тут у нас залежи культурных богатств». Коста предложил избрать местную комиссию для охраны места раскопок. Во главе со старшим Ираклием-ботопо.

Идея была незряшная, потому что вести о «раскопках» привлекли ко двору огромное число любопытных. Обитатели двора возгордились. Шутка ли, они должны давать пояснения (а о чем, они и сами еще не знали). Коста сбегал в музей и еще раз посмотрел экспозицию по истории города. Кого в нем только не было. Были древние эллины. Греческая культура оставила свой след на побережье, и даже здесь, в Западной Грузии. «Раскопал»

Коста легенду о том, что некогда здесь был построен храм. Кому храм посвящен — это он не сумел разузнать. Однако ему была обещана научная консультация. Пока же Коста снабжал всех полученными знаниями. Знания, поскольку они были скудные, позволяли рисовать красочные картины.

За «рекламой» следил весь город. Ко двору подходили с уважением, как будто здесь свадьба. Торжественно входили в ворота, здоровались и первым делом спрашивали: «Ну что?» Ответить было нечего, потому что траншею рыть перестали. Оказалось, вершится в каких-то кругах совет: выясняется, что делать с территорией двора. Эта, так сказать, постановка вопроса долго не доходила до сознания жителей. «Что делать с территорией двора?» В каком смысле? Фразу эту «Что делать с территорией двора?» слышали они несколько раз от приходивших различных представителей. А разъяснил ее смысл местный юрист, человек, известный своей легкостью, тертый и бывалый. Говорят, многих спас от больших неприятностей (от наказаний за всякие махинации). Юрист этот явился вечером. С подобающей важностью (тепло, любезно встреченный своим знакомым) он уселся возле «раскопок» и стал объяснять собравшимся соседям, что может означать все это для их судеб. Похоже было, что он то ли разыгрывает соседей, то ли страшит их, то ли, как шепотом сказала пожилая матрона другой, даже хулиганит. Судите сами.

На этом месте может быть заповедник, вещал юрист. И если правда, что раскопают здесь настоящий греческий храм, тогда, может, культурные службы ООН возьмут шефство над этим местом. (Раз мировое значение!) А как же. Коста сообщил, что в художественные альбомы и каталоги «культурного отдела» ООН (Ю-НЕС-КО — гордо произнес Коста по слогам) уже внесено немало памятников на территории нашей страны. Может, и наш — мировой, конечно, тогда будет здесь крупный культурный заповедник, и станут приезжать туристы из самых разных концов мира. Для знакомства с культурными ценностями.

«Это в наш-то двор будут приезжать?» — «Как бы не так! Двора тут уже не будет, но думайте, — подначивал их юрист. — Какой может быть двор, если тут будет заповедник!» — «А мы куда же денемся?» — «Куда, куда? Вы должны быть горды своей ролью и своей при-

частностью к произведениям мирового значения, возможно, говорю. Ясности еще нет...» — «То есть как это должны быть горды? А место наше где будет, если здесь окажется заповедник?» — «Ну, это еще надо узнать, а вообще ваше дело охранять пока, заботиться, не трогать ничего».

Куда-то гнул этот «нотариус», как его раздраженно назвал второй по старшинству житель двора — заместитель Ираклия-ботоно. «Нотариус» и правда куда-то гнул, куда — было непонятно. Стало ясно лишь тогда, когда он с небрежностью принялся объяснять, что, возможно, скоро будут переселять жителей из района раскопок и заповедника. А значит, владельцам будут оплачивать этот участок.

«Какой же участок?»

«Участок, который является вашей собственностью. Территорию двора. Каждому из вас, наверное, будет дана сумма для строительства или, может быть, предложена квартира...»

«Какая квартира, когда мы здесь все привыкли жить... Строительство-то новое почти за городом — далеко. И зачем нам этот памятник сдался?.. Напрасно вы, ботоно, раньше времени тревогу сеете...»

В ответ на такую реакцию «нотариус» сделал обиженный вид, отказался от дальнейших обсуждений и отправился в дом, где его ждало угощение. Но тревогу он посеял.

Несколько женщин поджидали, когда он выйдет назад. Величественный «нотариус» на вопросы женщин отвечать не стал, дело слишком серьезное, а отношение жителей к этому делу еще не созрело. Созреет — вот тогда пусть его позовут.

Так постепенно и накалялась атмосфера вокруг «столь серьезного дела».

Потихоньку назревал настоящий конфликт. Много переплелось интересов самых разных. Конечно, приятно, у каждого появилась гордость: мировой памятник будет открыт там, где жили они, их деды и прадеды. И как выразился Коста, это очень приобщает к культуре.

— Ну ладно. Гордость гордостью, культура культурой. А что дальше?

А дальше, на очередном вечернем обсуждении, выступил Коста. Он к этому времени узнал уже содержание древней легенды. Легенда была и правда красивая. Про

Минотавра. По-настоящему завлекательная легенда (и почему фильм такой бы не сделать?). А может быть, что-нибудь подобное было в истории действительно, кто знает?

Жило-было чудовище. Было оно похоже на быка и на человека одновременно. А прожорливое, как акула. Чудовище это называлось Минотавром. Оно требовало, чтобы жители острова Крита приносили в жертву ему семь самых красивых девушек и семь юношей — время от времени. Он их съедал и успокаивался. Жители критского царства не раз пытались, одолеть чудовище, и все напрасно. Однажды приезжий герой по имени Тесей взялся за эту задачу. Помочь ему решила дочь царя Ариадна. Она знала, что самое страшное в борьбе с чудовищем — это если его противник не сумеет выбраться назад из лабиринта.

— Какого еще лабиринта?

Коста смутился, он забыл про самое главное. Чудовище, оказывается, сидело глубоко в пещере, а внутри пещеры к нему вели запутанные тропинки. Лучше сказать, в пещере коридоры такие, какие у нас в скалах встречаются.

— Ну, в общем, даже самый сильный герой не смог бы ничего поделаться с Минотавром, потому что не было никакой возможности выбраться из этого ужасного лабиринта. Вот и помогла Тесею Ариадна, чтобы шел он, а нитки разматывались. Она дала ему в руки клубок с шерстью. И этот клубок должен был послужить путеводной нитью в дороге назад.

— И что, вполне даже простая и разумная затея. Неужели никто другой не догадался?

— Ну, наверное, не догадался, — досадливо сказал Коста.

Он требовал внимания и очень нервничал в ответ на суетные реплики своей аудитории. Вот так и победил Минотавра Тесей и женился на Ариадне. А все из-за того, что он использовал хитрость.

— Тоже мне хитрость, — раздалось вокруг.

— То же — не то же, это сейчас век электронной техники. Вам кажется, что все это так просто. А на самом деле совсем неглупо было придумано, — миролюбиво заключил старший по возрасту житель, старик в сванской шапочке, с седыми, красиво подстриженными усами.

— Ну и что же Минотавр? К чему ты это говоришь?

— А вот к чему, к тому, что это чудовище иногда служило украшением. Ну, не чудовище, конечно, а его изображение служило украшением различных греческих храмов и общественных зданий. Вот и говорят в кулуарах... — сказал и покраснел. Слово было для него новым и трудным. Никто не заметил затруднения, так он лихо освоил это слово, и тогда он снова повторил: — Вот в кулуарах и говорят, что тут под нами расположен древнегреческий храм с изображением Минотавра. Были свидетельства в истории, что храм такой где-то в наших краях существует. Не он ли под нами? И если это так, то не миновать нам всем мировой славы.

Мировая слава на время и вправду всех оглушила. Два-три двор, да и не только двор, квартал, а может, целый город бредил мировой славой и Минотавром. Только стали раздаваться и трезвые голоса практически настроенных людей. Должно быть, «нотариус» издал дирижировал, задавал им тон.

«Ну и что Минотавр? Ну и пускай культура. А как насчет замены нашей жилплощади? Где квартиру дадут? Сколько заплатят за деревья, которые мы тут посадили и вырастили? Полагается ли оплачивать цветы?» Для консультации понадобился все тот же юрист. В полном соответствии с «предсказанием» «нотариуса» население «созрело» для консультации с ним. Тогда-то он и был приглашен снова. На сей раз никто и не позволил себе иронизировать, критиковать, ни даже «нотариусом» называть его. Он требовал полнейшего почтения и абсолютной тишины.

— Вопрос о Минотавре можно считать решенным.

— Я слышал в кулуарах, — робко подсказал Коста... «Нотариус» важно кивнул и подтвердил:

— В кулуарах считают, что вопрос с Минотавром решается положительно. А если вопрос с Минотавром решается положительно, следовательно, встает организационная задача. Надо составить точный список деревьев, кто, когда и какие посадил, измерить территорию, какая кому принадлежит, и доставить строгую документацию на жилую площадь.

Он посмотрел вокруг и вздохнул:

— Да, друзья, вопрос, конечно, серьезный. Минотавр Минотавром, а квартиры квартирами, — он помолчал, — их надо «выбивать».

Стало понятным, что «выбивать» квартиры должен именно он.

— Я являюсь поклонником искусства. И работаю всегда из любви к искусству, — добавил он еще более важно. — Но впервые мне приходится заниматься искусством по-настоящему.

Коста робко вмешался:

— Археология — это разве искусство? Тут вообще и история, и культура.

«Нотариус» долго смотрел в его сторону, но не на самого Коста. Коста, видно, не заслуживал даже взгляда такого важного человека.

— Речь идет об археологических памятниках? Или как это лучше сказать? — Посмотрел снова в сторону Коста и миролюбиво заключил: — Археология — искусство, культура — искусство, Минотавр — искусство, самое главное — всему определить свою правильную цену. А самое большое искусство — это не проиграть в деньгах. Не так ли? Для чего и нужен опытный юрист.

Шутка понравилась всем, кроме Коста и учительницы. Учительница с мальчиком переглянулись и одинаково усмехнулись: деляга.

«Нотариус» набросал примерное «типовое» заявление в исполком, годное для каждого жителя двора, с просьбой предоставить квартиру «по причине занятия двора и территории дома под мировой памятник». После слова «памятник» он долго размышлял, потом опять посмотрел в сторону Коста и внушительно продиктовал: «искусства». Получилось: «под мировой памятник искусства».

Потом он соблаговолит зайти в несколько квартир, где его почтительно привечали и угощали. Вышел он из двора далеко за полночь, поддерживаемый с двух сторон крепкими сыновьями старейшины (того самого, в сванской шапочке и элегантных усах).

...Тут начался новый этап жизни «двора Минотавра». Приходили соседи, советовали всякое. Кто посадить лишнее дерево, пока не поздно. Кто поточнее измерить размер надела. Кто советовал припомнить давний спор между прадедушкой еще и прабабушкой соседней относительно переноса границ территории «владения». Коста же продолжал сохранять верность мировому памятнику искусства. Он по-прежнему никого не подпускал к уже зарытой траншее, и не зря. Однажды ночью некто явился для модельных раскопок и был пойман. Коста храбро кинулся

на грабителя и оказался в крепких железных руках, которые его основательно помяли. Однако грабитель удрал. А Коста долго демонстрировал ушибы и синяки и даже жалел, когда они прошли.

Однажды Коста явился с мрачным и огорченным видом. В чем же дело? Оказалось, что вопрос с Минотавром вовсе не был еще решен положительно. А положительному решению его мешали столичные специалисты.

...Местные специалисты, и тот особенно, кто возглавлял первую комиссию, настаивали на том, что найденные предметы — фрагменты большой скульптуры Минотавра. Приезжие же решительно против этого возражали, хотя обожженная глина и куски мрамора «тянули» на изрядную древность. Что стоит раскопать и узнать все это? Раскопать до конца, жестикулировал председатель давешней комиссии.

— А то: сначала должна быть топография научная этих мест, а потом можно и копать. Копать придется много. Ареал здесь минимум 40×40 метров, а то и побольше. Давайте сначала разберемся в исторической подоснове.

— И этнографической, — подсказал другой приезжий.

— И этнографии не грех копнуть, — включился третий.

Все это слышал Коста, стоя за дверью той большой комнаты, в которой проходило совещание. Как раз к началу совещания он и попал.

Коста откровенно признался себе, что подслушивает, и не преминул осудить себя: нехорошо же! Но все-таки информацию должен он получить, потому вот и стоит, и слушает. И дослушал: вопрос передали в более высокую инстанцию. Пока же специалисты требовали зарыть траншею и изучать поначалу обстановку. Но почему же зарыть? Коста хотел вбежать и объяснить, что они сами все включатся, что немало здесь найдется в городе и землекопов умелых, и людей культурных, готовых в этом деле помочь. Зачем же бросать? Зачем же зарывать? Мало ли что новая комиссия желает? Может быть, и правда под нами памятник мирового искусства, всемирный памятник? Как же можно так махать на него рукой? Все это Коста произнес мысленно. Про себя он спорил с каждым, кто там выступал. Однако дело оказалось безнадежным. Один за другим сидящие за круглым столом, внушительные, ученого вида люди, выступая, говорили о чем угодно, о стоимости раскопок, о кадрах, о смете, о том, что

не вписываются эти раскопки в план, о топографии, об исследовании археологической подосновы, об исторической экспертизе... все, кроме самого главного, кроме того, как памятник из-под земли вытащить, изъять.

Что же делать? Мрачный Коста пришел во двор и объявил:

— Вопрос с Минотавром не решается пока.

— Как не решается? Кто сказал не решается? Почему?

Коста рассказал обо всем слышанном. Тогда и было принято доморощенное решение копать самим. Если бюрократы не хотят открывать памятник, мы откроем его сами и представим перед глазами всего города. Решение это произнес младший сын старейшины, его идея была подхвачена. И работа закипела. По вечерам после окончания рабочего дня ворота наглухо закрывались. Желаящим было объявлено, что по требованию комиссии допуск к Минотавру, или, как говорил Коста, останкам Минотавра, был закрыт. Зато открыто было поле археологической самодеятельности. Самодеятельность эта дала плоды, как и надо ожидать, самые печальные. Дело в том, что рабочие навыки «давай, давай», стремление к производительности труда высокой здесь только портили дело. Тут надо было совсем другое! Аккуратно, кисточкой и с маленьким ломиком, с почти что детской лопаткой работать.

Кончилось дело тем, что умельцы раздробили ступню — чудовищный гибрид копыта с львиной лапой. Поэтому раздробили, что нажал старший сын старейшины на лопату всей своей тяжестью, и хрястнула стопа. Коста был поблизости и, тонкий, щуплый, нервный, схватил за грудки огромного 30-летнего парня.

— Варвар, дикий ты человек! Уходи отсюда сейчас же! Потомки тебя проклянут! — кричал он резким фальцетом. — Приказываю закрыть раскопки, немедленно закрыть. Завтра сюда позову комиссию и в Москву дам телеграмму.

— Успокойся, ты же сам возглавил эти раскопки.

— Я возглавил культурных людей, цивилизованных. А вы кто такие? Вы варвары, дикари!

Мальчик чуть не плакал. Для него случившееся было личной трагедией, катастрофой.

Вечером весь двор собрался на совет. Как быть? Форсировать раскопки? Неплохо было бы форсировать, ско-

ро осень. И если переезжать, то лучше до дождей и слякоти.

Коста же, а также учительница исходили из другого. Они просто хотели подтолкнуть местных специалистов и приезжих из столицы экспертов, показать им до всяких выяснений и экспертиз «заочных», литературных и прочих, с какими ценностями они имеют дело. Однако Коста объяснил, что за мировые ценности придется отвечать, если их попортить. Тут старший сын старейшины предложил дать Коста по шее при всех. Уж очень он узнался. Когда гости приходят, те пусть слушают его лекции. А тут сколько можно: «ценности, ценности». За все время только один мраморный кусок скульптуры нашли, и все, а остальное — какие-то обожженные черепки, какие-то пятки, когти, кусок хвоста или что-то еще непонятное обнаружили. Надо тоже не быть дураком и нас дураками не считать. Надо это мировой истории или комиссии, ну и хорошо. Только пусть все это и на нас поработает. На наши интересы. За это дело мы все новые квартиры получим.

Коста был разгневан.

— Значит, вот для чего вы принялись помогать в раскопках? Примем решение эти раскопки закрыть!

— Но почему же? Наши раскопки-то и двинут все дело.

— А потому, что самое главное, с какой душой, для чего и во имя чего мы делаем, раскапываем нашего Минотавра.

Тут учительница мягким спокойным голосом, как будто говорит она с первоклашками, стала объяснять правоту Коста. Долго она говорила. Слушали ее с уважением. И сам призыв, надо, мол, проникнуться значительностью культуры и памятника, возражений, в общем, не вызывал.

— Мы и прониклись, а разве мы не прониклись? Но есть же и практические вопросы. А потом, зачем быть посмешищем всего города? Весь город шумит: мы открыли памятник...

— Да кто проникся-то? — выкрикнул Коста. — Кто? Вы же все самые главные противники — крошите ему пятки, Минотавру.

— Глупый, несмышленный мальчишка, — солидно, размеренно прервал его глава здешнего совета, старейшина. — Одно другому не противоречит и не мешает. Пус-

кай твой памятник действительно самый важный на свете. Но чтобы ты нас этому учил и сопливым своим носом шмыгал, мы этого тоже не хотим. Скажи нам лучше, как в конце концов решился вопрос? Как? Не знаешь? Ну, тогда давайте пошлем делегацию для того, чтобы была ясность с Минотавром и чтобы не срамиться перед городом. Весь город приходит к воротам. Что мы можем сказать? Что Минотавр не имеет никакого значения, никакой ценности? Как же, уже всем известно, что вопрос с Минотавром решен положительно. Что бюрократия заела, поэтому не дает средств на раскопки? Ну и что, весь город пойдет на раскопки. Уже пошел.

— Как танк, — не удержался Коста.

— Это правильно, как танк не надо.

Полная матрона с должной почтительностью к старейшине включилась в разговор:

— Минотавр Минотавром, но в другое место посылать надо делегацию, не в музей и не в комиссию. Делегации надо посылать в исполком. Когда для Минотавра место освобождать и кому что полагается.

— И это правильно. Как же мы решим?

— А так, — старейшина веско помолчал, уперся двумя руками в колени. В этой позе он был величествен, как сидящий на троне монарх. — А решить надо так. Давайте составим заявление, только не такое, какое «нотариус» нас учил, а настоящее. Про то, что мы понимаем значение мирового памятника и что мы хотим во имя сохранности и для обеспечения его хорошего состояния очистить помещение, потому что дети тут ходят, потом разные бандиты налетают, потом несознательные (он посмотрел строго на сына) лопатами орудуют, правильно тут Коста говорит. И вообще пусть государство этим займется. Это на первом месте. А на втором месте, что жители интересуются, как государство нас потом обеспечит.

На том и порешили. А назавтра пришла комиссия.

Комиссия была новая, важная. Говорят, из Москвы. Для них отрыли траншею, сделали еще проход и доставили несколько экспонатов.

...Вечером стало известно, что вопрос с Минотавром решен отрицательно. Этот Минотавр, конечно, — Минотавр. Но только он не тот. Оказывается, князь Дадияни в прошлом веке построил себе здесь дворец, а под дворцом сделал бани и еще в подземных гrotах и нишах

устроил зал для развлечений. Вот в этих залах и были расставлены различные фигуры, символизирующие сюжеты из истории и мифологии Древней Эллады. Так попала туда фигура Минотавра.

— Но ведь скульптура могла быть привезена? Князь Даддани имел много подлинников и всяких ценностей, — громко завопил Коста, не желая сдаваться. — Как же так?

— Ну что же, мы произвели анализ и убедились, что фигура вашего Минотавра сделана в прошлом веке.

Пояснения эти давал жителю двора высокий, благородного вида молодежавый товарищ, который желающим показывал документ — анализ из московской лаборатории, — туда посылали останки Минотавра для экспертизы. Высокий товарищ любезно подождал, завершив свой доклад, не будет ли вопросов. Все были подавлены. Вопросы не было, товарищ удалился.

А собрание жильцов продолжалось, теперь под другим «флагом». Кто первый разнес сенсацию про Минотавра? Коста. Ладно, Коста маленький. Кто виноват в том, что траншею роют? Водопроводчик. Водопроводчика не за что, положим, винить. Кого же тогда обвинить в том, что сенсация не состоялась? Ведь город-то ждет сенсацию? Науку винить не приходится. Как же быть? Жителям не хотелось терять авторитет в глазах горожан. Надо было срочно искать выход. Как поддержать репутацию знатоков искусства? Выяснилось, что все за это время привыкли к своеобразной этой известности, можно сказать, к славе.

Как же быть? Что может компенсировать этот «крах», такой неожиданный конфуз...

Мрачно настроенный старейшина внес предложение:

— Давайте, раз уж мы так выдвинулись, будем продолжать. Будем добиваться... первого места по городу... — он нерешительно помолчал... — за образцовое содержание двора. Будем первыми. — Он уже развеселился. Представил себе, как это он зазвучит. — «Первое место по городу занял «дом Минотавра».

— Ну-у-у, — протянул Коста, — как будто одно с другим сравнится!

— Нет, подожди, подожди, я еще не закончил. А вот ты возьми на себя такую задачу. Попробуй-ка, дружок, вместе с ребятами (да и мои олухи тебе помогут) самостоятельно раскопать вот этот самый грот, где куски Мино-

тавра, а может, и целый Минотавр находится. Давай пока никому не говори ничего. Мы его достанем, посмотрим, изучим. Свой музей нам-то поможет... — Он подумал и внушительно, с раскатами произнес: — За Минотавра мы еще поборемся. Все-таки, если и не мировой это памятник, то нам свой мини-Минотавр тоже подходит. Давай-ка, Коста, займись культурной работой. Подбери историческую литературу, чтобы наш Минотавр в масштабах нашего города не подкачал. Пусть работа столетней давности, но фигура может оказаться сама по себе красивая. К тому же и история все-таки древняя сама по себе, с Ариадной.

Неплохо историю знать, — продолжал он свой любимый сюжет. — Эх, жалко комиссия слабая, не могли за честь города постоять. То ли бюрократы, то ли денег им жалко. Как-никак в других городах Минотавров нет. Есть пещера Абраскила, но она в Очамчирском районе на замке. Как-никак Прометей там находился. Я недавно читал, что сначала была легенда про Абраскила в Колхиде, а потом уже — про Прометея. Помните, у которого орел печень клевал. Так эта пещера у них на замке. Ученые называются, такой памятник заперли. — Он приглашал посмеяться над далекими сородичами незадачливых ученых. — А мы своего Минотавра откопаем, найдем про него всю литературу, помесгим его в наш музей, и это будет заслуга нашего коллектива по части культуры. Двор наш свой авторитет и не уронит. Все же нехорошо, когда тебя сначала подняли по культурной части, а потом как будто бы бросили сверху вниз. Правда?

— Вот дорогой ботоно научил нас, как авторитет свой не растерять, спасибо ему, — подытожила пожилая матрона.

Все молчали, осмысливая эту идею, план спасения репутации дворового коллектива. Идея всем пришлась по душе. Решено уже вечером следующего дня при закрытых воротах начать работу нового тура самостоятельных археологических раскопок.

Даешь Минотавра!

Новенькая, свежими красками выписанная вывеска «Чайная». Она еще долго будет вызывать фырканье и чертыханье. Раньше, с довоенных лет и после войны, до самого последнего времени здесь была пивная. Не «автопоилка» и не какой-нибудь «Голубой Дунай». Скромный зал с большими окнами на шоссе, всегда чистенькие стойки, тридцать лет — во главе с одним и тем же «пивных дел мастером». Подмастерьев у этого мастера была немало. Они сменялись, а «главный» оставался на месте. Влиятельная фигура в округе. И место для пивной было отличное. Рядом садик. Пенсионеры врыли кругленький на ножке деревянный стол, аккуратненькие скамеечки сделали — коротенькие, обрубленные, восьмигранником обступающие круглый стол — загляденье. Всегда вокруг подметено. Если и усядется троица на большую скамью, «типа диван», полосатую раскрашенную, с массивными чугунными ножками, то сперва оглядится эта троица на пенсионеров, присевших вокруг стола. Пенсионеры тоже строго поглядывают вокруг. В «филиале» пивной тоже... стиль и порядок.

В «старой» пивной (где сейчас вывеска новенькая красуется) были свои порядки и по части общения. Обязательно знакомого там встретишь, кивнешь, а то и поздороваяешься. Главное — солидно, спокойно можно было поговорить. Обратишься к соседу, он тебе и ответит. А не хочет, так и промолчит — тоже не обидишься. Совсем, впрочем, не обязательно ни кланяться, ни кивать, ни приветствовать друг друга. Не хочешь, устал после работы, не нужен тебе никто — ну и, пожалуйста, разве что с «самим» переглянешься или кивнешь, да и все. Можешь глядеть в свою кружку сколько тебе угодно и думать про что хочешь. Получается, что отдохнул. А если не отдохнул, то хотя бы отвлекся. Если не отвлекся, то... не знаешь даже, как это назвать. Только вышел ты и не навеселе, и не пьяный, а все же дистанция какая-то получилась между работой и домом.

Случалось, правда, замечать и, кстати, именно в этой «старой» пивной душещипательную картинку. Она вызывала почему-то досаду. Явится какой-нибудь и ну рыскать взглядом по лицам. У самого глаза тоскливые и в лицо тебе смотрит пронзительно, как будто на задушевный хочет разговор тебя вызвать, то ли набивается на

спор какой. Как будто бы в телевизоре видишь лицо крупным планом. Он тебе знаки подает, подойди, мол, друг, побеседуем. Бывает, что пьяный это. Мало приятного с таким толковать. Только в здешней пивной пьяные разговоры, тем более споры да крики, не в чести. «Сам» их не уважает, да и умеет легонько такого активного до общения типа выпроводить. Бывает и другое. Видно, ищет человек, с кем бы свою заботу разделить. Ну, пошел бы домой да с женой поговорил. Мало ли — с приятелем, с братом. Да выпил бы, наконец. Тогда пьяная откровенность была бы понятна. А то нет. Глядит на тебя, тревожит тоскливым взглядом и вроде на откровенность навивается...

Находятся такие, что бегут на этот взгляд — «SOS». А ты глядишь, что из этого получается. Кто «SOS» этот подает, посмотрит на прибежавшего, глаза сощурит или, наоборот, сделает нейтральное лицо: «Нет, не подходишь, мол, ты в собеседники». Несостоявшийся собеседник обидится, а иной раз выскажется по этому поводу: «Чего, мол, ты тогда». В смысле — сигналы подаешь. А тот только плечами пожмет: «Я? Да я ничего». Это речь, конечно, идет про такой взгляд, который ясный — не замутнен «ершом», «чекушкой» или тройным пивом. О пьяных разговорах тут речи нет.

...Федор Семенович еще мальчишкой до войны помнит: отец зло смеялся над пьяными излияниями. Проходят они с отцом мимо пивной, а вокруг «беседуют» на тему «кто кого уважает». Не уважал отец такие беседы. И Федор Семенович тоже их не уважает. А «SOS» на лице иного посетителя, тревога и смятение во взоре даже ясном, не замутненном алкоголем, вызывали у него, уже у взрослого, отвоевавшего, такое же точно отношение, как и в детстве пьяные излияния. Какого черта со своим внутренним приходишь на люди и, как в театре актер, декламируешь лицом: вот, мол, у меня то, да у меня се, я в беде, или, наоборот, в радости, или там у меня сомнения, кто, мол, подойдет, разделит? Подходи, мол...

Никогда не думал Федор Семенович, что сам он придет сюда с таким смятением в поисках внимания. Да еще не в пивную, а в чайную. Да вот пришел. Правда, пришел в чайную, как раньше приходил в пивную. И в самом деле, забыл он про переименование, вернее, про то, что перекантовано одно предприятие в другое. Вспомнил бы, не пришел. А тут ноги принесли, как раньше прино-

сили к «самому» — кивнуть, а может, поболтать, а может, просто поглядеть в кружку — в единственную! Зашел в зал и вспомнил тут только, что чайная это. Что «главного» перевели в пивной зал — новенькую «стекляшку», современную. Повысили «самого-то».

А здесь хозяйничала немолодая женщина. Миловидная и строгая на вид Тоня Ивановна.

Ну что ж, зашел так зашел. У Тони Ивановны спросил чайку стаканчик. Сказал: «С калачом». Она с улыбкой подала ему марципанчик, свежий, симпатичный. А чай по цвету вполне похожий на пиво. Это примирило Федора Семеновича с горячим стаканом. Усевшись в уголке за столик, где прежде была его любимая стойка, Федор Семенович пригорюнился. Не потому пригорюнился, что попал не по адресу. Дела такие.

Через полчаса поймал себя на том, что и чай не выпит, и состояние неопытное. Сидит он над своим стаканом и вглядывается в лица входящих. Лица и вправду достойные внимания. Большинство мужчин явно по привычке сюда явились, как и Федор Семенович, — ноги их сюда принесли. Недоумение, насмешка над собой, иронический взгляд в сторону знакомого им Федора Семеновича (и правда знакомого за эти-то долгие годы). Короткий ему кивок. Любопытный взгляд на Тонию Ивановну. Покрутил вошедший головой и вышел. Много таких.

Вот и еще один. В старой пивной никогда не видел его Федор Семенович. А пришел он определенно не в чайную. В пивную пришел, в бывшую. Зеленая шляпа, немного, правда, помята, коричневое дорогое пальто, в руке перчатки — замшевые перчатки, красивые. Лицо странное. Интересное лицо. Говорят про такое выражение «отсутствующий вид». Отсутствующий вид у этого человека. Это если с первого взгляда. Федор Семенович успел рассмотреть его за то время, пока проделал вновь пришедший тот же церемониал, что и сам он проделал. Зашел, покрутил головой, поискал, видно, знакомых, заинтересованно поглядел на Тонию Ивановну, осмотрел стены, подошел к столику нерешительно. Нет, пожалуй, не отсутствующее у него лицо, а такое же, как у самого Федора Семеновича, встревоженное, ищущее... На лице на этом «SOS» «нарисован», тот самый «SOS», который столько раз злил Федора Семеновича в других людях. Сейчас не злил. Потому не злил, что сам Федор Семенович этот «SOS» собой изображал.

Пришедший взглянул на Федора Семеновича и задержался на его лице взором. Контакт, видно, сработал. Вместо того чтобы направиться к выходу, человек в шляпе оглянулся на Федора Семеновича — удостовериться, то ли он увидел, что показалось сначала, отправился к Тоне Ивановне. Со стаканом чая и таким же марципаном, как у Федора Семеновича, подошел к столику и уселся с Федором Семеновичем рядом, кивком испросив разрешения.

— Вот, чайком теперь пробавляемся, — усмехнулся он. — Вы, наверное, тоже из прежних посетителей?

Тон у него был уверенный, спокойный. Человек этот умеет разговаривать с людьми. Взгляд доброжелательный и несколько извиняющийся за «инициативу».

Федор Семенович усмехнулся, глядя на свой стакан.

— А что? Чаек тоже, пожалуй, неплохо. Говорят, пиво на сердце еще хуже, чем водка, действует. Вот сейчас попросим у хозяйки покрепче.

Он поднялся и вскоре вернулся с новым стаканом чая и на этот раз с ватрушкой. Чувство неловкости чуть прошло. Неловкость Федор Семенович почувствовал, как только понял, что и тот, пришедший, носит какой-то в себе вопрос, какую-то тревогу, может быть, боль. И он, как и Федор Семенович, ищет, наверное, собеседника. Да не такого собеседника, какой попадется, а... Сам не понял Федор Семенович своих мыслей. Только, усевшись напротив, вздохнул и просто сказал:

— Ну что уж теперь, тянет на старое место, да и пообщаться здесь приятно, не хуже, чем тогда было.

«Пообщаться» — слово это он не искал, но получилось очень кстати. Видно, и вправду пообщаться пришел и этот, в шляпе. Шляпа, положим, была у незнакомца уже на коленях, пальто висело на спинке стула.

— Да... пообщаться, — ответил он, глядя на Федора Семеновича и как будто бы его не видя. — Пообщаться, — снова повторил он.

— А что-то я вас раньше здесь не встречал?

— Пожалуй, потому, что летом я в садике все больше за столиком посиживал, — усмехнулся он, — с пивком. «Сам» мне разрешал выйти с кружечкой за кругленький столик. А зимой вот как-то в разъездах все был.

— Да нет, и осенью вас не видел, и весной.

— Может, в разное время попадали, — ответил, поддерживая разговор, Федор Семенович. — Я ведь посмси-

но работаю. Знаете, да еще всякое-то там у меня прочее, — он замылся. И с иронической в собственный адрес улыбкой ответил: — Разные там обстоятельства, знаете...

— Шу да. А я как раз иногда и в дневное время заходил, потому что народу поменьше, да и рабочий день мой не по сменам распределяется. У меня мастерская тут неподалеку, в подвале. Я скульптор. А сейчас в такую влип передрыгу, что и не знаю, как быть-то. Пришел вот поразмышлять над кружечкой, только попал в чайную, — он пожал плечами и засмеялся смущенно.

Федор Семенович обрадовался.

— А я в какую попал передрыгу. — И тут же осекся. Зачем он человека перебивает? Тот ведь хотел про свое ему рассказать. Но не удержался и продолжил: — Я даже не знаю, как и представиться, как свою специальность назвать. Не изобретатель, конечно, но рационализатор, в нашем автохозяйстве у меня токарно-слесарные обязанности. Все вроде я должен уметь. А тут придумал я, как в семь раз — в семь, представляете! — сократить срок мойки машин, как поставить ее фактически на конвейер. Может, это и везде практикуется? А в наших условиях: у нас старое помещение, только я приспособил и его. Вроде все хорошо, даже прекрасно получилось. И не на бумаге получилось, а вроде бы в первой прикидке. Сам я вычислил и эффект от этого экономический, и сколько стоит будет внедрение. Мне даже премию выплатили квартальную, и очень, скажу, большую премию. Премию-то выплатили, а внедрять не внедряют. На доску Почета повесили, в докладе упомянули и даже сообщили в высшую инстанцию, что имеется свой рационализатор-изобретатель. А вот сегодня прихожу в отдел, в плановый, спрашиваю, когда, мол, внедрите, а мне в ответ: «Ты свое получил. И честь получил, славу, в передовиках ходишь, и премию. Чего тебе?»

Но машины-то по-прежнему моются фактически как попало, с огромными затратами времени и труда непроизводительного. И дорого все это. Что же, еще раз, по новой объяснять надо? Докладную записку писать? Я там пошумел немного, а мне было объяснено, что, мол, свое я дело сделал. Хочу сейчас подумать, прикинуть, как быть. Вроде посмеиваются надо мной там: мало, что ли, он получил за эту свою головомороку. А головоморока, оказывается, в том состоит, что перестраивать немного

(да совсем ведь немного!) пришлось бы по моей системе. Но, оказывается, не только перестраивать, но и переписывать многие бумаги. А главное — перестройка — значит, перестановка людей. Значит, с кем-то кому-то отношения портить надо. Я, получается, в этом виноват. Виноват, понимаете? Вот и надо мне обмозговать, может, и вправду виноват я... В прошлый раз мое изобретение никого не затрагивало. Было оно маленькое и касалось узла одного. Вам не интересно?.. В общем, людей не касалось. Бумаг не касалось. Плановых органов. Просто поставщик нам обеспечил такой узел. Я посидел немного на заводике на нашем соседнем, покумекал, с ребятами сделали мы все, что полагалось, — вот и заработал у нас свой агрегатик. Премия была поменьше, правда, но тоже был и почет. Опять же поминали везде, но не то, что сейчас. А вот теперь, это надо мне подумать. То ли дальше приниматься, а есть у меня задумка, что нужно бы еще сделать... То ли раскручивать это мое, простите за выражение, начинание. Я бы раскрутил, да, знаете, подумать надо. Не все я тут докумекал. Вот пришел, решил — пивка выпью, подую на пену, погадаю на гуще на пивной...

Федор Семенович увидел, что собеседник оценил шутку. У собеседника взгляд уже не рассеянный и не то выражение, с каким явился сюда. Слушает собеседник внимательно, глядит на него остро, понимающе. Видно, интересен ему рассказ. Федор Семенович, пока рассуждал сам с собой, на собеседника-то не смотрел. Вот сейчас только взглянул, когда рассказал. И порадовался удаче. Пришел он сюда, так сказать, ведомый этим своим сигналом «SOS». Сам, может быть, не понимал, а сигнал-то его и вел. И хорошо, что привел. Пожалуй, и не надо больше говорить ничего. Надо, может быть, послушать этого интеллигентного вроде бы мужика.

«Интеллигентный мужик» поднял брови и задумчиво, серьезно взглянул в лицо Федору Семеновичу.

— Вот, видите, и у меня похожее. Я по своему ремеслу с подобными делами сталкиваюсь. Мне ведь, чтобы сделать заказ, — если, конечно, сделать заказ хорошо, — надо, чтобы я был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Получилось, прямо скажу, неожиданно, невольно я на это набрел, — как и у вас — не изобретение, а тоже рационализация. Получилось, что набрел я на путь, как меньше потратить металла на эту мою композицию.

И с другой стороны, как в композиции этой выразить больше смысла, что ли, лучше представить идею.

Он пытливо поглядел на собеседника. «Что ему, про принципы художественной изобразительности рассказывать? Зачем ему это? И зачем вообще ему рассказывать? А ведь говорю же с ним. Обо всем, пожалуй, с ним буду толковать, обо всем том, что сейчас не дает покоя».

Федор Семенович ответил насмешливой улыбкой. Она означала: ну да, конечно, высокие ваши материи излагать вам не след. Уши не те. Ну и ладно. Проехали.

Скульптор в ответ ему кивнул, мол, проехали. Перешли, мол, к вопросам, «представляющим обоюдный интерес».

— В общем, получается, что ни экономия моя, ни новый вариант композиции никого не устраивает, не интересует. Утвердили прежнюю, и ладно. Но ведь экономия же! И большая экономия — комбинату всему. Тут мне подсказали, что про экономию лучше молчать, а сэкономленные средства «двинуть», так сказать, в качестве неучтенных дополнительных средств на разные там нужды, на свои в том числе. Дело нехитрое, и практика такая уже налажена. Но я-то про другое. Про то, как пробить лучший вариант. Беда в том только, что за вариант за этот платить мне будут меньше. «Отсек» я много «лишних» деталей. Но вариант-то нынешний интереснее, удачнее. Хотя он вроде бы проще. Но понимаешь, проще по формам, по отделке, а идея в нем выражается лучше. Вот рядом тут у меня мастерская. Хочешь, сходим? Давай посмотрим...

Завтра мне в область ехать надо, — продолжал скульптор. — Попытаюсь я там еще раз пробить свой новый вариант. А зачем, казалось бы, пробивать? Если — по правде, без дураков, — этот вариант лучше, дешевле, проще, эффективнее, красивее. И как там еще скажешь? Все при нем, при новом варианте... Черт с ним, мне пускай убыток будет. Но ведь я же тебе не сказал, в чем сама идея-то, а ты не спросил. — Скульптор перешел на «ты». — Давай познакомимся. Я Савелов Валентин Иванович. В Москве меня знают не особо, а в области в нашей уважают. Не в одном колхозе, может быть, ты видел мои памятники, обелиски с горельефами. Видел? Вот теперь для города нашего работаю. Возле библиотеки должен я создать скульптурную композицию. Рядом с библиотекой у нас институт, кинотеатр. В общем, вещь

мне заказали такую, чтобы в ней современность звучала и история нашего города была тоже представлена. Дело в том, что на конкурсе прошла успешно моя скульптура, теперь сам понимаю, немного сложная она, тяжеловатая чуток. Пока я работал над ней, получалось, что улучшал ее и улучшал. Становилась она проще, выразительнее. Отпали, так сказать, архитектурные излишества, скульптурные излишества, будет вернее сказать. То, что можно было бы назвать завитушками, различными деталями, такими, которые мало что добавляют к смыслу. Хотя в результате я усложнил. Настаиваю, именно в конце концов усложнил я и мысль мою, и образ. А форма стала проще. Проще стало и исполнение. Не для меня, конечно. Я вот уже седьмой месяц перерабатываю свой прежний вариант, свой замысел, вынашиваю каждую новую деталь. Ошибся, не вынашиваю, упраздняю каждую лишнюю деталь — вот в чем дело. А вышло так, что это никому не нужно. Уже все подписано, уже запущено в производство, уже отпущены средства. Делай, мол, как первоначально договорились, как утверждено. Утверждено, утверждено, но ведь никому не станет хуже от того, что выполнить мой новый проект проще, а смотреться он будет лучше... Экономия. Кому же в конце концов от этого вред? Я не экономист. Может быть, я, правда, упрощаю вопрос или в организационном смысле, или в каком еще, но ведь искусство от этого выиграет.

Мне говорят, видишь ли, что семь месяцев я бью баклуши. Знаешь, я как-то посмотрел в словаре русского языка. Оказывается, бить баклуши — это делать заготовки. Заготовки, понимаешь, делать. Грубо говоря, значит это, к примеру, заготовить фигурки для детских игрушек, а потом эти заготовки совершенствовать, раскрашивать, детали у них вытачивать. Так? Или даже самый простой пример приведен — ложки. Заготовить чурки и контуры ложки, а потом сделать посложнее, раскрасить, придать им золотистость, или хохломскую роспись. Вот ведь какие баклуши я в действительности бью...

Федор Семенович засмеялся, удивленно подняв брови:

— Да что ты, это не ты баклуши бьешь, это так про меня говорят. А знаешь почему? Потому что время мне на рационализацию дают, а я и в самом деле хожу, заложив руки за спину. Но именно что руки закладываю за спину и хожу по производству по нашему, где все вкальвают, — ну, вкальвают, не вкальвают, иногда и

мельтешат. Именно подчас мельтешат, когда можно рационально работать. Ну ладно, это не твоя епархия. Так вот я, когда обмозговал этот свой метод, тот самый, который мне сейчас голову сверлит, — ходил по производству, заглядывал во все дырки, во все щелки, обнюхивал каждый станок, на вооружении у нас имеющийся. Все машины «ощупал», кузова посмотрел, много ли там щелей и прочее. Так ходил я небось неделю и чуть по морде не схлопотал от одного горячего парня. «Мы работаем, а ты ерундишь». А когда премию я получил, вот мне тогда и сказали: «Премия получил за баклуши». Тем более что рационализация моя не внедрена. Значит, баклуши я точно бил в самом плохом смысле. Меня даже уважать перестали. Хоть бросай эту работу. Бросить не вопрос, если честно, везде возьмут, а если утаю, что рационализатор, то особенно. Вкальваю я, как надо. Видишь ли, чтобы что-нибудь придумать дельное, я уверен: необходимо бить баклуши. Мне подходит это выражение, как его словарь понимает. А как илаче? Сначала бьешь баклуши, делаешь заготовки, потом эти заготовки доводишь до ума. Вот и ты сейчас доводишь до ума свою скульптуру, так получается?

Послушай, Валентин, я, кажется, догадался, как нам с тобой лучше это дело обставить.

Валентин Иванович поднял вопросительно брови:

— Как нам с тобой? — спросил он.

— Так вопрос же у нас похожий. Понимаешь, Валентин Иванович, нам с тобой конфликтовать ни с кем не надо. В конфликте тебе по шапке дадут, еще гвой заказ аннулируют, найдется какой-нибудь прохиндей. Да и у меня толку не выйдет. Зачем нам с этими плановиками и прочими сражаться. Давай мы поставим вопрос, как этот Леонов в кино «Премия»? Давай продумаем, как защититься, исходя из сегодняшнего дня. Я беспартийный, а все одно вооружаюсь партийными решениями. Там про рационализацию, про изобретательство сказано, но самое главное — сказано про качество. Вот мы тут сейчас с тобой говорили за чайком-то — и договорились мы с тобой до качества. Здесь самый гвоздь.

Ты чего ноешь? Можешь ведь плюнуть и наладить эту свою старомодную, прости, не старомодную, ну а ту, какая у тебя раньше была идея... наладить ее по-старому, запустить в производство, и все дела. Можешь? Заработок ты получишь побольше, заказ повый получишь. По-

лучше, получше, я по себе знаю, когда ни с кем не ссорись, ведь знают эти заказчики про твои возможности. Так чтобы ты эти возможности не мобилизовывал, они тебе еще и приплатят: «Сиди, мол, не рыпайся». Так вот и ты получишь побольше, если не будешь свое творчество совершенствовать.

Федор Семенович широко заулыбался, потом засмеялся и долго не мог остановиться.

— А ты ведь не согласен?

Валентин Иванович кивнул недоуменно:

— Конечно, не согласен. В том-то и дело. О том и речь.

— А почему? Потому что болеешь за качество, интересуешься экономикой, хочешь как лучше, а кроме того, доказал, что дешевле это.

Валентин Иванович в сомнении покачал головой.

— Доказал? Это я в области еще буду доказывать. Может, им с финтифлюшками лучше.

Федор Семенович досадливо махнул головой:

— Ну, докажешь, докажешь, так будем считать. Теперь ты меня слушай. Я чего хочу? Я тоже хочу как лучше. Как лучше — я уже сделал. Гарантирую тебе своим словом рабочим, да не только я гарантирую. Сама премия — свидетельство. Что касается меня, я сделал как лучше. Значит, я в пятилетку качества свою работу обеспечил. Так? Теперь надо, чтобы мое качество обеспечили... как лучше... чтобы службы его внедрили. Мы-то с тобой над чем бьемся? Мы-то с тобой свое сделали. Мы-то свое качество обеспечили. Нам-то что? Теперь пусть собственное качество работы эти службы обеспечат в конце концов-то... так-то говоря... Ну, что, разве не правильно? Мы-то здесь дальше при чем? Мы-то свое сделали.

Валентин Иванович усмехнулся:

— Послушай, да ты тут теорию развел вон какую. У тебя получается: качество производства — одно, тут мы свое государству дали, а качество внедрения — другое, тут уже не наше дело. Ты, милый мой, такую развел логику, что куда там какому специалисту. Но разве ты умоешь руки? Не умоешь ты руки, хотя свое качество ты обеспечил. А, наоборот, будешь требовать, чтобы они, со своей стороны, тоже обеспечили качество работы — должное.

— Да что от нас-то зависит? — Федор Семенович да-

же руками всплеснул. — Мы-то свое обеспечили качество.

— Ну и успокойся ты на этом, мыслитель? — поднял брови Валентин Иванович. — Не успокойся, не уговаривай себя, собственные качества твои не те. Не успокойся ты, милый. И я вот маюсь все потому, что не успокоюсь.

— Что, так и будем радеть за других? Что же они не обеспечили качество работы, мы за них, что ли, будем их работу делать или подгонять, или по парткомам бегать, по профкомам, по месткомам?

Валентин Иванович невесело усмехнулся:

— Может, и по профкомам... У нас, правда, не профком. Может, и придется побегать по инстанциям. Ладно, там посмотрим. Ну, в общем примем резолюцию: «Пятилетка качества, мол, требует своих человеческих качеств».

Федор Семенович, уже подыгрывая собеседнику, откровенно заулыбался:

— Ну да, таких требует качеств, которые гарантируют чужое качество работы или подстраховывают. Так, что ли? Или особое качество в том состоит, чтобы за другого делать то, чего он не умеет или не хочет... Внедрять, например.

— Ну ладно, мыслитель, потом подумаем. Пойдем, покажу я тебе качество своего изделия. Тут недалеко, рядом, вообще-то. Там, может, и подумаем. За чаем... с огурцом.

Уважаемый товарищ Иваненко!

Хочу обратиться к вам по одному вопросу. И еще внести предложение. Вот в чем оно состоит. Пожалуйста, загрузите производственной работой рабочее время вашего сотрудника. Его фамилия Никитов Владимир Федорович, на самом деле два раза в неделю на работе он не бывает. И так продолжается очень давно. Он за два с лишним года прогулял, или, иначе говоря, похитил у государства, более 100 рабочих дней. Это три месяца с лишним. К большому моему сожалению, все это время он провел у моей матери. Она преподаватель в институте и имеет свободные дни для подготовки к лекциям — вторник и пятницу. Вторник и пятницу каждой недели ваш сотрудник проводит у нее. А мне известно, что в лаборатории вашего НИИ рабочие дни — 5 дней в неделю. Мне очень не нравится такое положение не потому, что я хочу вмешиваться в личную жизнь своей матери. Наверное, взрослый сын на это не имеет права. Но самое главное то, что мать не только оказывается поставленной в унижительное положение, поскольку с ней встречаются скрытно, но и является соучастницей должностного преступления. (Может быть, я неправильно выражаюсь, но мне так кажется.)

Я так понял, что мое присутствие помеха для их встреч, например, после работы. Конечно, потому что я уже взрослый, и отношения между нами взрослые. Хорошо, я помеху устранил: ушел из дома. Только ничего после этого в доме не изменилось. Дело оказалось не во мне, а в удобствах Владимира Федоровича. Ему, видите ли, нельзя вечером приходить к нам в гости: его жена является умалишенной, и по отношению к душевнобольному человеку необходимо проявлять гуманность и бережность. А это означает, что личную жизнь надо строить только исключительно в рабочее время. Конечно, такой случай особый, и к нему нельзя предъявлять обычные строгие мерки и оценки. Только ведь построено это обоснование на чистой клевете, так как жена Владимира Федоровича здорова. Она работает заведующей абонементом в библиотеке, постоянно на людях. Я много раз ее видел. У нас знакомых общих немало. Никаких следов душевной болезни нет. И само собой разумеется, душевноболь-

ной человек, психически ненормальный не может работать на такой работе.

Мне вообще пришлось познакомиться с действительными поступками, а не показными словами Владимира Федоровича. Может быть, по-вашему, неблагородно сообщать подобные сведения, но, по-моему, использовать больничный лист для переезда на новую квартиру необязательно. Еще хуже ужасное предательство, которое он совершил по отношению к моей матери, а ведь она ему и товарищ — не только близкий человек. Он самым настоящим образом ее предал, а сам спрятался, даже голос потерял на точно рассчитанное время, именно тогда, когда нужна была его помощь. В общем, все эти случаи, конечно, особые. И этот, и другие ему подобные заставили меня очень серьезно всмотреться в образ мыслей и образ действий этого человека. Они и заставили меня потребовать от матери дать этим действиям оценку. В результате я окончательно потерял мать и окончательно потерял свой дом.

И все же не мои потери заставляют меня писать это письмо. И я совсем не хочу навязывать никому своих оценок. И примеры эти приводятся мной только для того, чтобы объяснить, почему обращаюсь я с моим предложением. Предложение это кажется мне правильным. Размышлял я о нем вот уже больше года. Еще раз: в чем оно состоит?

Если полностью загрузить рабочий день Владимира Федоровича, то у него не будет возможности вести тайную личную жизнь за государственный счет. И тогда мою мать наконец оставят в покое. По-моему, это такой путь, который лишен какой-нибудь кляузности. Он никого не затрагивает, не требует никаких обсуждений, никаких склок. Никто об этом может и не знать. Ведь речь идет только о нормализации труда. Об этой нормализации я вас и прошу. Такая нормализация все поставит на свои места. Иначе под ударом может оказаться моя мать, только она одна. А какой поддержки можно ждать от Владимира Федоровича, видно хотя бы из его клеветы на жену, когда ему это понадобилось. Мне очень горько сознавать, но истинного положения мать видеть не желает. К сожалению, из очень большой личной гордости. Однако это вопрос вовсе не личный. Поэтому я позволил себе к вам обратиться с идеей такого разрешения этой проблемы, которая совершенно никого не роняет.

За все написанное здесь я несу полную ответственность.

С уважением Виктор Сивцов.

Телефон: 2-18-77. Это телефон на работе. К сожалению, не могу дать домашнего адреса хозяев, у которых я снимаю комнату. Они против переписки. Я студент IV курса института, член комитета ВЛКСМ факультета.

Но, самое главное, очень прошу, если вам мое предложение покажется недостойным внимания, а письмо глупым, нигде не упоминать имя моей матери, потому что у нас одна фамилия. Кафедра мединститута, на которой она работает, тесно связана с вашим НИИ и конкретно с лабораторией. Все ее знают, ну не все, может быть, однако немало людей знают. Поэтому ее репутация может потерпеть большой урон. Не надо никаких драм, никаких обсуждений, достаточно только отнять возможность для обмана, и все разъяснится само собой. Мне давно известно, нам в школе еще на обществоведении говорили, что прозрачные отношения между людьми — это и есть коммунистические отношения и что к таким отношениям надо стремиться. Отношения и будут прозрачными, по крайней мере, прозрачной будет та атмосфера, в которой живет моя мать. Я не потому говорю об этом, что мечтаю с ней примириться после ее разрыва с тем человеком или приехать снова в свой дом. Теперь я вполне взрослый человек и принял решение поехать на БАМ после окончания института. Никто не заподозрит меня в каких-нибудь корыстных побуждениях.

Если письмо вызовет ваше неодобрение, я готов быть наказан и отвечать в полной мере за самый факт обращения к вам, если само по себе это обращение бестактно или некультурно.

Еще раз с уважением. Подпись.

...Вышло так, что письмо это получил не директор НИИ медицинской промышленности, а его заместитель. Директор был в отъезде, и, как это бывает, вышло стандартное недоразумение. Фамилия директора — Иваненко, фамилия заместителя — Ивановский. Помощник, видно, не углядел на конверте разницу и положил письмо, не заглянув в него (поскольку надпись «лично» была жирно подчеркнута), заместителю директора Ивановскому на

стол. Тот просмотрел его бегло и оторопел. «Ну-ка, ну-ка, такого у нас еще не бывало». Он вновь прочел письмо, от волнения встал и заходил по кабинету. Что это, подвох, что ли, и зачем именно к нему попало это письмо? Теперь ведь меры принимать надо. Впрочем, удачно, что именно к нему. Директора нет, можно списать на недоразумение, а недоразумение здесь очень кстати. Кадровые вопросы решает именно он. Не очень-то благоприятный поворот приняло бы дело, если бы пришло оно «со стороны директора». И все же, как быть? Здесь определенно надо подумать. О чем подумать? Как оборониться от неприятностей руководителю кадровой подпитки? Хотя, собственно, от каких неприятностей? Ивановский еще раз просмотрел письмо. Никаких неприятностей и не возникнет, если мальчишка искренно написал. Их и быть не должно. Да, но письмо занумеровано. А впрочем, оно личное. Значит, во-первых, надо посмотреть на деле, кто этот «герой». На деле потому, что знает он его давно и облик с возникшим сейчас в письме не совпадает. Затем, может быть, надо встретиться с парнем. Парня надо нейтрализовать. Или по крайней мере установить, что от него можно ждать. Хотя вроде он благородный парень, ничего не хочет. Производству никаких неприятностей доставлять не намерен. И тем не менее от благородного как раз и не знаешь, что ждать. С жуликом и договориться можно, и припугнуть его. Так, так, так. Начнем с героя.

Заместитель директора пригласил работника отдела кадров с делом «героя». Личное дело не сказало Ивановскому ничего нового. Про своего подчиненного Ивановский знал, что исполнитель, общителен, скромн в быту. Продвижения, поощрения, благодарности, никаких взысканий, повышение. Так, повышение повышением, а по должности на работу надо являться ему каждый день. Да, вот, вот. Ну-ка: приказ по лаборатории о разработке теоретической основы эксперимента. Что из этого следует? Тут оговорено: предоставить дни для библиотечной и теоретической работы. Замдиректора поймал себя на том, что ищет возможности обосновать неприходы на работу — хотя бы в некоторые дни — своего подчиненного. Он усмехнулся. Ничего себе начало. Ивановский открепил бумажку и отложил ее в сторону. Так, ну что же, все совпадает с мнением замдиректора, но зато не совпадает с тем, что... Да, может, наклепал на него

малец? Впечатление от самого «героя» подсказывает: небось наклепал. Скромный уж очень «герой», вряд ли привлекателен для женщин. Вряд ли к женщинам тяготеет. Семьянин с виду примерный, дочку обожает, видел их не однажды вместе всей семьей в пансионате, куда получали путевки работники НИИ. Собственно, и «героиню» знал он тоже. Доцент, популярный у студентов лектор, достаточно молодая. Пожалуй, героиней подобной истории быть она вполне могла. Но вот «герой» как в эту историю попал? В «тихом омуте»... тоже не подходит. Вряд ли подходит тихий омут. Что же здесь такое? И как быть?

Можно отдать приказ. Это ясно. О более строгом соблюдении порядка. Можно «отрегулировать» героя, пресечь его «ныряния» вглубь. И лучше сделать это безо всякой огласки. Иначе факт во все отчеты попадет, а замдиректора этого не заслуживает. Пожалуй, и все...

Хотя как же можно на этом поставить точку, если остается парень со своими вопросами. Писал парень директору. Директор вернется, и небось объявится у него автор письма со своими вопросами. И что тогда? Надо это предусмотреть. Встретиться? Очень не хотелось встречаться замдиректору с парнем. Морально он был к этой встрече не готов. Ему не хотелось думать, в каком положении он сам оказался бы, если бы некогда его жизнь повернулась подобным образом. Не пошла бы таким же путем одна его глубокая тяжелая личная история?.. Вовремя она тогда кончилась.

Да, не завидовал он своему подчиненному. Пожалуй, жалко и автора письма. Парень целый год думал, как бы никого не затронуть. И как бы вывести из-под удара матушку свою. Парень-то, поди, неглуп.

Замдиректора попросил не соединять его ни с кем и попробовал набрать телефон мальчишки. Того не оказалось на месте. Болен. На бюллетене. Будет через два дня. Кто же бюллетень-то ему дает? — подумал Ивановский. Ведь живет он не дома. Какого же врача он вызовет в таком случае? Или поедет по месту жительства? А если тяжело болен, может быть, грипп и температура? И знает ли про это мать? Мутно стало на душе у замдиректора. Оказалось, что успел он в какие-то пять минут увязнуть в этом чужом и в конце концов совсем неопасном ему деле (парень же сам просит ничего не обсуждать, значит, шума не будет).

Секретарь, предупрежденная о том, чтоб никого не пускать к Ивановскому, нерешительно сунула голову в дверь: «Оставить вам на завтра путевки в пансионат?» Ивановский прищурился и радостно засмеялся ей в ответ. Та удивилась. Ивановский и вправду был рад. А ну-ка в пансионате попробует встретиться он с «заинтересованными сторонами». Может, и героиня там окажется, а может, и семейство героя. Понаблюдает, войдет в курс, так сказать, психологически. Попробует сориентироваться на месте. Легче стало у него на душе. Он договорился о путевках для всей своей семьи. Это был выход — путь к мягкой посадке.

* * *

Чутье не обмануло Ивановского. В самом деле удалось ему психологически войти в обстановку с помощью маневров в пансионате. Прежде всего он отметил про себя, что семейство «героя» прибыло без него самого. Понятно, где эти два дня он будет... И главное, сумел он, как про себя с удовлетворением определял, «подъехать на козе» к семейству своего незадачливого подчиненного. Сделать это, положим, было нетрудно. В общей компании сослуживцев он сказал комплимент мадам, вступил в шуточный разговор с дочкой. Дочка умненькая, резвая и очень контактная. В кино Ивановский ловко устроил так, что сел с мадам рядом. Фильм был скучным, и с половины решили уйти всей компанией. Совсем нетрудно было в фойе разговариваться про соседний мединститут, про заметных там персонажей. На счастье, и о героине заговорили. В активной, даже агрессивной форме. На счастье, потому что выявилося в этом разговоре то, чего недоставало Ивановскому для информации. Заведующему кафедрой досталось за то, что он инертен, что на других кафедрах и конференций больше, и публикации активнее выходят, и молодежь больше растет. А «героине» досталось за то, что студенты ее любят (нельзя панибратствовать с молодежью, это ошибочная, вредная линия). Узнал замдиректора, какой у «героини» парик, какие носит она костюмы, — оказалось, наимоднейшие, — все это говорилось в несколько недружелюбном и чуть повышенном тоне интереса. Ивановский заметил, как нервничала мадам. Но она не сказала ни слова. В самом деле выдержанный человек. С читателями иначе и не годится. Уравновешенный, безусловно спокойный, внутренне стабильный человек. Ко-

нечно, яркости здесь не ищи, но герой получил все то, что искал, жестко подумал Ивановский. Предавать, батенька, не годится, не годится. В ответ на собственные мысли ласково взял мадам под руку и увел ее погулять. Вокруг шумливо прокомментировали этот галантный жест. Гуляние получилось, пожалуй, тоскливое. Заму совсем нетрудно было выполнить свою миссию. Мадам все же пошла на откровенность. Ивановский умел воздействовать на людей, сказывался опыт лидерства, большой опыт, с самых молодых лет.

Продолжая обсуждать общих знакомых в развитие только что оставленного разговора, она не пощадила соперницу. И вульгарна та, дескать, и активна. Пожалуй, агрессивна даже в отношении деликатного ее супруга. Может она позвонить вечером и папибратски разговаривать и с детьми, а с мужем так просто вальжно. Действительно, готовят они общую публикацию. Это верно. Но так уж иногда злоупотребляет она любезностью, что всем неудобно. Муж прижмет плечом трубку к уху и только руками разводит, мол, что могу поделаться. Вот подожди, кончится наш с ней совместный труд. Неловко просто за нее, даже смешно, можно сказать. И муж осуждает такой стиль поведения. Сетования свои мадам завершила жестом человека, принявшего деловое решение: сжала руки в замок, потерла, как перед началом работы. И будничным голосом произнесла: придется наводить порядок, может быть, с вашей помощью. Ивановский содрогнулся (ой, лучше без оргвыводов в этом деле, лучше бы без его участия).

...А утром по дороге в столовую нашел и дочку. Девочка очаровала Ивановского. Веселая. Очепь и очень умненькая и, пожалуй, решительная — она ни капельки не смущалась разницы в возрасте и атаковала каждый недостаточно отточенный ответ на свои вопросы. А вопросы — про разное, про режим космонавтов и про их питание; чем спутники отличаются один от другого, она наперечет знала все последние данные, и вопросы ее были на редкость точны и толковы. Девочка собиралась заняться космической медициной. Оказалось, и знала она кое-что, 13-летняя девчушка, ходила в кружок, который в медицинском институте организовала тетя Юля. «Тетя Юля — это как раз «героиня», — насторожился внутренне Ивановский. — Значит, тетя Юля присутствует в жизни этого подростка, как же она присутствует, в каком качестве?»

Девочка не замедлила осветить положение дел. На кружок тети Юли папа водит ее регулярно. Заседания там раз в неделю или раз в 10 дней, но тетя Юля охотно отвечает на вопросы девочки, когда только той придет в голову с ней поговорить. Девочка звонит тете Юле, да и является к ней в гости. Одна приходит, а чаще с папой.

— Она очень красивая, и все ее любят. Ничего в этом странного не нахожу, — с вызовом сказала она и настороженно поглядела на Ивановского.

— А кто же в этом сомневается?

— Сомневаются некоторые и не одобряют, — она посмотрела на него хитро и сказала: — А вы, наверное, одобряете, вам она тоже нравится, я уверена.

— Может быть. Я давно тетю Юля не встречал. Мы изредка видимся на заседаниях.

— А она правда красивая?

— Может быть, — уклончиво ответил Ивановский и принялся рассказывать какие-то нейтральные сюжеты.

Девочка все гнула свое.

Какая у космонавтов пицца? Чем один рацион отличается от другого? Чем питание на одном спутнике отличается от другого? А не знает ли он, проросли ли семена, высаженные в спутнике.

Оказалось, что дядя знает куда меньше, чем тетя Юля. И дядя не такой веселый, как она. Тетя Юля смеется, и папе тоже всегда весело. Девочка нахмурилась. Только ужасно видеть, когда тетя Юля плачет и папа тоже. Она посмотрела на Ивановского хмуро, а потом рассердилась.

— Но что я проболталась, вы меня не продадите? Вообще как вы думаете, если я вырасту, то может у меня быть два мужа?

— Да что ты? — возмутился Ивановский. — Откуда ты такое взяла?

— А по²моему, можно, ведь папа любит нас, а еще он тоже любит тетю Юлю. И я сама люблю. Как, разве запрещается, чтобы все друг друга любили? А вот как будет, если я вырасту и я сама такую задачу решу по-своему? Пускай, когда я буду большая, я возьму и сделаю себе гарем.

— Какой еще гарем?

— Ну, гарем, где женщины, — нормальное явление во многих странах до сих пор — так? И не только в жарких странах, но и в прохладных. А гарем, где мужчины, разве не может быть так?

— А зачем тебе?

— Для равноправия, — серьезно сказала девочка.

— А где ты видела гарем для женщин?

Она загадочно посмотрела.

— Ну не гарем, это я так, пошутила. Только если одна, потом другая, а потом опять... роман, не гарем разве? А вот мой папа не такой. У него... большая любовь. Я-то понимаю. А как вы думаете, удастся нам полететь в космос?

— Кому нам?

— Ну нашему, например, поколению? Более или менее всем, кто летает, как сейчас в самолете, пусть с тренировкой.

— Удастся, наверное, — неопределенно протянул Ивановский, поворачивая к даче, где остановилось семейство «героя».

— Да нет, массово я имею в виду.

— А зачем массово? — удивился Ивановский.

— А как же! Мы же в самолетах массово летаем. И вы массово летаете, и я. Я посчитала, у меня восемь тысяч километров набралось.

— Почему же так много?

— А потому, что мы три раза на юг летали. Вот даже с половиной. Восемь тысяч с половиной. А в космос сколько это нужно времени? Что, и время тогда остановится? Все-таки научная фантастика не очень про это рассказывает.

— Про что?

— Да про то, как время меняется. Вернемся мы из космоса, а потом окажется, что все старые, а мы молодые. Или, может быть, даже наоборот чего-нибудь окажется. Разве можно про все про это ничего не знать? Вот как, например, вы можете?

— А я вряд ли полечу в космос.

— Никто не знает, может быть, все мы полетим в космос, если какая-нибудь опасность нависнет над Землей, — строго и назидательно произнесла девочка. — Это же ясно, и надо себя к этому готовить.

Больше не хватило изобретательности у Ивановского развлекать девочку. Он поспешно оставил ее у порога дачи и с легкой душой отправился в бильярдную.

Определенную работу по выяснению обстановки он проделал. В самом деле придется вмешиваться, а не хотелось бы. Да и никто не требует. Письмо-то личное и вме-

шательства не предусматривает. Как же тут лучше сообщить, чтобы и самому не оказаться под ударом?

В понедельник с утра он позвонил Виктору. Тот вполне был готов к разговору. Не совсем понял, почему беседа с ним ведет не его адресат. Ивановский довольно сбивчиво объяснил недоразумение. Тот промолчал в ответ. Видимо, был весьма недоволен. Но без лишних слов согласился прийти на беседу.

Днем Ивановский нервничал, а к моменту прихода Виктора был окончательно недоволен собой. Не все, не все он для себя прояснил. Наверное, нужно встретиться сначала с «героем». А с другой стороны, стратегия вся направлена на то, чтобы «героя» не коснуться вовсе. Иначе надо поднимать весь вопрос целиком в коллективе с оргвыводами, а значит, оказаться на виду в самом невыгодном вопросе — в вопросе о пропусках, или, как мальчишка резко назвал, прогулах. «В прогульщики мы его не запишем, — решил про себя Ивановский. — Нет для этого, пожалуй, оснований». Но сознался себе, что заботит его скорее всего собственное спокойствие. «Что и справедливо, — с улыбкой молвил он себе. — Если будут тебя так подставлять, погоришь и не очнешься». Это точно.

Молодой человек явился вовремя. Телефоны были отключены... Секретарь предупреждена...

Но какой это молодой человек. Мальчик, мальчишка даже. Невысокий, коренастый, крепкого сложения. Озабоченный взгляд, нахмуренный лоб, на макушке вихор торчит. Костюм элегантный, а воротничок отложной по-детски открывает шею. Мальчик как мальчик, пожалуй, и младше своих лет выглядит, а мину нарочитую делает. Это совершенно Ивановскому ясно. «Ладно, разберемся», — бодро прищипил он себя. Мальчика ласково взял за локоть, пригласил сесть в кресло. Сам уселся напротив. Внимательно, доброжелательно и спокойно Ивановский глядит на мальчика, как он его про себя назвал. Малец острым взором буравит замдиректора.

— Что-нибудь вызвало у вас вопрос? Или мое письмо считаете вы бестактным? — вопрошает мальчик, едва разжимая губы. — Может быть, я подвел им кого-нибудь? Я не очень понимаю, для чего я вам здесь нужен.

Ивановский чуть смутился. В самом деле, мальчишка предусмотрел такую «стратегию», чтобы как раз не возникало никаких «лишних движений». Письмо было личным. Просьба сугубо скромной. Разве не так? Мальчик

вправе ожидать объяснений. И если быть честным, Ивановский позвал его для собственного спокойствия. (А почему бы и нет?) Для собственного спокойствия именно, чтобы закрыть вопрос и чтобы, если мальчик проявит активность, не направил бы он эту активность в адрес директора. Вот тогда спокойствия Ивановскому не видать. Ну что же, надо объяснить мальцу.

— Видишь ли, письмо попало ко мне по недоразумению. Но именно мне оно и должно было быть адресовано по существу. Кадрами заниматься поручено мне, а директора сейчас нет, и вернется он не скоро, так что все в этом смысле правильно. Все путем, — сказал он, подыгрывая парню.

Парень «не клюнул».

— А письмо твое корректное, и очень продумана сама, как я понимаю, сверхзадача. Так что здесь ты вне всяких нареканий. Но есть у меня вопросы к тебе.

А какие, собственно, могут быть вопросы к парню? К парню вопросы могут быть только личные. А вправе ли задавать личные вопросы замдиректора? Может быть, нет? И тогда парень поставит его на место и будет прав. Ивановский внутренне поежился.

— Да, вопросы, собственно, носят личный характер. Может быть, ты посягаешь все же на независимость, на личную жизнь взрослых людей?.. Может быть, ты суров к ним излишне? Может быть, и самому тебе было бы легче и всем спокойнее, если бы ты мог проще воспринять отношения двух людей? Или я не прав? Разговор этот тогда считай личным. Я хотел представить себе... — Ивановский растерялся.

Собственно, что хотел бы он себе представить? Отношения двух людей? А разве вправе он в них разбираться? Мальчик ведь речь вел совсем не об этом. Он всего лишь не хотел, чтобы подставленной оказалась его мать... Подставленной где? В скандале. Почему скандал? Почему неприятность или неловкий поворот могли бы быть? В случае обнаружения интимных отношений. Ивановский быстро сориентировался.

— А разве маме твоей в самом деле что-нибудь угрожает? Ведь она свободна. Ее обязательства по отношению к тебе почти выполнены. Личная жизнь ее вне твоего контроля. Стало быть, подумай, ты вмешиваешься...

Мальчик перебил Ивановского:

— Здесь вы ошибаетесь. Я не склонен вдаваться в

объяснения или в обсуждения ситуации, сложившейся в отношениях кого бы то ни было и с кем бы то ни было. Я веду речь о том, чтобы пресечь возможные, далеко не пустячные неприятности для моей матери. Еще раз я не вдаюсь в детали. Но поддержки от другой стороны ждать не приходится. Не приходится ждать и уважительности. Я стоял бы за достоинство в отношениях между людьми. Это достоинство сохранить, по-видимому, в подобных отношениях невозможно. Здесь я не судья. И вы меня на это не толкайте. Прошу вас. Прошу вас об одном и только об этом. Отнимите у этого человека возможность вести тайную личную жизнь. Тогда этой жизни не будет вовсе.

— Да почему ты так считаешь? Совсе не вправе ты это утверждать. Пойми, я не задаю лишних вопросов, но достоинство здесь ни при чем. Отношения такие очень трудные, сложные, болезненные. — Ивановский покраснел. Он вспомнил то, что полагалось ему забыть. То, чему не полагалось, наверно, быть. Сложные, глубокие и тяжелые отношения. Они в прошлом, в прошлом довольно далеко, а может быть, не таком далеко, раз так больно закололо сердце и стиснуло горло.

— Собственно, зачем вы меня пригласили сюда сейчас? Я могу ответить на ваши вопросы? Я чем-то могу быть полезен? Может быть, я существенно не прав? Пожалуйста... (Это «пожалуйста» прозвучало мольбой.)

«Пожалуйста, не терзайте меня, не терзайте меня больше», — именно это услышалось Ивановскому в коротком обращении Виктора.

— Виктор, я о достоинстве. Знаешь, эти отношения не такие, как в классе, в школе, на работе. Достоинство там тоже другое. Может быть, не про достоинство тебе надо вести речь, а про то, чтобы сам ты не принес зла.

— Ему зло?

— Своей матери, конечно.

— Видите ли, вещь очень простая. Мы семь лет живем с матерью после ее развода с отцом. От отца ушла она, и она была права. Она очень права. Она очень достойный человек и очень гордый. Может быть, тут нет связи, но везде нас почитают. Везде, это во всех семьях, с которыми мы дружим, с которыми мы знакомы. Мы везде бываем в гостях. И в роли тайных «знакомых» маме никогда бывать не приходилось. Не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать?

— Но чего же ты хочешь?

— Почему бы с этой семьей нам не общаться?

— Как общаться?

— Мы ни разу не были там в гостях.

— Ты что, Виктор... (Ивановский представил себе, как бы он привел в гости к себе домой ту далекую, единственно любимую, ту, с которой развела судьба. К счастью, никто виноват не был, но тайна была. Была тайна, и тягостно это переживалось обоими. Как бы это он привел ее в гости к обеду? Дурачок этот Виктор, что ли?)

Виктор строго и спокойно смотрел в глаза Ивановскому.

— Вот-вот, как странно, не правда ли? А я считаю, что нельзя, стыдно и подло таиться. Наверное, настоящее нельзя прятать, не-псз-во-ли-тель-но, не-мо-ра-льно, не-пере-но-си-мо.

Будто бес толкнул замдиректора. Он хитро прищурился и небрежно заметил:

— Раз уж такой ты сторонник равноправия, как понравится тебе такая идея, чтобы гарем, например, организовать из мужчин... при женщинах. — Он немножко помолчал. — Эту идею очаровательная дочка нашего «героя» подбросила. Она же, кстати, и считает, что самое спокойное разрешение — это поделить любовь папаши между тей Юлей и между нею, например. Наверное, что-то и маме достанется, вроде платонической любви и дружбы. Как идея эта тебе нравится?

Мальчик молчал.

— А вообще, как ты думаешь, если бы это было разрешено, может быть, и отпали все твои страдания? Боюсь, не слишком ли тебя беспокоит чисто престижная сторона дела, как бы кто чего не сказал про мамочку, да как бы она не оказалась хуже других. А ведь человек она самостоятельный, и вообще ничто ей не мешает вести личную жизнь. К ней-то у тебя какие, собственно, претензии? Ты, может быть, забираешь немножко вверх или даже влево, я бы даже сказал? Может быть, к ней-то ты предъявляешь претензии зря?

Мальчик ответил:

— Да разве к ней я предъявляю? Да разве предъявляю я что-нибудь? Или разве это претензия? Что-то я вас не пойму? То ли вы меня за демагога считаете, то ли, по-вашему, все дозволено? Она заблуждается, моя мать, очень серьезно ошибается, если думает, что нормально прятаться, вилять, хитрить и вести тайную личную жизнь. Ну и пусть ошибается. В конце концов ее дело. А мое дело быть

на страже ее интересов, чтобы никто этой ошибкой не воспользовался, и предупредить возможные склоки. Если вам интересно, то сама моя «акция» предпринята именно потому, что сплетни уже пошли. И я хочу их прекратить. А прекратить, мне кажется, лучше всего, если он от нее отстанет, а отстанет он, если вы не дадите ему возможности жульничать и лезть в зазоры и дырки, образованные рабочим временем. В третий раз я это повторяю, куда проще. Вас вот только я не пойму. Что же вы меня воспитываете, пусть будет как есть, что ли? Давайте мы этот неприятный разговор прекратим. И эксперименты эти ваши психологические с дочкой. Мало ли что девчонке на ум взбредет. Или, может быть, вы считаете, что нужно как где-то, чтобы у мужа было две жены, а у жены три мужа и все со всеми переплелись на такой основе, что ли? Групповой брак это называется. Вернуться к первобытным временам? Может быть, у меня не хватает теоретической подготовки? Дикость все это. И, по-моему, хотите вы меня как-то деморализовать, что ли, разбить, а может быть, пристыдить как кляузника. Только неужели не ясно, что я не кляузник? Если же кляузник, то, пожалуйста, наказывайте. Я ничего не имею против. Однако в моих побуждениях сомневаться, по-моему, оснований нет. Понятно?

«Пожалуй, и правда достаточно экспериментов, — решил про себя замдиректора. — Хватит. А то ведь случись какое обсуждение, в дураках я окажусь. Чему учу, на что толкаю парня-то? Еще осмеют, и осмеют заслуженно». Он дружески улыбнулся.

...Неужели это за мать он так болеет? Или дело в том, что ее переживания оказались для него открыты? И это их так остро он передает. А вы что же, товарищ замдиректора, — вы за гарем? Одна старшая жена, другая — любимая. Так, что ли? Ивановский усмехнулся.

— Ну, про гарем я слышу уже второй раз от молодого поколения. А ты согласился бы на гарем?

— Я о себе не вправе сейчас говорить. Я вообще не хочу разговаривать об этом. Вообще ошибка мой приход сюда. Кстати, и бестактность, мне кажется, потому что может стать известным и мой приход, и мое письмо. Я могу быть уверен, что оно попало к вам, только к вам и к вам лично?

— Да, — неуверенно протянул Ивановский. — Конечно, только так. Ведь мне его положили на стол только потому, что начальника не было, и еще потому, что у нас

фамилии почти одинаковые, видишь ли. Вот в чем причина. Я заверяю тебя, что здесь не возникнет никаких накладок, Виктор. Прости меня, если я был не деликатен. Я только хотел попросить тебя быть бережным к матери, добрым.

— «Добрым, добрым». Вот не надо вам это слово употреблять. Не надо. И мать тоже про доброту говорит постоянно. «Добрый, слабый, несчастный, способный, талантливый, неудачливый. С ним должны быть добры. А главное — он добр со всеми». Настолько добр, что все несчастные из-за него.

— Неужели и ты несчастен?

— Я думаю, неудачное было допущено выражение, — оправдался Виктор. — Пожалуй, неудачное. Простите. Я, значит, жалуюсь, плачусь. А я не жалуюсь. Не плачусь. Но хватит, может быть, об этом. Я не вижу предмета разговора.

Ивановский лукаво усмехнулся:

— Ну что же, может быть, ты хотел бы наказания виновника? А то ведь мы можем, можем.

Молодой человек взглянул на собеседника чуть ли не брезгливо.

— Опять берете меня на пушку? Только ведь не анонимщик я, не кляузник и не шантажист. А вот скажите, раз вы многими такими делами занимаетесь, то, наверное, знаете... Если одна семья распалась, и это факт, государство дает законное право гражданам этот факт зафиксировать. Правда? Конечно, у семьи есть права, и государство эти права обеспечивает. Но государство наше и общество заинтересованы в том, чтобы новое, если это новое настоящее между двумя людьми, было тоже защищено. Ну как-то я говорю это коряво. Заинтересовано — вот так лучше будет — государство в том, чтобы защитить то новое, что создается на развалинах старого? Ведь если не защитить и если не поддержать, то погибнет и первое и второе. Правда?

Замдиректора оживился. Парень выразил как раз то, что надо было бы ему сказать.

— Точно. Мы ведь когда разбираем разные дела, так называемые персональные, мы же и говорим людям: «Упорядочите свои отношения, но только достойным образом». А это упорядочение, мой дорогой, кстати, бывает очень тяжелым, потому что не так уж легко рвать с тем, что было тоже настоящим. И оно и сейчас еще не прошедшее. А к

будущему переход не такой простой. Прошлое — оно же прошлое настоящее и будущее, если ты хочешь знать. Учти это. Оно не так легко отпускает и не должно, кстати, отпускать. Все равно к детям, к жене — и забота, и внимание, и сердечность — все должно остаться. А как же ты думаешь? Так что в действительности мы предъявляем одно требование — не ведите двойную жизнь, не лгите, найдите достойный способ разрешения. То, чего ты хочешь, обрывает эти отношения. Понимаешь? Ты требуешь сейчас ясности, как ты говоришь, и наведения порядка, а режешь ты по живому, по самому больному. Может быть, надо подождать, пока одно отсохнет и отпадет.

Мальчик перебил:

— А другое засохнет за это время и испортится, извратится, или, простите меня, развратится, потому что это гнусный разврат, мысленный, если хотите, идейный разврат, бегать, рассчитывать, прикидывать, ловчить и обманывать, и это все ради высокого и ради святого, что мы называем любовью? Можно так унижать любовь? И это служение высоким чувствам? И кто же должен найти рубеж между старым и новым? Кто, скажите мне, должен осуществить этот переход?

— Ну, мужчина, конечно...

— Ну, вот, пусть мужчина не смог этот рубеж перейти. Пусть признает, что не смог. Пусть отступит. Пусть не пускается в мелкие «ходки», я ведь каждый день видел виноватые глаза и как у собаки прижатые уши. Разве это мужчина? Разве можно так? Я настаиваю на том, чтобы этот шабаш прекратился.

— Как шабаш, ты что?

— Да, шабаш. Это вакханалия. Эта оргия трусости и мелкого вранья должна прекратиться любой ценой. Хирургическим путем. Это не мои бредни. Надо жить честно. Если это не прекратится с помощью моей стратегии, я просто разоблачу его перед всеми. Пусть это будет катастрофа для всех.

«Да он и правда до катастрофы доведет, и меня тоже», — с опаской подумал замдиректора. Он незаметно включил телефон, который был переведен на секретаря. Телефон немедленно зазвонил. Он схватился за спасительную трубку.

— Да, да, да, иду, понимаю. Так вышло. Это было внеплановое мероприятие. — При слове «мероприятие» он подмигнул мальчику. — Да, не задержу.

Замдиректора встал, подошел к парню, пожал ему руку сердечно, мужественно и задушевно сказал:

— Спасибо, я о многом подумаю после нашей беседы, и пойми меня правильно, с твоей стратегией я согласен. Хотя не все так просто. И надо сочувствие иметь к другим людям, если хочешь — жалость.

Мальчик мрачно подтвердил:

— Вот именно.

Они вышли вместе. Замдиректора проводил посетителя до подъезда. Он еще минуту смотрел на коренастую фигуру, потом повернулся и быстро пошел по лестнице вверх.

...История эта имела неожиданное продолжение в тот же день. Оказалось, что читал все же помощник письмо, и оказалось, что проболтался. Проболтался он не «герою», а приятелю своему из того института, где работает «героиня».

И она пожаловала к замдиректора. Было уже далеко за пределами рабочего дня. Усталый после совещания замдиректора взялся было за шляпу — уходить, и тут без предупреждения вошла «героиня».

Она, как и всегда, была в форме.

...Женщина подошла к Ивановскому, представилась и, извинившись, попросила уделить ей немного времени.

Замдиректора пригласил ее присесть. И сел напротив сам, с подчеркнуто усталым, унылым и удрученным видом. Гостья проигнорировала все это. Она спокойно, несколько вкрадчиво объяснила, что до нее дошли слухи о письме сына и она представляет себе, как настроен теперь замдиректора. Она хотела бы только взять под защиту сотрудника и подчиненного замдиректора. Наверное, надо исключить какие бы то ни было обсуждения. Человек неповинен...

— То есть в чем неповинен? Как? — Это восклицание вырвалось у Ивановского невольно. — Простите, но это уж компетенция руководства решать, повинен или неповинен в фактических прогулах. Дело совсем не шуточное, и здесь женское вмешательство неуместно.

«Холодный душ» оказал немедленное воздействие, женщина сникла. Ивановскому стало ее жаль. Он сбавил тон:

— В общем, организационная сторона вне вашей компетенции. — И тут же дал волю своему интересу. — А собственно, вы в самом деле считаете, что вины за ним нет?

— Беда у него, а вины за ним нет.

— Какая же беда? — пробурчал замдиректора.

— Беда? Она называется патология характера.

— Но он же здоров.

— Здоров, конечно. Но я имею в виду склад. Впрочем, склад это чисто мужской. Особенности его в том, что мужчина ничего не хочет, не может, не умест и боится решать. Я думаю, что многие мужчины таковы, особенно те, кого воспитывают жены — директора школ, директора детских садов, профдеятельницы и прочие руководители. Всё они за них делают, всё берут на себя, окружают необходимым комфортом и не оставляют ни малейшей возможности быть мужчиной и лидером. Вот такой и мой случай. И характер слабый.

— Как слабый? Вы что?

— Слабый, слабый, что уж тут говорить. Но пришла-то я не для защиты слабого, а для справедливости и ясности.

«И у этой ясность», — усмехнулся про себя замдиректора.

— Самое главное во всей этой истории — прогул. Так вот прогула не было. Никакого за это время. Лабораторную работу он закончил раньше положенного времени. И может быть, вы знаете, была достигнута джентльменская договоренность о том, что он будет готовить теоретическую часть общей работы. — Она лукаво улыбнулась и совершенно официальным тоном добавила: — В этой работе заинтересован ваш директор. Как мне кажется, часть этих теоретических разработок нужна будет ему для докторской диссертации. Моему-то (она усмехнулась не без горечи) потому и пошли навстречу, что работа его «в струю». Так что эти дни он в самом деле сидел и корпел над сим обоснованием. Сидел, правда, он дома. (Тут она опять усмехнулась. Сын, видимо, прав, решил Ивановский. Действительно, отрава и горечь чувствовалась в ее словах. В самом деле это продукты лжи и всяческих уверток — такая горечь, такая внутренняя боль.) Делал он эту работу дома. И под сочувственными взглядами семейства компенсировал потерянное за день. До самой глубокой ночи надрывался. Я говорю в прошедшем времени, потому что, наверное, это все теперь закончится. Пусть будет, что будет.

— И что же будет?

— Пусть будет, что будет, — повторила она с некоторым вызовом.

Он увидел на ее лице гордое и брезгливое выражение. Не хотел бы заслужить он у своей любимой такой мимический приговор. Означало это, пожалуй, что парень прав. Жутьничество с рабочими днями было страховкой. Страховка исчезла. Что же останется, «герой» один на один с трудностями, без страховки. А в чем эти трудности, собственно, состоят? Он позволил себе неделикатный вопрос:

— А что, и про предательство сын неправильно написал?

— Да разве это предательство? И похуже случалось. Правда, долго верила. Меня только сын немного разубил. А «герой» мой очень ловко нас с домашними разводил, не допускал встреч в доме отдыха.

Она снова усмехнулась, и ирония эта, и жестокость больно кольнули толстокожего, каким он сам считал себя, Ивановского.

— Меня ведь заверили давно, определенно и безо всяких обиняков, что жена давно не жена, что это отжившее и порванное и что взаимно это понимается. На самом деле так и есть.

— Но тогда что же?

— То самое. Патология характера. Нерешительность, неумение взять на себя инициативу в решении, страх, страх и страх. Вполне мужская черта. Я удивляюсь еще тому, что вообще инициатива возникла. Его инициатива в отношении меня. Ведь и женился он потому, что за него решение приняли, а не он сам.

— Гамлетовщина...

— Ну, упрощенный ее вариант, по-видимому. Ведь это догма, что одна рефлексия в этом шекспировском герое преобладает. Кое-что он совершил, если помните. В смысле душевной работы очень немало. Это были как-никак поступки. А здесь поступки торпедируются изнутри... расчетливостью, что ли. Хорошо, я врач, а то ведь стала бы швыряться в него моральными категориями: трус, подлец, негодяй, обманщик, лжец. Вот как мой отпрыск. Ничего-то мой сын не видит действительного. А дело все в этом мелкорасчетливом складе, в этой патологии характера.

Она усмехнулась еще более горько. Такая усмешка не шла к ней.

Замдиректора отвел глаза и услышал:

— Слабых ведь тоже любят, а может быть, даже и больше... Вот какой получился странный у нас с вами разговор. Завтра был бы уже не такой. Просто так случи-

лось, что я едва не столкнулась с сыном. Шла к вам днем и, увидев его, побежала в переулочек. Очень сын меня встревожил, потому и про «неположенное», про личное сказала. Скорее всего вас удивил и поразил мой сын. Но он дурачок. И если бы не страх за него, все бы это было ему только на пользу. А то боюсь, не надломился бы парень. Он весь ушел в эту историю, но ведь свои должны быть и дела и интересы у мальчишки в этом возрасте. Впрочем, его высокие принципы неплохие, и, когда время придет, он их не предаст. Так что послужит ему эта закалка на будущее. Материнскому сердцу жаль чадо.

— Но ведь эту жизнь «герой» ваш сам создал. Пусть он и меры принимает.

— Но меры принимать именно вы хотите. Вот не принимайте этих мер, пожалуйста. Познакомитесь с документацией и увидите, что все у него чисто. А как уж он распределяет свои часы, бог с ним, не надо взваливать на человека более тяжелую ношу.

— Ноша-то на вас, дорогая. Какая же у него ноша? Но ситуация-то... Мы всегда рекомендуем упорядочить ситуацию. Ты разведись с одной, или другую оставь. И потом, я знаю, девочка его держится радикальных взглядов, не то что ваш сын, она бы, кажется, и сама возражать не стала против вас, и мать бы уредила.

— Ну, не думаю, не знаю. Вот только об одном прошу. Пусть не будет в курсе дела мое сокровище. А то ведь задавит это его совсем. И больше всего боюсь, что от слабости и от трусости начнет он «клепать» мне на жену. А жене — на меня, я, мол, активна. И при этом с обеими станет палаживать отношения. Он мастер компромисса. Я пойму эту белониточную дипломатию, она поймет... Да и сам он свою несостоятельность увидит в полной мере, да еще и со всех сторон, с домашней, с моей и с позиции моего сына, и своей дочери. Не потянет он эту тяжесть. И видеть, как человек размазывается по стенке (зам вздрогнул: «Ну и образ, а ведь молодежь нынче так говорит»)... Так вот видеть, как размазывается по стенке человек, как от него остается желе, я не в состоянии. Так что, пожалуй, навел меня сыночек на самое здоровое решение. Пусть уж живет или пусть прозябает как хочет в комфорте. В самом деле. Воздух подлинных, настоящих чувств довольно разреженный, слишком чистый, или, может быть, лучше сказать, это высокий накал. Провода сгорят, если слабые. Женщина этот накал, может быть,

выдержит. — Она поглядела в окно и потом прямо взглянула в глаза собеседнику. — Ну, какая не выдержит, а какая и в самом деле выдержит. А мужик — не всякий.

Замдиректора растерялся, он не сумел сдержаться, выдал себя:

— Елки-палки, так что же это получается... Подумайте, ведь государству и обществу важно не то, чтобы жил человек по указке, раздавленный, наоборот, надо настоящее сохранить, если оно «состоялось», если оно существует. На то и мужик, чтобы достойно свои вопросы разрешить. Но ведь их разрешить же надо. Иначе всем плохо будет.

— Ну вот в том-то и дело, что разрешить. А то, что состоялось, надо и удержать, и защитить. Отстоять, наверное, надо, а это нынче не мужское занятие. Занятие это, может, и женское, но не для меня. Гордость мне не позволяет драться-сражаться. Вот как.

— Что же, выходит, сын вашу судьбу личную решил?

Она опять усмехнулась. И еще более горькой была эта усмешка.

— Порешил. А может, просто ловчить не надо было моему-то герою...

Женщина поднялась. Элегантная, строгая, с печатью ума, характера и женского темперамента во всем облике.

«И вправду, наверное, слабых любят», — подумалось Ивановскому с завистью. Сам-то он считал себя сильным.

Впрочем, обо всем этом еще думать ему и думать.

Он поцеловал женщине руку и почтительно проводил ее до двери.

Ну и денек. Ну и эксперимент.

«А ты на него не имел права. Что ты изменил? Что решил? Для себя провел ты этот эксперимент», — некуда было Ивановскому деваться от этой мысли.

«Зато скандала не будет, — ответил себе Ивановский. — Что уже немало».

В дверях замдиректора остановился. «Неужели мальчишка и вправду «порешил»? — Он покачал головой, сказал вполголоса: — Вряд ли...» Вышел и тщательно, долго запирает ключом дверь.

Кто-то назвал имя уполномоченного районного отделения милиции. И вдруг разговор о милиции стал всеобщим. Это было неожиданно: о милиции на семейном торжестве, в разгар грузинского застолья...

Казалось, все население квартала небольшого приморского селения собралось в этом доме за традиционно щедрым столом. И повод традиционный — гость приехал. Соседи сообщали друг другу по секрету: это первый визит в дом соученика и друга по институту Магвалы, дочери хозяина. Магвала моложе его на два курса. О нем многие наслышаны, по слухам — будущий жених. Может быть, гость — завтрашний сосед.

Дом просторный, крепкий, как у многих жителей этого селения, работающих в цитрусовом колхозе и выращивающих табак. Застолье щедро. И тосты под стать застолью.

Пространные пожелания произносятся в честь гостя, двадцатичетырехлетнего молодого специалиста, только что окончившего сельскохозяйственный институт. Будет очень значительный человек в колхозе. Надо, чтобы понравилось ему тут, чтоб захотелось остаться. Неплохо бы и познакомиться поближе — может, придется работать под его началом.

Получился ритуал включения молодого человека в жизнь квартала.

Речи, речи. О том, как я, Отари, ближайший сосед, уважаю хозяина этого дома, какой хозяин замечательный человек (да и я человек душевный, поскольку щедро желаю вам, хозяевам, и детям вашим, и всем соседям благ, ясного солнца, хорошего урожая, трудовых успехов и прочее). А ну-ка, ты, мой друг, покажи-ка и ты себя, обрисуй свою жизненную философию да с учетом того, что каждый тебя знает (может перемигнуться с другим: «Вот, мол, завирает»). Ты покажи, в чем золотое обеспечение щедрых слов и красноречивых автохарактеристик (их тебе простят: восхваление себя — совершенно неизбежный элемент жанра тоста). Дошел черед тостов молодых. Хирург, первый год работающий в районной больнице, не отклонил приглашения — алаверды. Хирурга звать Дазмир, означает это имя «Да здравствует мир!». Соседи закивали друг другу одобрительно: самое время выпить за мир во всем мире и за мир в наших семьях. Однако Дазмир произнес

нечто иное. Он, как и все остальные, обращался к гостю, деликатно, как и они, знакомил будущего жителя селения и соседа с местными условиями.

«Видите ли вы этот монастырь?» Вопрос Дазмира звучал скорее как ораторский прием в начале речи. Все посмотрели вверх на ближнюю гору, со знакомыми каждому очертаниями строгого храма. «Бывали ли вы там?» Кто же не бывал? Все согласно кивнули головой, кроме гостя, которому старый Шота-ботоно, наш хозяин, немедленно зашептал на ухо сведения о монастыре. Видали ли вы, какое замечательное сооружение создали восемь, а то и девять веков назад наши предки. Это музыка, настоящее очарование! Только музыка-то испорчена аляповатостью, видите, какой прилеплен флигель сзади: его в прошлом веке князь Дадиани пристроил, поместил там усыпальницу и испортил тем самым прекрасное творение старых зодчих. Я хочу предложить выпить за то, чтобы наши высокие замыслы и мечты мы не портили мещанством. И чтобы не мелочить наши свершения, пусть даже соблазн большой на легкий путь соскользнуть... «Ну, уж какой там соблазн!» — раздался возглас.

«Как какой?» — откликнулся с другого конца стола еще один молодой человек, элегантный, в пиджаке с золотыми пуговицами. К моему удивлению, имя его было похоже на имя оратора — Дамир («Да здравствует мировая революция»). Дамир тоже хирург, только он главный хирург той же больницы. Какой соблазн? А такой: бывают врачи, которые смотрят не в желудок больного, а в его карман. Когда-то эти врачи были честными, хорошими, справедливыми людьми. А потом поддались соблазну. Есть такие. А это бросает тень на других.

Готовую возникнуть дискуссию хозяин погасил умирающей репликой: «Прекрасный, прекрасный тост! Очень современный, как раз для нашей молодежи. Чтобы жизнь была прекрасна и чтобы мы сами ее не портили и не поддавались никаким соблазнам испортить наши добрые идеи. Так ведь?» — «Так, конечно!» — зазвучало вокруг. Тост Дазмира называли и удачным и красивым.

Поднимали тосты за детей, за то, чтобы они были лучше родителей, затем последовала здравица в честь столетних долгожителей. Их в селении несколько. За понимание и дружбу между соседями, за то, чтобы ничто не омрачало душевной приязни между теми, кто живет ря-

дом. Как без этого может быть душевный покой? Именно в продолжение этих слов кто-то добавил: «Пусть хорошо, счастливо живет наш Гела». С другого конца стола его поддержали: «Дай бог здоровья всей нашей милиции. Что бы мы сейчас делали без нашего Гелы и без его товарищей!.. Они восстановили душевное согласие. Дай бог им и их детям благоденствие, радость и счастье. Вот мы сидим сейчас, а они, видно, на задании».

Хозяин согласно кивнул и громко подтвердил: «Я звал Гелу и двух его ребят. Они не смогли прийти. Заняты». Это было сказано солидно, с полным пониманием того, каким значительным делом заняты Гела и его коллеги. Здравница эта была явно не дежурной, не «проходной», не в порядке ритуала. Было выражено общее мнение.

* * *

Гела Герхелия — участковый уполномоченный, старший лейтенант милиции, не зря был помянут здравницей на таком авторитетном, хотя и неофициальном собрании.

Два года назад в обычную жизнь сорока семей, живших на этой тихой улице, неожиданно вползла неведомая ранее, а теперь одолевающая здесь каждого кляуза. Кляузы, анонимки, сплетни, склоки как будто ниоткуда вдруг налетели и принялись подтачивать лад в домах, в семьях. Стали будоражить людей и на их рабочих местах, замутнили отношения в коллективе.

Строит человек дом. Не лучше он соседского, скромнее даже. Вдруг поползла сплетня: зять строящегося привез ворованный материал. Сплетня просачивается в каждую семью, заползает в каждую дверь. В ответ поначалу только любопытство и удивление, строитель оправдывается перед соседями, но сплетня не угасает, она снова и снова жужжит в соседних семьях. У кого гневом, у кого осуждением загораются глаза. Строитель оборачивается, встретив недружелюбный взгляд, потом отвечает таким же...

Молодой врач сделал операцию. Она прошла блестяще. А после другой больной месяц пролежал в больнице: разное течение одной и той же болезни, разные по возрасту больные, разные состояния после операции — это естественно. Но пущен слух: первый больной дал врачу денег за операцию, и много, а второму операция делалась на об-

щих основаниях. Откуда пришла эта сплетня? Кому она адресована? Как с ней бороться молодому врачу, который не отходил и от одного и от другого больного? Врач нервничает, впору оправдываться, защищаться. Но тот, кто нападает, — невидим.

Рядом с селением на самом берегу моря расположена научная лаборатория, где изучают определенный вид рыбы. Однажды звонок в учреждение рыбного надзора: «Проверьте, под вывеской лаборатории действует контора злостных браконьеров, вылавливают и продают ценнейшие сорта рыбы, спекулянты они махровые». Рыбнадзор обязан дотошно контролировать все рейсы рыбацких «судов». Там-то знают, что сотрудники лаборатории никаким браконьерством не занимаются. То же и проверка показала. Но слух пополз — вопреки заключению компетентного органа, — разнесен был повсюду. Более того, жалобы и наветы пошли выше. Охотятся, мол, браконьерничают. Теперь посылают и комиссии.

В поселковом Совете вакансия объявилась, значит, перемещения будут, кого-то на вакантное место назначили, кого-то на освободившееся. А куда перемещают того, кто был раньше на вакантной должности? Почему? Может, за какие провинности? Или повышают? Чего ждать? Нацеленное брюзжание. «Перемещения скоро начнутся такие, что всех начнут шерстить и трясти». А когда состоялось назначение, его первым узнает некто, кто толкует вокруг да около этого нового лица, запускает слух о назначенном человеке, сеет к нему недоверие.

Так и получилось, что обстановка в отношениях между соседями испортилась, подозрительность стала господствовать, недоброжелательство выросло там, где никогда для него не было оснований. И вот результаты: посадили работники лаборатории сад, а кто-то пришел и вырвал корни. Зашел теленок на чью-то делянку и не вышел оттуда, обе ноги у него оказались переломлены. Вместо того чтобы разрешить «телячий» вопрос спокойно, получился тяжелый конфликт, отношения соседей уже были испорчены, дух дружбы исчез. Конфликт нагнетался и нагнетался. Вроде бы неуловимые какие-то, ниоткуда идущие воздействия, а результат — весом.

Как уловить неуловимое? Это все же оказалось возможным. «Уловителем» и стал блюститель порядка, старший лейтенант милиции Гела Герхелия. Наш собственный деревенский детектив, как назвали его в городке.

По просьбам и заявлениям односельчан Геле пришлось разбираться в анонимных звонках в инстанции, в анонимных письмах, в «механике» поступления слухов. Надлежало выявить того, кто создавал эту обстановку в квартале, кто сочинял и писал бумаги, кто «дирижировал» гнусным «оркестром» распространителей слухов. Этот тайный «кто-то», видно, получал обильную информацию. Он оперировал, манипулировал полуправдой, очень похожей на правду. Фактическая картина извращалась, но при этом в какой-то точке пересекалась с тем, что есть на самом деле! Этот «кто-то» ловко работал по части слухов и клеветы. А увидев, что меры не принимаются, принялся за вымогательство и шантаж.

...У Шота-ботопо, построившего дом с помощью зятя (в шантажистском послании зятя «разоблачали» как доставшего незаконный левый материал в обмен на большую сумму), некое неизвестное лицо затребовало деньги, и весьма большие, с «обязательством» в обмен прекратить кампанию по разоблачению зятя и Шота. Деньги должны быть доставлены в звонницу старого храма — самую высокую точку местности. Принесший деньги виден тому, кто их ждет, виден и каждый, кто хотел бы проследить за тем, что с деньгами происходит дальше. Шантажист в засаде, никому не ведомый и не видимый. А ночью деньги исчезают. Случаев таких набралось немало. Зачем же эти люди деньги отдают вымогателю? Рассуждают, видимо, так: пусть деньги, только имя мое бы не трепалось, не отмоешься от клеветы. И ведь затихала сплетня-то. Ну а в милицию почему бы не заявить? Так ведь вся история на официальной бумаге останется.

И все же нашлись такие, кто пошел «государственным путем», — обратились к Геле.

Гела Герхелия заинтересовался тем, не сходится ли в какой-нибудь точке вся эта «информация». Та полуправда, которая оказалась крючком для поимки простаков (и не простаков). Какими путями гуляет сплетня? Мало ли какими... На самом разном материале замешены клеветы, кляузы, сплетня. Все дрызги разве просеешь? Что тут пересекается и с чем?

«Э, брось! На этом пути ничего не найдешь, — огорченно машет рукой председатель поселкового Совета. — Какая там точка?..»

Оказалось, точка эта была. Выуживались «фактические данные» с помощью... местной гадалки.

Гела Герхелия, участковый уполномоченный, молод. Спокойное достоинство и доброжелательность — эти черты прежде всего в его облике и воспринимаются. И дома, и на работе, и в застолье он такой. Он и тамада отменный, остроумный, находчивый.

Рабочий кабинет Гелы не стандартный. На столе ничего лишнего, только под стеклом фотография дочки и жены, милый любительский снимок, два улыбающихся лица. На полке у стола толстый том — не дефицитная ли книжка «Сто лет криминалистики»? Точно — она. Бумаги, документы, материалы — в ящиках стола и в сейфе, не на виду.

Гела занят в момент моего прихода. Времени для беседы о ситуации в квартале сейчас у него нет. А вечером, после работы, с удовольствием. Встреча и разговор состоялись почти в десять вечера. Гела охотно объяснил мне механику «выявления» анонима. Никаких особых приемов, никаких специальных дознаний не понадобилось, чтобы установить источник клеуз и нарушений нормальной обстановки в этом квартале. Да, пожалуй, район действия анонимщика много обширней квартала. Потребовалось, ну, как бы это выразиться, — он щурится на лампу и переводит взгляд на книжку «Сто лет криминалистики» — потребовалось аналитическое мышление. Или, лучше сказать, изучение обстановки, психологии. Гела уточняет. «Я как поставил вопрос: появлялись ли за это время (с начала возникновения клеуз, ссор, раздоров и споров) в этом маленьком районе какие-нибудь новые лица? Приехала, обосновалась только одна пожилая скромная женщина, родственница самого уважаемого в квартале человека. Почти неграмотная, ей не сочинить этих оборотов хитроумных и не записать, работает она по хозяйству в доме и время от времени подрабатывает в сельсовете уборщицей, когда заболевает штатная уборщица или когда та уходит в отпуск. Нет, никак не могла эта неграмотная женщина пуститься в столь квалифицированные авантюры и склоки. Это кто-то из других вновь прибывших. А из «своих»? Среди своих в селении не водилось таких, есть один, но живет он довольно далеко, километров за пятнадцать от «арены действия» анонимщика, клеузника и шантажиста. Будь он поближе к информации, мог бы приняться за такое дело. Но — совсем другой же «регион». Хотя время от времени и появляется в селении этот въедливый,

злой старик, ныне пенсионер. Несколько лет назад был он судим общественным судом за поклеп на бухгалтера сельпо, а бухгалтер от старика тоже неблизко проживал. Впрочем, Гела эту историю не застал, познакомился с ней, изучая документы. Пришлось тогда случайно встретиться и с самим «героем» этой истории. Человек и правда неприятный, дети от него уехали. Живет один. С соседями не слишком ладит, но и не ссорится особенно. Как может он собирать сугубо «внутренние», весьма интимные данные о далеком квартале и о чужих людях? Уж очень внимателен в тонкости кляузник, значит, близко был ко всем делам. Да и занят старик, выполняет (скорее добровольно) функции контролера за действиями административных организаций, постоянно наведывается в милицию, предлагает свои услуги в качестве дружинника, заглядывает в райисполком от имени трудящихся посмотреть, соблюдается ли там порядок и законность.

Но кто-то же орудует здесь? Свои все на виду. От кого-то пошла эта грязь, ведь не было ее раньше. Выяснил Гела, что, несмотря на отдаленность мест проживания и полное отсутствие точек соприкосновения, старик этот, Мамия, сильно не поладил с самым старым и уважаемым человеком в квартале (с тем, у кого были мы в гостях на, так сказать, смотринах). С тем, к кому на жительство приехала родственница. Есть тут что-то? Нет, с виду ничего нет.

...Думаем дальше, изучаем обстановку, изучаем людей, события, — продолжает Гела. — И вдруг узнаем, что приехавшая женщина — гадалка-любительница. Узнаем, что Мамия, принципиальный борец с непорядками, пережитками и недостатками, разок-другой в неделю наведывается к этой даме и приглашает ее время от времени в свой дом помогать ему, вдовцу и одинокому, по хозяйству. Он — вдовец, она — оставленная жена. Кто станет возражать против такого общения. Вот тут-то как раз и предмет для раздумий. Этот альянс предстал перед Гелой как информация для размышления. Оказалось — не зря.

Гела решил присмотреться к обеим сторонам. А как присмотреться к гадалке?

«Услышал я стороной, — рассказывает Гела, — что тетка моей жены отправилась к этой гадалке, а денег с собой взяла немало. Знаете психологию старой женщины, любящей, как все женщины от века в селении, толки, слухи, пересуды.

После сеанса тетушка жены прибежала к нам рассказать о впечатлениях. И стесняется меня, и побаивается как будто даже, но очень хочется поделиться. Я удалился деликатно и уж потом восстановил картину. Гадалка произвела на родственницу жены большое впечатление. Все от слова до слова она моим поведала: «Ты чем-то очень сильно взволнована?» — спрашивает гадалка. (Да и так видно, что взволнована, как же: событие — поход к гадалке.) «У тебя на душе тяжесть и тревога». (Ну а не очевидно ли это, у кого тревоги нет?) «Беспокоишься ты не о себе, а о том, кто тебе близок и кого сейчас здесь нет». (Всему кварталу известно, что у родственницы моей две дочери при ней, а один зять — в отсутствии. Ну, стало быть, о зяте отсутствующем и тревога.) «Да... беспокоишься ты о мужчине, о родственнике твоём, но не кровном. Родственник по дочери. Так ли? Ну, вот что-то сейчас я не очень вижу в твоём кофе». (Тут, как выяснилось, родственница стала сама «подталкивать» гадалку паводящими репликами.) «Ну, что, что, что случилось с ним? — запричитала родственница. — Так я и знала, что он во что-нибудь встрянет. Ты скажи, чем кончится? Поехал он шифер достать. Как, скажи, дело кончится?» — «Дело?.. Дело-то у него сейчас еще не получается. Ты небось все деньги ему отдала?» — «Все, все отдала. Да пусть их, не о деньгах речь, может, у него трудности какие, мы же говорили, подожди, привезут к нам в район, нет, в другой поехал». — «Да, похоже, трудности. Только надо будет еще разок на него погадать. А то ведь я по твоей чашке гадаю. Кофе-то на тебя нарисовалось. Ты уж очень много хочешь от меня за один раз: на двух человек за одну цену. Вот через несколько дней или даже завтра приходи, на него погадаем. А пока скажу, что будет ему дорога. (Ну, конечно, дорога, назад-то зять вернется.) Привезет он что-то... Но будут у него неприятности». Тут родственница запричитала: «Так я и знала, так я и знала, не надо было связываться с этим человеком из конторы». Она выложила все про этого человека, как документы в конторе оформили по закону, как в кассу деньги уплатили, накладная имеется, а на сердце тревога, вдруг не все тут чисто? Пришла родственница и еще раз — специально погадать на зятя, услышала то, что рассказала гадалке сама, только в более цветистых выражениях. Нагнала гадалка страху, что человек, оформлявший заказ, «пехороший». Зять и правда задержался, а приехал, и все гадалкины «посулы»

были забыты. А вскоре появилось у нас анонимное «сообщение» о том, что зять моей родственницы занимается махинациями, дает взятки, покупает «левую» продукцию. При проверке же оказалось — все в этом доме в норме.

В другом случае «поразила» гадалка совсем молодую женщину, объявив ей: в ее деле выходит «рыба», то есть отрицательный результат, и что в руках она держит туфли... Женщина ужасно всполошилась. А пришла она к гадалке потому, что у нее возникли сложные отношения с мужем. Загадочные слова про рыбу и про туфли, которые символизируют чей-то уезд, произвели особенно сильное впечатление. И тут не просто, — поясняет Гела, — сведения про семейные неприятности, которые за пределы дома просочились, молодая женщина сама наговорила гадалке про своего мужа невесть что в слезах и беспамятстве. Лишь через долгое время она вспомнила, да и то с трудом, какую выдала информацию: замешенную на подозрениях, заблуждениях, ревности вперемешку с «фактами» позднего возвращения, слухами о неких «провождениях» и т. д. Так ее полуправда, попав через гадалку к «специалисту» по сплетням, препарированная опытной рукой кляузника, сделалась основой длинного послания в сельсовет, где муж этой женщины работал. Та полуправда, которая содержалась в речитативе жены, была уточнена фактами (дотошно выкопанными и на месте: провожание и правда было — приехавшего лектора-женщину доставили от сельсовета до гостиницы). В таком же духе и остальные факты

Факты — сигналы — письма. Будто целая «контора» старается. Но, познакомившись с гадалкой, увидел я картину несколько иначе. Гадалка действительно состояла в «конторе», но сама этого не понимала. Она просто развлекала своего «обожателя» Мамию рассказами о клиентах. Видела, что эти сюжеты привлекают его к ней. Вовсе не считала она себя и ясновидящей, просто старая традиция фантазировать на кофейной гуще, умение манипулировать терминами из «сонников», да еще от бабушек полученный навык использования психологического состояния пришедшего к ней человека. Это и давало ей такую видимость проникновения в суть событий. А ситуации ведь простейшие, стереотипные, набор их в общем-то невелик. Нелады с мужем (разве это не обычное явление?). Тревога за детей (разве они не у всех?). Механизм ясен, сами «клиенты» давали «пищу». Тревоги о здоровье, беспокойство об ушедшем в армию сыне или внуке — все это легко «отга-

дать» (увидеть). Пять, десять ситуаций — не больше. А здесь они более или менее изучены, более или менее стандартны, все ведь на виду, селение небольшое.

...И оказалась эта «прорицательница» орудием в руках злого человека, одержимого желанием напортить соседу. Источники недоброкачественной информации и вредоносных действий были скрыты, а действия старика весьма и весьма ощутимы. Ссоры между соседями, конфликты, были даже приводы в милицию. Начались проверки различных учреждений, а это, в свою очередь, увеличило клиентуру «гадательной дамы», ничего не подозревающей, поскольку «обожатель» вел себя осторожно и не «раскрывался». «Вот тебе и контора», — подытожил Гела.

...В том-то и состояла заслуга Гелы, что эту зависимость, эту «связь типа манипулирования», эти неравные отношения двух людей он сделал предметом психологического наблюдения и исследования. А дальше — изучение характера «альянса», анализ содержания поклепов и т. д. Так и добрался до самого корешка, до источника бед, раздиравших квартал.

Дальнейшее большого труда и не составило. На показательном суде выступали те, кого затронул кляузник, и те, до кого он еще не добрался. Приговор встретил полное одобрение.

* * *

Что же представлял собой этот человек? Неудачник? Нет. Не скажешь этого. Вышел на пенсию в должности заведующего складом. Очень неплохой материальный фундамент для жизни создал себе на старость. Грамотный. Газеты читал, был в курсе всех новостей. Известно, людей этот человек не любил — и дед и прадед его жадными были, прозывались соседями «филинами» — за хмурость, необщительность. Прадед служил у местного князька, был у него за дворецкого и казначея. Дед наследовал должность. Отец же, как сбежал князь от революции, подался в город, где и затерялся его след. Говорят, видели его кто в Ростове, кто в Саратове на базаре. А «герой» Мамия жил при матери. Много был наслышан рассказов от прабабки и деда об укладе жизни и замашках князя, о том, что в сундуках где-то в горах прятал князь свое богатство. Немало дней провел юный Мамия в поисках этих сундуков, уж и смеялись над ним сельчане, и сердились. Вырос Мамия и собрался было

в институт. Но не подошла ему студенческая, небогатая жизнь, ушел работать продавцом. В те времена дело это было прибыльное, и немало «герой» заработал на своем месте, умело торгуя дефицитными товарами. Не один раз попадался, однако выкручивался. К шестидесяти годам обосновался, выйдя на пенсию, в селении у моря. Приехал один. Из-за сварливого характера дети с ним жить не стали. Жена умерла. На покое заскучал, видя вокруг повседневный нелегкий труд чаеводов и табаководов, наблюдал, как строятся дома, растет молодежь, живя одиноким перстом вдали от собственных детей и без близких. Углядел как-то возможность сделать человеку гадость безнаказанно — удалось. Потянуло дальше испробовать свою тайную власть над людьми. Как же — волнуются, плачут, а не знают, кто все устроил. А тот, кто это устроил, прикидывает, что бы ему еще проделать. И столь же секретно. Если бы не Гела Герхелия, скольким бы испортил он еще жизнь!

Что же, лишен этот «деятель» теперь такой возможности. Отбывает наказание.

Приехавших на суд детей не очень даже и удивил такой финал. («Ах, остановили бы его двадцать лет назад, — сокрушался сын. — Мать бы жива была».)

* * *

...Слова спокойно в селении. И на любом домашнем торжестве теперь уже по традиции встанет кто-нибудь и благодарно произнесет тост за спокойствие, за чистый воздух, за ничем не омраченную дружбу, за Гелу и его товарищей.

Здравствуй, дорогая редакция!

Письмо будет грустным, предупреждаю заранее, хотя в принципе я не нытик...

Мне 19 лет, я учусь в вузе, живу в большом городе. Институт для меня «легкий» (гуманитарный), читай себе книжечки, а в свободное время ходи в оперу, в театр и филармонию. Я так и делаю: пользуюсь всеми благами столицы и еще заканчиваю курсы иностранных языков.

Но все это я могла бы делать и не будучи студенткой! А коль уж такое счастье, то где же все прелести студенческой жизни? Где веселые компании, интересные люди и все остальное, что называется «общением»? Почему это проходит мимо меня?.. Большую часть времени я, как и мои сокурсники, провожу в институте. Наше комсомольское руководство, дабы не дать нам погибнуть от тоски (этому недугу подвержены многие из нас), несколько раз в году устраивает праздничные вечера совместно с военными училищами... И бегут туда наши девочки с превеликой радостью. И я бегу, потому что нет у меня других источников знакомств и общения с людьми, хотя это далеко не то место, где мне хотелось бы общаться. Поскольку я не из тех, кто пользуется на вечерах особым успехом, то бывает, что во время так называемого «танго» подпираю я стенку и предаюсь размышлениям: «Неужели мои сверстники получают удовольствие оттого, что танцуют? Может быть, во время танца они разговаривают?!» Нет, они молчат. (Однажды на мой вопрос к партнеру по танцу, почему он молчит, мне ответили, что информацией делятся на семинарах и коллоквиумах. Вопросов от меня больше не поступало.)

Итак, своего круга мне не найти. Что? Студенческий клуб? Самодеятельность? Пожалуй, это не для меня.

Еще, пожалуй, следует сообщить, для того чтобы мой психосоциальный портрет, так сказать, был окончательно ясен, что я бывший сангвиник, а теперь холерик и чуть-чуть меланхолик. В группе относятся ко мне весьма дружелюбно. У меня есть отдельные удачные (если так можно сказать) знакомые, но несовместимые совершенно. До недавних пор даже было подобие подруги.

Итак, меня интересует: где и как найти свой круг и

как эта проблема решена у моих ровесников? Свои координаты и фамилию сообщаю, но просила бы не обнародовать по вполне понятным причинам.

Алла Т., г. Киев.

Парадоксы общения

Вы, наверное, усмехнетесь, прочтя в письме Аллы описание танцевального вечера. Знакомо по опыту «порожнее», бездуховное вроде бы веселье. Знакомо и по литературе — помните бал у Лариных? Там ведь тоже суета, музыка, танцы и пеленый мадригал. Татьяна там не с кем слова сказать. Для нее это не общение. И для Онегина не общение.

А что, если бы «контингент приглашенных» к Лариным состоял из Онегиных, Ленских, Чацких? Что, если такая барышня, как Татьяна, была бы не исключением? «Картина общения», конечно, была бы другой. Поскольку она отражала бы интерес, потребности, устремления ярких и сложных индивидуальностей.

...Может быть, идет ныне поиск типа общения, отвечающего уровню нравственных исканий и духовных запросов современного молодого человека. Само это общение должно выявлять, формировать и утверждать новые нравственные уровни и духовные достижения — ведь общение необходимая форма жизнедеятельности, а жизнедеятельность — не только добиваться показателей, но и строить отношения, совершенствовать моральный климат коллектива, себя самого. То, что говорилось на XXV съезде КПСС в связи с тенденцией возрастания роли нравственных начал в жизни нашего общества, утверждается в общении. Тенденция освоения новых нравственных уровней предстает как преодоление стереотипов и форм, которые «не работают» (но существуют). И освоение нового в себе и в другом человеке, в других людях предстает как противоречие. Отсюда и парадоксы.

Парадокс первый

Почти все письмо Аллы о том, как не удастся найти друг друга двоим. Трудно. Негде... Некого. А последние строки письма о своем круте, о компании (отдельные

удачные ее знакомые в рамках компании — несовместимы)? В письме как будто не связаны эти два аспекта общения. Не один читатель подумает: мало ей найти Его — сама по себе это ведь задача задач, нужны еще и другие, просто знакомые. Про то, как найти друзей, теперь пишут немало. «Литературная газета» освещала опыт работы рижского клуба «Друг». О «технологии» знакомства (о роли компьютера) рассказывала «Неделя».

У Аллы — собственные требования, как будто расходящиеся. Давайте увидим, где они сходятся. Скажем, одна нить ее требования: нужны, необходимы — он и другие. И другая нить — необходимо, чтобы тебя понимали.

Фраза из фильма «Доживем до понедельника» живет теперь как афоризм: «счастье — это когда тебя понимают». Мы повторяем эти слова подчас с вызовом и с надеждой: «Пусть меня поймут правильно». А правильно — значит, как? Так именно, как я сам себя понимаю? Но разве я правильно понимаю себя? Вряд ли кто-нибудь решится сказать: «Понимаю себя правильно, и пусть так же думают обо мне другие».

Наверное, у каждого в юности происходит поиск нашего общего понимания того, что есть Я, того, что есть Ты, что является нашими общими обязанностями. Поиск человеческой и гражданской меры индивидуального Я ведет нас в этом стремлении к пониманию, а оно вырабатывается также и в общении.

Все люди разные. И отношения между ними порой бывают даже весьма причудливыми. Но при этом существует и общая мера, и норма, которой мерит общество человека и с которой друг к другу подходят люди.

В нашей сегодняшней действительности, где личность становится все более значимой, особенно важно освоить общие нормы морали, социальную и моральную меру в подходе к человеку. Ничуть не менее важно научиться понимать и безмерность человека, когда он неожиданно для других «превышает» привычную норму своим творчеством, добром, любовью. Или, наоборот, «падает» из нормы вниз.

Письма, полученные мною на газетные статьи от читателей, — размышления, реплики, тревожные вопросы, замечания, звучат сегодня Диогеново: «ищу человека». Но деловой наш век определяет и конкретность вопроса. Ищу, но скажите — где?

Стереотипы, барьеры

Как где? В идеале — там, где оптимальные условия. На отдыхе, например. В санатории, на турбазе, в пансионате, доме отдыха. Но как быть со стереотипами общения? Вовсе не исчезает (а, наоборот, живуча) стародавняя модель: «молодые мужчины подпирают стенку» в центре танцевального зала, кружатся друг с другом девушки. Принудительная программа — надрывающийся массовик (нужна группа инициативных мужчин, нужна группа женщин), нехитрые викторины и шитые белыми нитками «фокусы». В итоге стараний наладить общение собирается группа инициативных мужчин и женщин. А перед отъездом все нередко недоуменно и недовольно подводят итоги: так никого и не встретил, так ни с кем не пообщалась. Вариантом такой картины оказывается популярный стиль: бесшабашная резвость инициативных мужчин и инициативных женщин. Не спасает и вполне современный вариант: повомодные студенческие туристские или стройотрядовские песни. Результат тот же: так ни с кем и не пообщался, так никого и не встретила.

Юноша, интересный, плечистый, «первый парень на деревне», жалуется мне: «Потанцевал два раза — как будто обручился. Уже и смотрит она на тебя так, словно я обязан с ней ходить теперь целый сезон. И еще — разговаривать. Сама льнет, а потом чуть тронешь, обижается — недотрога какая нашлась. Всякое общение прекратил. Сама не знает, что ей надо».

Другая ситуация. Помните у Шукшина рассказ «Медик Володя» в сборнике «Беседы при ясной луне»? Парень едет на каникулы домой, встречает в поезде девушку из своего села. Вроде и поговорить есть о чем, детство общее, круг знакомых свой, привычные они. Ни к чему бы, казалось, высприваться, можно нормально пообщаться. Однако Володя принимается «клеиться» к девушке на самый пошлый манер — и «по-современному» (как же, городской он теперь). Девушка, в свою очередь, тоже хотела показаться современной, терпела до последнего нагло-неопытные приставания Володи. Да не получилось такое общение. Парень вынужден был ретироваться. Хотел «стереотип выдать» — не получилось. Преодолеть же целую «модель общения», обойтись искренностью студент не решился.

А вот герой шукшинского рассказа «Хахаль» навязан-

ный ему стереотип преодолел. Помните? Один приятель приводит другого к девушкам в общежитие для вполне однозначной «программы» общения «тет-на-тет». А его на эту программу не тянет, ему пужно душевное человеческое слово, отклик на свое, личное. Отряженный в хахали парень уходит со «своей» партнершей на берег речки и толкует про то, что дорого каждому — и значимым, нужным оказалось обоим.

Впрочем, все это где-то там, в Сибири, в глуши. Разве годится такая «модель» для столицы, для компании с модной музыкой, с дисками и современными танцами, когда на вечеринке в комнате общежития дым столбом. Заполнена звуком, ритмом, движением каждая секунда, и «водяра» в темпе (в кружке ли с петушком, которую освободили от стоящих в ней зубных щеток, в элегантном ли современном рижском коротеньком стаканчике). Каждый друг с другом встретится в шейке или в импровизированном танце, и рядом, и на расстоянии, и в тесном объятии. Песни в самом большом ассортименте, и слушать и петь. А эффект нередко тот же: «Так никого и не встретила; так ни с кем и не познакомилась».

...Девочка вся — ритм и темп, все при ней: волосы нужной длины и цвета, грим и тени пажно-зеленые, сизая замшевая юбка, батник. По каждому пункту она соответствует и полностью уверена в этом: только что апробировала свой «уровень» в сочинском «Спутнике». Еще далеко не закончилась студенческая пирушка, она заглянула ко мне в комнату подправить грим. «Усталая, но довольная» сказать про нее было нельзя — возбуждена, устала и явно не в духе. Откровенность ее со мной объяснима, знаю ее с восьмого класса, и дружим. «Вот всегда так выкладываешься; им только подавай выпендрей».

Для себя же, оказывается, эта блестящая, очаровательная девочка хочет сердечности и понимания, пусть даже дружеского. Да, по при независимости. И пусть в развлекательных домашних «шоу» топ задает она. «Если так принято в нашей компании». В своей манере она мне выпалила: «Сколько можно умиляться на сурового, но в чем-то хорошего невежу и хама и нападать на модного мальчика, на длинноволосого. Надоело. Мальчики-то клевые... А вот общаться не с кем», — улыбнулась безошибочной, точной своей улыбкой и умчалась.

Победительная эта, окруженная поклонниками девочка иронизирует по поводу своего успеха: «оперетка —

самый догматический жанр, ни в чем не допускает отклонения: веселись».

Вот и получается. Ты духовно вырос. Твоя голова полна новых для тебя мыслей, ассоциаций. Твои впечатления не ясны самому тебе и «просятся» быть переданными. Твои требования к себе и к другим ждут отклика, проверки. Это жажда общения, и ты требуешь общения в современном варианте.

Пусть они организуют

Именно требуешь. Пусть мне это общение предоставят. Ведь есть же специально люди, штатные единицы, наконец, площади. Ведь для чего-то существует целый сойм работников культуры... Пусть наладят. Пусть помогут. Пусть создадут.

А что создадут? Создать в этом случае можно только условия для общения. Но мы имеем материальные условия: дом отдыха, например, санаторий, пансионат — а это само по себе ничего не создает. Пусть «они» изобретут новый тип общения и организуют его. Пусть научат, как преодолеть стереотип, стоящий на пути. Что же вызовет контакт духовной полноты двух, нескольких — «других», что обусловит отклик в нравственном поиске? Может быть, ты сам? Твоя собственная воля к общению? Решимость сделать шаг навстречу другому?

Давайте вернемся к письму. Алла говорит, все бегут общаться. Бегут куда? В еще одно место «встреч» — на танцплощадку, в студенческий клуб, в парк... Бегут откуда? Оттуда, где они общались до сих пор друг с другом. Но ведь Алла «бежит» для того, чтобы открыть, увидеть, наконец, чтобы отдать, а не только получить. Не стоит ли, взяв Диогенов фонарь, осветить вокруг, осветить лица и души тех, кто с тобой рядом. Может быть, он, может быть, она, обладая такой же тягой, такой же духовной жаждой, как твоя, тоже кидается куда-то, где организуют, сделают, создадут и преподнесут?

А что, если вооружиться принципом, который помогает изучающим язык? Может быть, начать «говорить»? И не бояться обратиться к другому? Мобилизовать свое доверие, открытость, наконец, свое бесстрашие для того, чтобы сделать шаг. Труден не только такой шаг — как приглашение к танцу. Труднее шаг навстречу другому человеку, не подающему, может быть, сигналов «услышь

меня», в его целый мир. Разве не бывает, что сигналы «услышь меня», «пойми меня», «ответь мне» звучат рядом, но только на языке, который ты не привык слышать, не угадал, пропустил? А то и побоялся признать и понять. Вдруг ошибка или — еще хуже — вдруг услышу «нет» в ответ на свое движение навстречу душе другого человека. Но что же обеспечит успех? Особый талант? Труд?

Конечно, это дар, когда человек наделен талантом говорить на языке каждого, с кем столкнет его судьба. Открытостью в выражении своих чувств, мыслей, тончайших переживаний. Но в общении возникла потребность общая. И для того, кто не освоил азов общения, это труд и риск.

В самом деле. себя еще не понимаешь, и уже открыться. Неясная мысль обуревает, а понять ее должен другой. Чувство. Как его выразить? Великий Тютчев пессимистически замечал: «Лишь сам один себя поймешь, мысль изреченная есть ложь». Наверное, пужно усилие постоянное, чтобы получить в итоге этот взлет, радость сопереживания, открытия другого, огромное богатство, радость общения, то, что Экзюпери справедливо называл «единственной роскошью».

Всем известно, что навыки общения следует прививать с самого раннего детства. Да, следует. И такой совет мы адресуем школе и детскому саду. А вот сейчас, в пору юности, когда потребность в общении уже есть, а навыков нет, существует рецепт один — учись здесь и сейчас. Учись не бояться, учись открытости, доверию. «Доверчивый не ждет доверия от других», — говорил Поль Элюар.

Но это ведь трудно... Ты подал руку. А если в нее положат камень? Больно, страшно. Но другого пути ведь нет.

Диалектика общения

...В тех открытиях, которые совершает ученый, он полагается на точность прибора, на машины, способные просчитать тысячи возможных операций в секунду и выдать надежнейший ответ. Огромная воля, мужество требуются тому, кто постигает новое в мире природных явлений — будь то космос или микрочастица.

А если открываешь для себя чужое Я? Здесь самая совершенная машина окажется бесполезной. Что делать со

своим духовным богатством? Подарить? Вручить другому?

Но и подарить, и принять дар — это творчество. Творчество познания, обоюдного приобщения. И это трата сил, напряжение ума, воли, чувств, это преодоление шаблонов и алгоритмов поведения. Осваиваешь огромную необъятную страну, где нет никаких страховок, кроме твоей бережности и бесстрашия, где и утонуть, и заблудиться, и пропасть можно. Осваиваешь и себя заново.

Тема «он и она» не специфически мужская и не специфически женская. У нее общий знаменатель — человеческий. В результате неуменья души трудиться возникают нередко парадоксы — боязнь настоящего чувства, побег от любви в мир стереотипных обстоятельств, привычного жизненного комфорта. И стократ не подстрахованы трудные пути двоих. Ты преодолел стереотип, ты взглянул в другое Я и обрел новый круг трудностей.

...Какое же это общение, если от тебя ждут только поддакивания, когда для другого ты — микрофон? Когда нет обратной связи? Что получится из общения, если ты стараешься во что бы то ни стало все оспорить? Когда во всем такая «диалектика», что дым коромыслом стоит. Спор — дискуссия — никакого согласия с другим. Или у него — ни малейшего стремления согласиться с тобой, когда ты — орудие для оглаживания его собственных мыслей или еще хуже — для упражнения его агрессивных стремлений возобладать на поле для самоутверждения.

Это не просто — общаться. Научиться не посягать на свободу другого, не превращать его в свою собственность, научиться уважать автономные права друг друга. Перешагнуть все то, что порождает ложь и мельчит жизнь. Сартр мрачновато писал: «Ад — это другой». Имелось в виду — другой человек. И действительно, пахождение общего языка порой мучительно, если другой — трудный человек и если неясен себе самому. Но ведь и притягательен тоже человек сложный, глубокий, противоречивый. А сам ты — не противоречив? И с гобой разве легко? Значит, приходится признать право другого быть противоречивым, сложным, глубоким, непохожим на тебя. Значит, надо встать на его место не для того, чтобы «понять и простить», но, может быть, убедить в своей правоте, если получился спор. Когда говорим мы о культуре общения, имеем в виду не навык любезно обойти острые углы.

Главное здесь — подлинное уважение к личности другого. Шу и выдержка, конечно.

Значит, может быть, успех общения зависит от твоей активности, решишься или нет ты протянуть руку незащищенной, открытой, уязвимой и неподстрахованной — другому. Это значит, что ты сам растишь в себе то, что можешь другому дать: свою доброту, свою сердечность, свою искренность, самое содержание своей жизни. Дать, передать, отдать. Это значит, что ты не боишься рискнуть и, значит, ты бесстрашен.

Помните фильм «Наш современник»? Помните, какое различие авторы фильма обнаруживают в духовном мире старшего Губанова и его сына, наследника. В некотором смысле они антиподы. Губанов-старший эффективен в своей деятельности, он напорист, он энергичен, он результативен. Он свои ошибки способен осознать. Он только... не думает о судьбах других людей. Он трудится и выкладывается для людей всех вообще, для каждого человека, безличного для него. Губанов-младший не менее социально активен, чем его отец. Он тоже утверждает себя в труде, и при этом для него неизмеримо большее значение имеет нравственная сторона жизни, его соответствие со своим собственным требованием и идеалом, его личная порядочность, его верность чувству, его понимание другого человека и готовность взять на себя за другого человека всю — полную и до конца — ответственность. И это — тоже социальная активность, ее новый нравственный уровень.

Где этому учат?

Большой лекционный зал полон. Сидят даже на ступеньках. На эстраде — она же и трибуна и кафедра — ученый-химик, киноактриса и кандидат философских наук (автор этих строк). В московском гуманитарном вузе идет студенческая дискуссия на тему: «Творческое общение и индивидуальность».

Будущая профессия юношей и девушек — библиотекари и клубные работники, руководители коллективов художественной самодеятельности. Участники дискуссии вычленили проблемы, для них профессионально важные. Ораторы размышляют вслух о том, как сделать интересной слушателю, зрителю их работу. Многие высказывают мнение, что интересным должен быть для аудитории и

сам человек в своем деле. И вообще, каким должен быть человек, который «сеет разумное, доброе, вечное»? Общительным? Эрудированным? Добрым?

А может быть, достаточно обладать только лишь высоким профессионализмом? Личные качества здесь вовсе ни при чем?

...Конечно, профессиональное владение жестом, словом первостепенно. Но достаточно ли? На уровне высокого профессионализма работает радио, телевидение, кино. Потребитель кино- и телепродукции — тот самый человек, который идет в клуб. Тогда зачем клубный работник? И чем же должны быть вооружены клубные работники, библиотекари, руководители самодеятельности, непрофессиональные актеры?

Одно мнение — размышление. Клубный работник, библиотекарь, руководитель народного театра — живой «транслятор», выразитель и интерпретатор нашей морали, наших идей.

Свою интересность, духовное богатство, душевную теплоту, включается в дискуссию автор этих строк, передает человек через общение. Цель же, самоотдача — в воплощении замысла. Искусство общения — разве это не профессия, не «хлеб», не талант библиотекаря, клубного работника, руководителя самодеятельности?

Оратора прерывает студентка третьего курса: «Скажите, существует ли критерий общения? Параметры интересного? Можно ли вообще поставить вопрос в теоретическом плане, что такое общение?»

Ответы — в живой беседе, в полемике сменяющих друг друга ораторов. Общение как социально-психологическое явление изучается лишь с некоторых пор. На этот вопрос стремится дать ответ наука. В Ленинграде собрались социологи на симпозиум по проблеме «Социология общения». Они столкнулись с очень большими трудностями при определении «феномена общения». Проблема общения для теоретического анализа серьезна и сложна. И поэтому представители самых различных профессий (психологи, медики, психиатры, специалисты по детской психологии, юристы, криминалисты и многие другие) анализировали отдельные стороны общения между людьми.

...Зато очень важно поразмышлять над тем опытом и по поводу той практики, с которой сталкиваются люди, являющиеся специалистами по общению. Люди, призванные быть общительными, притягательными, интересными.

И потому понятен интерес к этой теме со стороны тех, кто преподает и учится в институте культуры.

После окончания института многим предстоит поехать, скажем, в небольшой город, или село, или совхоз в роли заведующего клубом. Каждый, кому приходилось организовывать лекции на селе, знает, как сложно живому слову или «местному культурмероприятию» соревноваться с телевидением, радио и кино.

Заведующий клубом обходит каждый дом, каждую семью и приглашает принять участие в клубном мероприятии. Один отвечает, что не может, так как занят подготовкой к завтрашнему кружку по экономике производства. Другой честно говорит, что лучше посмотрит телевизор. Третий очень интересуется своим приусадебным участком. Четвертому надо заниматься детьми. И если увидеть здесь общую картину, то можно констатировать: надо обеспечить место для общения, надо найти ту «арену», на которой может проявиться интересность, притягательность личности клубного работника, ибо он — специалист по организации общения между людьми. Значит, нужно уметь преодолевать те затруднения, которые возникают в общении сегодня. Человек, включенный в сферу только «телевоздействия», иногда лишает себя такого традиционного, стародавнего общения, как «посиделки», как общение типа «поговорить по душам», поспорить, обменяться новостями. Да и просто времени нет у человека, занятого на производстве и вечером присевшего отдохнуть у телевизора. Деловая ориентация, деловые интересы программируют деятельность человека также в сфере досуга. Но в то же время возрастает задача развития всех сторон человеческого таланта.

Средством для этого является, и не в малой степени, — общение. Общение с интересным человеком.

Но где же на него найти время? Как уместить его среди других важных дел? Да так ли нужно тратить на него время? И в конце концов, разве не самое первое, самое настоящее, самое главное — профессиональная компетентность?

Профессионализация, перед которой неизбежно стоит человек сегодня, — это вещь почти фатальная. Если ты не растешь, если профессионально ограничен, то у тебя не слишком много шансов добиться успехов. Ты находишься в русле своей профессиональной деятельности, а она сегодня включается в твой досуг. В сфере же досуга

ты тоже общаешься с людьми. Но ведь именно в общении и через общение формируется человек целостный, интересующийся жизнью другого, человек, способный испытывать человеческое тепло по отношению к другому, человеческий интерес к нему, беспокойство за него, сочувствие, сострадание.

Вопрос, поставленный в выступлении, вызывает размышления — ответы из зала. Значит, специалисту по общению предстоит налаживать личное, межличностное общение между людьми. Если межличностное общение «плохое» — это нервирует, дезорганизует, нередко понижает производительность труда. Межличностное общение со знаком минус может вызывать даже тяжелые травмы — до инфаркта, до тяжелых психических расстройств. Без межличностных отношений человек нищает духом. Это на первый взгляд, пожалуй, не очевидно. Некоторые считают, что «моменты человеческие», субъективные, нужно вообще из процессов производства устранить. Не очень опытный оратор из зала пошел по кругу, повторяя и повторяя этот тезис. А я тем временем вспомнила, как один из лидеров современной кибернетики недавно преподнес мне для прочтения некое сочинение «Кибернетический критерий разумности». Человеческая разумность по этим критериям измеряется способностью... решать математические задачи и способностью рационально мыслить и действовать. У меня это вызвало очень серьезные возражения. Ведь этот критерий «не срабатывает», когда возникают тяжелые жизненные ситуации. Человек должен обладать определенной тягой к сочувствию, состраданию, пониманию человека. И только на этой основе важный критерий способности решать математические задачи становится полноценным. Сам по себе, отдельно он полноценен лишь в качестве замешителя приличной или средней машины.

Другой оратор на трибуне, студент четвертого курса, возвращает меня к теме. Он размышляет о том, что человеческое, личностное, индивидуальное нужно и самому производству, без ярко выраженных личностных черт не может быть и общения, которое ведь всюду... Нужно ли показывать, в какой драматической ситуации оказывается человек, который не умеет общаться с другими? Ведь не общаться — значит не уметь передавать, транслировать то, что мы называем культурой. Общение выкристаллизовывает достижения в сфере духовной и материальной. Пе-

редать это можно только тогда, когда ты причастен к самому процессу, когда ты способен это понять, прочувствовать, воспринять... Передача культуры, формы общения, таким образом, прямо зависят от свойств человеческой личности, от идейной зрелости и гражданственности, от доброты, теплоты душевной, от любви к человеку. От умения сочувствовать, от способности быть интересным.

Выступает преподаватель рисования. Да, важно воспитать себя нужным людям. Но каждый знает: интересен другим тот, кто раскрылся, кто способен к самоотдаче, к трате себя, а ведь это трудная задача, и состоит она в том, чтобы мог раскрыться всякий человек. Чтобы каждый человек умел обнаружить то, чем сам богат, чем он интересен другим. Но есть и другая сторона дела. Интересен тот, кто умест воспринять. Интерес, значит, зависит и от восприятия. И такое восприятие надо растить в себе. А мы далеко не всегда чутки, не всегда видим богатого душевно, яркого, глубокого человека.

Профессионализм — необходимое качество каждого работающего человека, но если он становится автономным явлением в духовном мире, тогда это беда, говорит другой оратор. Важно добиться взаимодополнения. Человек должен быть гармонически развит, а не только профессионально компетентен.

В ответ — выступление с места. «Я гуманист-профессионал, — представился парень. — Сегодня встал вопрос о простых пормах нравственности и справедливости. Это означает некоторую выросшую социальную потребность. Тот, кому доверено общение, должен и реализовать определенную общественную потребность, воплотить ее в каждодневную жизнь. Он должен поддерживать связь между людьми. Как это бывает в театре? В театр люди приходят ведь и для того, чтобы пообщаться, чтобы утвердить связь между человеком и человеком. Телевизор фиксирует связь человека и экрана, и экран разъединяет в некотором смысле. А мы должны это восполнить, поддерживая умение общаться непосредственно...»

Телевизор и другие

Тогда мне не удалось вклиниться в этот спор, но продолжения он достоин. Телевизор — враг общения? «Казалось, что она спит с открытыми глазами, подобно тому, как дремали рядом рабочие: этот способ коротать время,

полуоцепенело глядя на сменяющиеся перед тобой живые картины, был известен издавна, но лишь с появлением телевизора получил угрожающе-массовое распространение», — очень определенно и сурово писательница Майя Ганина судит о телевизоре как факторе общения. Но, может быть, это не только грозный враг при наличии общения нетелевизионного? Когда существует такой фактор в жизни, как моральные потребности, духовный поиск. Да просто — восприимчивость к миру и человеку.

Сценка в аэропорту: группа студентов-туристов (на праздники летят в Ригу) в ожидании отправления самолета смотрят телепередачу, посвященную выставке «Польский портрет». Горделивая статья — одна красавица, изящество, ум, очарование излучает лицо другой, осанка поражает в третьей... От портрета к портрету меняются лица и у девчонок-зрителей. Выпрямляется спина, раскованные позы сменяются на изящные — девчонок как будто подменили. Ребята отреагировали тут же: «Почаще бы вам с ними общаться...» Точное, хотя и случайно сказанное слово: общаться с искусством, с новыми людьми. С помощью телеэкрана — тоже. Но не только.

...Алла, написавшая письмо в редакцию, ограничивает общение компанией. Ну а студенческий клуб и те, кого ты в него сам привлек? А газета? «Они» ее издают неинтересно, допускаю ответ. Но ведь можно интересно. И это общение. Такое общение есть у студентов Казанского университета. Самое интересное о фильме Тарковского «Зеркало» я прочла в этой студенческой газете. В рубрике «Мнения, мнения...» спорят, сражаются, здесь и тончайшие аргументы, и темпераменты, и интеллектуальные стили, и субъективные восприятия. В разделе «О вкусах спорят» полемическое общение приверженцев и критиков местного поэта. Статья «Друзья, прекрасен наш союз» представляет 407-ю учебную группу КГУ, которая одновременно и компания друзей.

...Алла считает, что написала пессимистическое письмо, горькое. Только разве симптом спада — сама эта горечь, острота переживания? Духовная жажда рождает поиск. Это энергия, до поры не знающая, в какой ей вылиться вид жизнедеятельности. Может быть, в тот, что требует бескорыстия, бесстрашия и риска, — труд души.

Я по натуре и по характеру чувствую максимальную антипатию ко всем учениям атеистов и неверующих. Несмотря на это, я знаю, что независимо от самого себя я сам являюсь тем, кого христиан

назвал бы, и, насколько я понимаю, вполне справедливо, атеистом и неверующим».

Так в прошлом веке описывал собственную конфликтную ситуацию сэр Томас Генри Гексли (1825—1895), президент Лондонского королевского общества, первый пропагандист идей Чарлза Дарвина, автор работ по теории эволюции, где обосновывалось происхождение человека из животного мира. Сэр Гексли был представителем не только сословной иерархии, но принадлежал к высшим кругам европейской интеллектуальной элиты, где принято подчеркивать свою духовную независимость, свободу от ходячих предрассудков, штампов и стандартных мнений.

Предрассудки в отношении атеизма и атеистов насаждались церковью и респектабельным буржуазным общественным мнением веками. К таким предрассудкам относилось отождествление атеиста с вульгарным искателем грубых удовольствий, чревоугодником, с аморальной личностью. Глубокий внутренний конфликт состоял в том, что независимый в своем научном поиске ученый, объективно обосновывающий материалистические и атеистические положения именно этих прямых мировоззренческих результатов, так сказать, «производственного» своего процесса принимать не желал. Социальная позиция учено-материалиста в буржуазной науке XIX века порождала идейный, нравственный, духовный конфликт. Независимый «высокобровый» интеллектуал был в действительности весьма и весьма зависим от предрассудков класса, среды. В то же время совесть и достоинство подлинного ученого настоятельно требовали признания научных фактов.

Гексли нередко оказывался в остроконфликтной ситуации. К примеру, в 1860 году архиепископ Оксфордский в большой аудитории задал ученому вопрос — кого именно: обезьяну-бабушку или обезьяну-дедушку дарвинист Гексли, материалист Гексли хотел бы видеть в качестве своего предка? Известен ответ Томаса Гексли: «Я скорее бы предпочел иметь обезьян в качестве предков с обеих сторон, чем человеческие существа, столь

подверженные предрассудкам, что они боятся видеть истину».

Позднее, в 1886 году, Гексли подвергся публичному осуждению: в издании «Двухнедельное обозрение» в статье «Материализм и мораль» под сомнение ставилась способность «материалиста Гексли» быть моральной личностью. Подобные выпады не помешали ученому в работе «Эволюция и этика» основывать материалистические идеи в области морали, а также участвовать в движении за светское образование, развернувшемся в Англии в конце XIX века. Т. Гексли был основателем мужского рабочего колледжа в южной части Лондона (1868 г.), где английское секуляристское общество проводило работу по внедрению светских принципов образования и воспитания.

В работе «Эволюция и этика» Томас Гексли обосновывал идею происхождения правил общежития и морали из материальных условий жизни общества. Этой теме он посвятил публичную лекцию, прочитанную в 1893 году. Идеи работы были высоко оценены крупным ученым и видным общественным деятелем К. А. Тимирязевым, который перевел ее на русский язык и способствовал изданию в России за счет собственных средств. Здесь важно отметить выступление Гексли против нравственных идей и поучений богословов, например, против религиозной концепции оправдания наличия зла в мире. Он настаивает на том, что отношение между добром и злом в нашей жизни может быть в значительной степени изменено воздействием человека. Вопреки учениям тогдашних теологов он утверждал, что человек способен сам воздействовать на свою собственную природу, формировать и воспитывать в себе разумное и нравственное начала. Именно к власти над миром, над самим собой, к господству разума, воплощенного в человеке — продукте эволюции, ведет процесс эволюционного развития. Этот процесс может быть поставлен на службу людям. Логика объективного исследования вела ученого к материализму. Традиции либеральной респектабельности мешали это осознать. Возникал мировоззренческий, научный парадокс на основе этого конфликта.

Как известно, Гексли отказывался называть себя не только атеистом, но и материалистом, свои взгляды он именовал термином «агностицизм». Так пытался ученый разрешить возникший конфликт. «Под его агностицизмом

скрывался, в сущности, материализм», — писал В. И. Ленин*.

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин уделил много внимания такому явлению, как стихийный материализм ученых-естествоиспытателей, в том числе «стыдливый материализм» Томаса Гексли.

Сознание ученого в буржуазном мире подвергается самой тщательной (и квалифицированной) обработке с целью поставить преграды влиянию идей материализма, атеизма.

С появлением и утверждением марксизма, марксистского атеизма подобные конфликты приняли новый вид, получили большую остроту, обрели остро социальный аспект. Пример тому — развитие «парадокса Гексли» в наше время.

Традиция материалистической трактовки вопросов морали, выраженная сэром Томасом Генри Гексли, автором работ по теории эволюции, а также произведения «Эволюция и этика», нашла продолжение в трудах и деятельности его внука сэра Джулиана Сорелла Хаксли (1887—1975). Широкоизвестный биолог, он был автором книг по теории эволюции (например: «Эволюция, современный синтез»), по вопросам религии («Религия без божественного откровения»). Крупный общественный деятель, секретарь Подготовительного комитета, а затем первый генеральный директор ЮНЕСКО (в 1946—1948 гг.) являлся президентом организации «Международный гуманистический и этический союз». Внук Томаса Гексли последовательно воплотил в своей научной и общественной деятельности направление, идущее от одного источника — защиты дарвиновского учения. В научных трудах крупнейшего биолога Джулиана Хаксли мы видим уже не становление «стыдливого материализма», а осознанное и четкое признание материализма. Показательна в этом отношении и позиция Дж. Хаксли как теоретика светской этики, продолжателя дарвиновского учения и идей Т. Гексли. Дарвинист Дж. Хаксли, внук и наследник идей Томаса Гексли, был поставлен в конфликтную ситуацию идеологической машиной и буржуазными институтами — уже в наше время «парадокс Гексли» получил свое продолжение. На примере судьбы идей, концепций Джулиана Хаксли, отношения к ним в буржуазном обществе мож-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 90.

но судить о тех трудностях и противоречиях, которые претерпевает объективный процесс вытеснения религии, например, в сфере культуры, морали. Отношение самого Хаксли к атеизму и оценка им собственных идей рисуют современное развитие «парадокса Гексли».

Концепцию Джулиана Хаксли называют эволюционной этикой или эволюционным гуманизмом, имея в виду, что на развитие им этических концепций, на его социальные взгляды самое серьезное влияние оказала материалистическая трактовка им эволюции, а также материализм вообще. Этого Джулиан Хаксли никогда не скрывал, в частности, он признавал правильность и методологическую ценность многих положений диалектического материализма. При этом следует подчеркнуть, что, будучи представителем либерально-буржуазных кругов, Хаксли разделял ряд характерных для этих групп предубеждений и предрассудков в отношении марксизма и коммунизма. Дж. Хаксли не только теоретически обосновывал и развивал положения эволюционного учения в трудах по проблемам биологической науки, он ярко и талантливо пропагандировал материалистическую концепцию происхождения человека, где в эволюцию человека органично вписывал все этические нормы; они, согласно Хаксли, представляют высший этап общего эволюционного процесса.

Первый этап эволюции, писал Хаксли, — этап эволюции неорганической природы — занимал в истории миллиарды лет. Время, прошедшее от появления живой клетки, до человеческого существа, также огромно — почти два-три миллиарда лет. Отрезок человеческой истории чрезвычайно краток по сравнению с двумя предшествующими этапами эволюции.

Особенностью эволюции является приход ее к специфической сфере — человеческой; именно человек может овладеть процессом дальнейшей своей эволюции, управлять ею, формировать самого себя. Это формирование должно происходить на научной основе, и прежде всего в соответствии с гуманистическими целями и ценностями. Этическая направленность дальнейшей эволюции — вот, по Хаксли, особенность нового этапа эволюции мира, природы.

«Имели место два критических пункта в прошлой истории эволюции, два перехода от одного состояния к другому с совершенно новыми характеристиками. Первый — переход от неорганической фазы к биологической, вто-

рой — от биологической к психосоциальной. Ныне мы вступили в третий. Как кипение в котле с критической температурой воды означает переход в газообразное состояние, так и кипение идей гуманизма в котле современного мышления означает переход физико-социальной фазы к фазе, характеризующейся осознанностью целей эволюции».

Однако переход к новой фазе Джулиан Хаксли мыслил лишь как победу научного знания, непосредственно разрешающего также и проблемы социального бытия. Но наука сама пронизана социальными противоречиями. Разумеется, осознанность целей эволюции может служить Архимедовым рычагом перестройки конформистского религиозного сознания только при устранении тех социальных механизмов, которые порождают фикции и в самой науке.

Хаксли не только разрабатывал теоретические аргументы в пользу эволюционной теории, не только формулировал этическую программу развития человека, он был сторонником материалистического обоснования такой проблемы, как происхождение человеческого сознания. В пропагандистской работе «История эволюции», направленной против ведущих религиозных концепций, он активно разоблачает догмат бессмертия души. Рассматривая проблему наследственности, природу генетического кода, Хаксли также вступает в полемику с христианскими теологами. Книга Хаксли, направленная против религиозных идей, завершается оптимистическим призывом к созданию справедливого общества как венца эволюции. Характерно, что одним из важнейших результатов эволюции должно явиться уничтожение неравенства, точнее, эволюционное его изживание. Хаксли призывает к созданию такого общества, где социальное и расовое неравенство снимается отношением всеобщего партнерства.

Хаксли высказывал уверенность, что лишь в наше время возможна революция, действительно обеспечивающая создание динамической системы, которая имеет целью обеспечение максимума свободы, благоденствия и развития максимального числа индивидов. Он видел корень и условие революции в революции в области этики, именно к ней приводит, по его мнению, весь ход эволюционного процесса. Хаксли возлагал большие надежды на планирование, на образование. Задача всестороннего обеспечения духовных и моральных потребностей индивида для развития личности занимала Хаксли так же, как и наука;

этим вопросом он отводил значительное место в своих работах последнего времени.

Для Хаксли характерен, по существу, утопический взгляд на роль этики в социальных преобразованиях. В книге «Жизнь в революции» (1944) он развивал утопическую идею утверждения социальной справедливости через революцию, «не включающую в себя борьбу на баррикадах, а революцию, преобразующую нравственность человека». Революцию, направленную против форм религиозного, социального, духовного угнетения, он считал наиболее приемлемой и эффективной. Однако история уже показала несбыточность таких построений. Нельзя не отдать должное проницательности, с которой Хаксли разоблачал несостоятельность тех результатов, к которым привела французская буржуазная революция, вдохновленная идеями Просвещения. «Религией рационализма» называл Хаксли те идеалистические, как он говорил, точки зрения о присущей человеку доброте, о естественной человеческой природе. Уверенность и вера в освобождение (от тирании церковной и светской) естественной человеческой природы оказались несостоятельными. Идеалы же французской революции — Свобода, Равенство и Братство — были в большой мере выхолащены реальными фактами социального развития. «Религия автоматического прогресса также потерпела неудачу», — утверждал Хаксли.

В работе «Назачение ЮНЕСКО» он предлагал концепцию эволюционного гуманизма в качестве платформы ЮНЕСКО, подчеркивал, что, «даже признавая вклад в развитие философии последователей тех или иных соперничающих между собой теологических учений, она не может основываться на них свое мировоззрение». Свою концепцию гуманизма Хаксли выдвигал «в противоположность статическому или идеалистическому гуманизму».

В выступлении «Взгляд человека на самого себя», сделанном в 1960 году на Национальной конференции по образованию, Хаксли утверждал, что его этическая концепция может называться новой религией. При этом он подчеркивал свое решительное неприятие религиозного феномена в его сколько-нибудь традиционном понимании.

Хаксли отмежевывается от структуры религиозного мышления, отвергает черты, присущие религии, такие, как догматичность, вера в потусторонние силы и т. д. Хаксли уподоблял термин «религия» таким терминам, как уверенность, надежда, знание человека, доверие силе его

этического чувства. Эта религия, считал он, должна определить человеческое чувство более ясно, так, чтобы обеспечить большую моральную поддержку жизни и собрать воедино свойственные человеку чувства святого на действительно достойных объектах. Это будет высшей демонстрацией проявлений человеческой природы в искусстве и литературе, в интеллектуальном понимании и ожидании поклонения; это будет подчеркиванием полноты реализации жизненных возможностей человека как истинно священной веры. В работе «О чем я посмел подумать» он писал: «Религия с точки зрения научной психологии и антропологии является не божественным откровением, а лишь функцией человеческой природы... Бог в общепринятом смысле этого слова является творением человека...»

Не льет ли такая позиция воду на мельницу атеизма? Но сам термин «атеизм» для автора непримем. Как и его дед Томас Гексли, Джулиан Хаксли подвержен либерально-респектабельным предрассудкам относительно якобы «вульгарности» атеизма. «Почти все без исключения учения и обряды современных религий можно было бы свести к одной религии, которая отказалась бы рассматривать мироздание как функцию бога и положила бы в основу своих толкований научные концепции», — пишет он далее. Пусть отрицание религии и на этой основе построение высокой нравственности получают названия: «эволюционная этика», «эволюционный гуманизм» или даже... «новая религия».

«Такая новая религия, — продолжает Хаксли, — могла бы способствовать избавлению человека от чувства страха и греховности. Она могла бы открыть своим приверженцам совершенно неожиданные духовные богатства, до сих пор ими неосознанные собственные возможности. Однако для того, чтобы новая религия стала действительной силой в человеческом обществе, необходимо, чтобы она не только служила людям духовным убежищем, утешением и стимулом к добрым поступкам, но и решительно призывала к нравственности и будила творческое воображение человечества».

Такое видение мира человеческих ценностей Хаксли считал соответствующим духу дарвинизма и писал, что это эволюционное видение впервые открыто Дарвином. Именно такое понимание он и называл новой религией. Такую этическую ориентацию он называл универсальной функцией общества.

К гуманистической концепции Джулиана Хаксли во всей полноте применима оценка, данная классиками марксизма попыткам превращения принципа любви человека к человеку в главный этический принцип. Такая теория «скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда»*. Подобно другому борцу против религии — Фейербаху, Хаксли в итоге возвеличения человека и принципа любви апеллировал к святости этого чувства. Специфику же воззрений Хаксли отличают черты, присущие идеям естественнонаучного материализма. Абстрактность гуманистических упований, обращение к таким понятиям, как «чувство святого» (применительно к ценности человека), и, конечно, термин «новая религия» («светская религия») вызывают возражения у многих последователей Международного гуманистического и этического союза (МГЭС), который он возглавлял, и даже у друзей Хаксли, влияние и авторитет которого в кругах интеллигенции западных стран огромны.

В коллективной работе «Возражения против гуманизма» теоретиков МГЭС, отражающей различие во взглядах внутри этой организации, одна из статей посвящена критике Хаксли за использование им религиозно окрашенных понятий. В статье «Критика гуманистической теологии» Рональд В. Хепберн, отмечая, что концепция Хаксли не претендует на гармоническое сочетание великих религий и новой религиозной идеологии западного мира, вместе с тем выделяет, что язык его, заимствованный из религии, перенасыщен метафизическими значениями и достаточно запутан. В действительности же, считает автор, нарушение четкости границ такого рода контекста чревато неверной трактовкой самой сути гуманизма — явления светского по своей природе, его смыслу и задачам.

Хаксли принадлежит к тем немногим крупным мыслителям-гуманистам современного западного мира, чье мировоззрение не окрашено в пессимистические, апокалипсические тона. Он вместе с прогрессивными учеными боролся против вредных социальных последствий научно-технической революции, за ответственность ученого и его гуманистические установки.

Продолжая традицию естественнонаучного материализма, агностически окрашенную в соответствии с идеями его

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 298.

деда Томаса Гексли, Джулиан Хаксли, будучи либерально настроенным интеллигентом, не призывает к революционным путям претворения в жизнь «позитивного гуманного», или, как он говорил, «научно обоснованного гуманистического идеала». Его путь — просветительство и либеральные реформы.

В своей речи при открытии ЮНЕСКО («ЮНЕСКО: ее цели и философия», 1946) он говорил: «Сколь бы ни была длительна и тяжела работа по улучшению общества и нравов, оптимистическое, или, точнее, мелиористическое («улучшательское») мировоззрение имеет право на существование, вселяет надежду и стимулирует действие».

Джулиан Хаксли признан как крупный ученый-естествоиспытатель, выдвинувший убедительные аргументы в пользу материалистического мировоззрения, опровергавший аргументы религии о сверхприродном происхождении человека и морали. Что же касается его этической программы, то нельзя не отметить, что при всей ее непоследовательности и слабости эта программа ориентирована на утверждение тех идеалов, которые унаследованы от прогрессивной общественной мысли эпохи подготовки буржуазных революций.

Хаксли, как и его идейные предшественники-материалисты — дарвинисты, эволюционисты, стремился преобразить мир этики, нравственности, морали, не видя тех реальных, действительных путей и возможностей, которые заключены в борьбе за революционное преобразование общества.

Марксистский анализ творчества этого ученого и философа предполагает учет объективного смысла и характера его научных концепций и демократических устремлений. Это именно тот случай, когда союз с представителями науки, объективно пришедшими к обоснованию идей материализма и атеизма, мог бы дать положительные результаты.

Как мы видим, Дж. Хаксли заявляет себя открытым защитником материализма. Более того, он открыто поддерживает положения диалектического материализма; он — противник идей сверхприродного, потустороннего начала. Один из активных и сознательных борцов за освобождение духовной сферы морали от религии, свою платформу этики, «эмансипированной от религии сверхприродного», свой эволюционный или «научный гуманизм» он пытался предложить в качестве философской платформы

ООН, зная, что многие делегаты ООН являлись приверженцами традиционной религии. И хотя сам автор концепции не признавал атеистического ее характера, предложенная им платформа «научного гуманизма», «эволюционной этики», даже облаченная в терминологические одежды «новой морали», была оценена как содержащая атеистические элементы.

Конфликт «самопознания», «самоаттестации», каким он был у Томаса Гексли, в судьбе Джулиана Хаксли превратился во внешний конфликт.

В редакционном предисловии к фрагментам работы Хаксли «Назначение ЮНЕСКО», опубликованном в юбилейном номере «Курьера ЮНЕСКО», говорится: «В 1946 году, еще до официального создания ЮНЕСКО, Джулиан Хаксли написал работу о назначении этой организации; вокруг его работы разгорелись большие споры, поскольку кое-кто усмотрел в ней «антирелигиозные тенденции». В результате Подготовительная комиссия и первая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО воздержались от официального одобрения этого документа».

Сам Хаксли комментирует это следующим образом: «...как оказалось, гуманистическую позицию, из которой я исходил в своей брошюре, некоторые делегаты восприняли — кстати сказать, совершенно ошибочно — как отрицание религии, а мои либеральные взгляды кое-кому показались коммунистическими».

Известно, что в период «холодной войны», охоты па ведьм Дж. Хаксли не избежал нападков реакционной буржуазной прессы, обвинившей ученого в антирелигиозных тенденциях и, значит... в коммунизме. Именно тогда ученый, вложивший много сил в создание ЮНЕСКО, первый ее генеральный секретарь, вынужден был покинуть свой пост с репутацией... красного. Такая же судьба постигла коллегу Дж. Хаксли, другого видного деятеля организации «Международный гуманистический и этический союз, Корлисса Ламонта, автора книги «Философия гуманизма», в которой Ламонт солидаризируется с рядом положений марксистского атеизма. В вышедшей в США в 1977 году брошюре «Приключения в мире гражданских свобод» он рассказывает о прямых преследованиях его в качестве «красного», «коммуниста», «подрывного элемента». Ему запрещали читать лекции по проблемам светской этики, выдворяли по требованию ЦРУ и ФБР из Канады, куда он приехал с лекциями, подвергали допросам в различ-

ных сенатских комиссиях по проверке лояльности, оказывали всяческое давление, учиняли за ним слежку и т. д.

К такого рода приемам и подобной идентификации политического и мировоззренческого феномена прибегают клерикальные силы и буржуазные институты с целью политической дискредитации личности.

Анализируя эту тактику, один из современных защитников идей атеизма и материализма, Д. Трайб, в книге «100 лет свободной мысли» говорит о механизмах и логической «процедуре», с помощью которой добиваются «идентификации» коммуниста и последователя нетеистических и атеистических убеждений. «Как распознать их (коммунистов)? Без сомнения, они должны быть атеистами». Этот грубый ход рассуждения, являясь не более, чем преувеличением, тем не менее оказывает сильное воздействие... в особенности благодаря усилиям католической церкви, настаивающей на такой идентификации приверженца нетеистических и атеистических убеждений с коммунизмом, принадлежность которому в годы «холодной войны» рассматривалась как легальное основание для притеснений и санкций.

В работе «Ценности атеиста» весьма далекий от коммунизма английский теоретик Р. Робинсон, обосновавший, в частности, высокие нравственные стандарты на нетеистической и атеистической основе, отмечал: «Едва ли педеля проходит без того, чтобы кто-нибудь не напал на атеизм, утверждая, что, пока свободные нации не верят в него, они смогут предотвратить наступление коммунизма. Это представляет собой аргумент чрезвычайно аморальный».

...Традиционная деятельность английского национального светского общества по внедрению светского образования была атакована в 1976 году рядом организаций при поддержке государственных институтов; последователей нетеистических и атеистических убеждений обвинили в том, что, «атакуя бастион христианской морали, свободомыслящие проводят в жизнь коммунистическую стратегию», «...насаждают атеистическую философию», «...часто с политическими мотивами и нередко с революционной интенцией».

Такой курс сочетается с административными формами притеснения и дискриминацией носителей секуляристских и атеистических тенденций (изгнание из школ преподавателей-атеистов и т. д.), дополняется всеми видами и формами более утонченной (для потребителя-интеллигента)

фальсификацией атеизма, клеветы на него, третированием атеиста как личности, лишенной моральных устоев. Таким образом, атеиста ставят в ситуацию социального, политического, морального конфликта, из которого отнюдь не легко найти выход в рамках буржуазного сознания. Разрешение этого конфликта — в переходе на позиции подлинно научного атеизма, атеизма марксистского. И хотя идеологическая машина буржуазного общества всячески искажает правду о марксистском атеизме, авторитет и влияние марксистского атеизма возрастают среди групп и организаций, борющихся с религией в условиях современного буржуазного общества.

* * *

Именно социальные причины воспроизводят и воссоздают те социально-психологические условия, которые определили продолжение «парадокса Гексли» в наши дни. Один из последователей организации борцов против церкви и религии ярко обрисовал это явление. «Неверующие обычно прибегают ко всякого рода заменам понятия «атеизм». Некоторые атеисты называют себя светскими гуманистами или натуралистическими гуманистами. Другие предпочитают называться рационалистами, свободомыслящими, этицистами, секуляристами, либералами, прогрессивистами, светоносителями, искателями истины... Эти группы знают, что верящие в бога сверхчувствительны к самому слову «атеист» или «атеизм». А перечисленные заменители как будто не кажутся столь оскорбительными... Атеисты убежденно знают, — продолжает он, — что бога нет. Но в то же время многие из них находятся под влиянием отношения верующих к атеизму. Это имеет место тогда, например, когда атеизм глубоко внедрен в подсознание ребенка. Когда ребенок переходит в состояние взрослого человека и получает естественнонаучное воспитание, он начинает понимать, что бога не существует. Но... атеизм рисуетя как обнаженная истина, на которую нужно надеть какое-нибудь одеяние: его подсознание остается вне контроля со стороны его интеллекта. Придет время, когда этот остаточный предрассудок исчезнет...»

Обращая внимание на то, что многие неверующие ученые избегают называть себя атеистами, поскольку они живут в теистическом обществе, в теистической среде,

автор заключает: отвращение к атеизму будет удерживаться, пока не будут осуществлены два условия: 1) пока неверующие, ученые, педагоги и мыслители не будут открыто отстаивать атеизм и 2) пока население в своем большинстве не станет атеистическим.

Даже самые воинственные из исследователей движения атеистов и свободомыслящих в современном буржуазном обществе, абсолютизирующие борьбу против религии, видящие в религии врага прогресса, не понимают, что атеизм сам является одним из факторов социального прогресса, реальное осуществление которого лежит на путях революционного социального преобразования общества. Поэтому преодоление препятствий на пути атеизма лежит в общем русле борьбы против причин, порождающих религию как идеологию. Марксистский анализ сущности этой идеологии дает ключ к пониманию «парадокса Джулиана Хаксли». Когда классовые позиции и обусловленный ими комплекс предубеждений, атеистическая направленность выступают в адекватном виде. «Парадокс Джулиана Хаксли» воспроизводится в современных условиях под воздействием тех же социально-идеологических факторов, которые действуют в буржуазном обществе и которые породили в XIX веке парадокс Томаса Гексли. Единственным подлинным решением подобных конфликтных ситуаций является разрыв с классовой ограниченностью, выход за пределы буржуазного сознания, переход на позиции подлинно научного мировоззрения — на позиции марксизма, включение в реальную борьбу за его великие цели.

Если твоя профессия — лектор, то неожиданности тебя подстерегают на каждом шагу. И приятные и неприятные — и всякие неожиданности вообще трудно классифицировать, каждая может повернуться в любой момент своей обратной стороной, может содер- жать в себе оба «полюса значений».

Очень мне не хотелось отправляться в эту командировку после длительной простуды — температурные перебои и слабость, не закончена статья, которую журнал требует все настоятельнее. Самое же главное — цифры, необходимые для лекции. Их надо знать, помнить, представлять даже зрительно, тогда только они в твоей речи «зазвучат» с необходимой убедительностью. А в лекции о двух обра- зах жизни — социалистическом и буржуазном — оказался у меня недостаточно «освоенный» (в упомянутом циф- ровом смысле) островок — о потреблении и культуре потребительства в буржуазном обществе. Что ж, впереди дорога. Время — октябрьское межсезонье — самое для дороги подходящее: в поездах, идущих в украинском на- правлении, народу негусто, можно спокойно подгото- виться, поразмышлять, еще раз проработать весь материал.

С этим намерением и уселась я в уголочек купе плац- картного вагона, радуясь за пять минут до отхода поезда этой возможности посидеть в одиночестве. Достала книж- ки, которые собралась полистать: Н. М. Кейзеров, «Пато- логия потребительства», А. Г. Здравомыслов, «Жизнен- ные потребности трудящихся и их удовлетворение в усло- виях развитого социализма», В. И. Мотяшов, «Потреб- ляющий мир: за и против». Открыла на первой закладке книжку про патологию потребительства. Поезд движется. Определенно удача. А вот и нет. Отлетает вагонная шар- нирная дверь, на пороге мужская фигура. Вот тебе и уда- ча! На невольную мишу разочарования вошедший немед- ленно ответил — широко, понимающе улыбнулся: «Я до Харькова, не тужите, попутчик ненадолго»; он закинул спортивную аэрофлотскую сумку на полку, попросил раз- решения присесть напротив и немедля представился: «Фи- липпов Семен Гаврилович. Не прошу ни любить, ни жа- ловать, но мирно сосуществовать». Я тоже представилась.

И то ладно. Привычный, видно, к общению человек, а «мирное сосуществование до Харькова» и означает, что можно углубиться в свои книжки. Но за книжки уже

взялся сосед, раскрыв «Потребляющий мир», он вслух прочел подзаголовок: «За и против». Затем прочел подзаголовок снова с вопросительной интонацией и обращаясь ко мне: «А вы — против?»

Надо было спрашивать, что имеется в виду — за что и против чего? А хотелось посидеть тихо, отдохнуть, настроилась ведь заранее отдохнуть в дороге и сосредоточиться. Спутника чем-то задел заголовок и бегло просмотренные строчки оглавления.

— Пожили бы вы в новом районе, в Ясенево, например, — согласились бы, безусловно, за потребление и никак не против. Все там далеко: магазины, булочные, универмаги, универсамы. Зато университет близко, — я вяло пошутила. (В вагонном окне мимо нас проплывало здание МГУ.)

— Обратите внимание, в словах «университет» и «универсам» — общий корень, — немедленно подхватил спутник Семен Гаврилович, помолчал, вызывая собеседника на возражения. (И что же это я должна ему отвечать, вяло запротестовала я — мысленно. Не буду, не хочется.)

Потребление и потребление, видно, его интересуют и чем-то глубоко задевают, он быстро и внимательно листал книжки, реагируя на смысл неожиданными ухмылками и гримасами.

— В самом деле, не только корни одинаковы, но и знаменатель общий, один же смысл в основе. Универсам, универмаг, университет. Что-то я здесь чувствую общее, а выразить не могу. (В подтексте звучало: подскажите.)

Диалог этот не был еще беседой, какой-то опрос, односторонняя активность. Но, видно, это активность не просто досужего настырного говорильщика. Собеседнику интересен вопрос.

«Ну и попросил бы книжки, и читал бы их до самого Харькова», — подсказывала мне неделикатный ответ усталость и разочарование неосуществимостью первоначального плана. «Да разве в первый раз не получается как хочешь, ладно уж, отдых как-нибудь потом, интерес ведь у человека к теме всамделишный — не ситуацией подсказан», — увещевал во мне профессиональный лектор вчерашнего пациента поликлиники. Лектор взял верх над пациентом, как раз в день отъезда, благо больничный лист был закрыт. Семен Гаврилович почувствовал изменение настроения собеседника.

— Неплохое сопоставление по принципу общего кор-

ня и общего знаменателя: университет—универмаг—универсам? Общее все же очевидным образом присутствует — так?

Интересно порассуждать про это, — продолжал он. — Я за потребление, сразу скажу, и пусть самое потребление будет полное, тогда и отдача полная. Все равно что-то является первичным, сначала — потребление, потом — отдача, и в прямой пропорции, так? А ведь что-то есть в моем ряду, в цепочке трех «у», что-то есть. Я программист, работаю с лингвистическими командами для счетно-решающих устройств (вы, может, знаете, что в кибернетике сейчас переходят, правда на наиболее сложных машинах, от цифровых сигналов к словесным), поэтому-то, наверно, и улавливаю в этих трех «у» некое общее. Только в чем оно состоит?

Может быть, в том, что одно «у» (универсам, универмаг) удовлетворит потребности больше материальные, а другое «у» — университет — духовные; общее в том еще, что один ряд «у» и другой призваны два вида главных потребностей удовлетворять максимально полно?

А что, разве в университет стремятся не для того, чтобы больше получить в универсаме и в универмаге? Это я шучу, конечно, но что-то в этой шутке есть. Что-то есть.

Не успела я ответить, как он ответил сам:

— Потребительская психология, скажете, ну и что плохого в ней? В отпуск на международный кинофестиваль я в Москву приехал (ухватил-таки билеты, по два сеанса смотрел каждый день). Во всех картинах, хоть страдания и всякие драмы, все всё имеют, бери — не хочу. Да и сейчас вот на выставке в Сокольниках побывал, тоже потребление «там» «бери — не хочу». Что скажете?

Он явно меня «заводил». Ну и пожалуйста, скажу. Как раз это его «что скажете?» — про тот раздел, который собиралась я подработать в дороге, еще раз «обкатать». Сам напросился Семен Гаврило ич, я тут ни при чем.

Проводник принес чай, собеседник достал конфеты и овсяное печенье. На вагонный столик легла глянцевая «гармошка» — реклама различных упаковок, яркие причудливые фигурки, показано, как обращаться с этой пирамидкой, — внутри еще одна, там — молоко, как вскрыть обертки сигарет (если покупаешь сотую пачку в том же магазине, полагается тебе премия тоже в красивой обертке). Гармошка так и светится, будто елочные украшения. Красиво и денег стоит, а зачем? Какую по-

требность удовлетворяют эти хитрые игрушки? Потребность в чем? Не искусственная ли это потребность?

А разве правильно так сказать: искусственная потребность? Потребность — это же самое естественное...

Как сказать?

— А скажите.

Прошу извинения у Семена Гавриловича, что, отвечая на его просьбу, кое-что подгляжу: цитаты, может быть, цифры.

* * *

...Представьте картину.

Тысяча американцев однажды вдруг повели себя странно и в то же время одинаково: все как один устремились искать пива, каждого подгоняла острая потребность. Это были зрители, только что они просмотрели новый боевик. И не сюжет, не погоня, стрельба и красотки у них на языке, а как бы побыстрее раздобыть пивка. Не герой-супермен владеет их воображением, а образ кружки с пенящимся паштком. Тысяча кинозрителей, покинувших зал, действуют под влиянием неодолимой потребности. Это искусственная потребность. Она навязана, внедрена методом взлома защитных психологических барьеров человека. Изображение пенящегося пива мелькает между кадрами фильма и не фиксируется сознательным восприятием, но проникает в подсознание и оставляет там стойкий след, образ. Мастера манипулирования сознанием, в данном случае хитрики капиталистической рекламы, получили доступ к первейшим началам человеческого поведения — к механизмам потребностей и побуждают человека к одному «главному» действию: стать потребителем моей продукции. Этого мыла, этого сорта пива, данной модели автомобиля требует бизнес торговый. Политический бизнес и его идеологи не щадят нас. Пусть с детства возникнет потребность быть агрессивным — бизнес, торговый бизнес, «культурный» дадут ребенку макет орудия насилия и соответствующие воспитательные средства, чтобы не сложилась потребность в доброте и сочувствии, в справедливости, гуманности, самостоятельной мысли.

Два крайних полюса у потребности, этого первейшего человеческого элемента, у механизма, рождающего активность, действие. «Должный, добрый, благой». И другой смысл: «губить, уничтожать» (Даль).

На благо человеку или, наоборот, во зло ему направлено потребление продуктов материального и духовного производства.

Английская же «Таймс» предлагает и вовсе вернуться к рациону питания военного времени, то есть к тому, когда выдавались по карточкам фунт хлеба и картофеля, бутылка молока в день. Нищание значительных слоев — факт. Катастрофично и другое целенаправленное разорение человека с помощью игры на вращенных намеренно извращенными потребностях: разнообразных фетишах престижа, «причудах» потребительства, направленных на вышибание человека из бюджета.

Их много, символов престижа, без коих «неудобно появиться на людях», без обладания которыми «выпадаешь из припятия». А точнее, из предписанного, запрограммированного тем, кто заводит механизм потребления и получает прибыль денежную и прибыль другую, не менее солидную, — поглощение человека сплетной. Только коммунисты выдвигают действительную альтернативу этой катастрофической тенденции.

Потребитель бунтует, прибегает к средствам самообороны. Создаются «движения сопротивления потребителей». Созданы журналы якобы независимые, призванные давать информацию о товарах. Однако, например, члены совета потребителей в Англии назначаются министерством торговли, что было бы равносильно тому, чтобы просить участников напуганного ограбления поезда в 1965 году назначить комитет по вопросу охраны поездов. Добавим, что статус совета запрещал бы ему проверять товары и проверять жалобы от отдельных лиц.

Со страницы зарубежного журнала на читателя смотрят две семейные фотографии. На одной стороне страницы семья в «венском окружении»: уютный коттедж, автомобиль новой марки, цветной телевизор, холодильник и прочие аксессуары «семейного рая». На другой — тот же вещный мир, но разбитый на части. Мы видим одну панель дома, одно сиденье от автомобиля, дверь холодильника. Первое изображение — это как бы картина семейного благополучия, составленного по рецептам буржуазной пропаганды. Второе показывает семью, но в окружении предметов, которые ей реально принадлежат, если исключить вещи, купленные в кредит. Становится понятным, почему у членов семьи не хватает некоторых весьма необходимых предметов туалета: они куплены в кредит

и еще не оплачены. Понятными становятся и масштабы неврозов и других заболсваний, рожденных тревогой, неуверенностью. Понятно и обращение к «спасительным» наркотикам.

На последнем московском кинофестивале демонстрировался фильм с участием Джейн Фонда — «Веселые приключения Дика и Джейн». Доведенные до отчаяния молодожены, у которых забирают из дома все до единой вещи, не оплаченные вовремя по счетам, отключают электричество, выкапывают деревья и кустарники на участке, избирают путь самозащиты — решаются стать гангстерами. Каждые семь из десяти американских семей находятся примерно в таком положении, имеют какой-либо вид задолженности.

Человек представляет ценность, декларирует буржуазная пресса. Пожалуй, и немалую. Сегодня эта ценность оценена довольно точно. Сердце стоит около 20 тысяч долларов, почки — 13 тысяч: каждый орган оценен и является объектом потребления по определенной таксе (помните, как герой Альберто Сорди в итальянском фильме «Бум» продавал свой глаз?).

Заданная, внедренная, насаждаемая структура искусственных потребностей низводит достоинства культуры на последнее место в иерархии потребительских ценностей. В ходе одного исследования выяснилось, что каждый второй француз вообще не читает. Телевизор заменил книгу, беседу. Не окно в мир, но окно в миф потребительского, постиндустриального «общества равных возможностей» представляет ныне буржуазный телеэкран. Потребитель телепродукции отброшен назад, к временам оракулов: нынешний оракул вещает о людях как о вещах и о вещах как о значительных персонах.

Трагична судьба человека, загнанного в угол преследователями, добирающимися до его глубочайших нужд и потребностей. До самых главных в его духовном мире. Потребность познавать, понимать, раскрывать свои способности — одна из первейших для человека.

В статье «Что телевидение делает с Америкой?» популярный телекомментатор США Листер Кук раскрывает назначение этой деятельности (в которой сам он, кстати, участвует 28 лет): «Я думаю, телевизионные программы подавляют нашу способность выносить суждения, нашу способность управлять собственной жизнью».

В другом случае во время встречи на телевидении с телезрителями ведущие на вопрос, что волнует приглашенных больше всего, услышали единодушное мнение: «То, как люди позволяют превращать себя в роботов». Знакомство с миром нравственных, духовных, культурных потребностей социализма убеждает людей на Западе в том, что социализм является благом для человека, несет ему духовное здоровье. Американский политолог Дж. Урбан, размышляя по этому поводу, отмечает, что большую опасность для Запада имеет такое сопоставление, например, в регионе ГДР—ФРГ. «Так как все больше западных немцев лично знакомится с Восточной Германией, они удивлены некоторыми аспектами жизни там. Они открывают... что эта страна более простых, более ясных ценностей по сравнению с пульсирующими, хаотичными, насыщенными корыстными интересами и материализованными ценностями западных немцев. Западный немец видит в Восточной Германии целесообразность действий и искренность — черты, которые не находит на Западе...»

Процесс извращения духовных потребностей — прискорбный и уже не опровергаемый на Западе факт. Но и привычный, «нормальный». Мне в этой связи вспоминается примечательный эпизод. В Риме, в иезуитском университете, видный католический теолог и пропагандист читал лекцию о СССР по следам только что совершенной поездки (тенденциозную лекцию, злую). И вдруг не удержался.

— Знаете, что непривычно и поражает? В метро много читающих. Довелось даже видеть читающего милиционера. Вы видели что-нибудь подобное? — почти с возмущением воскликнул почтенный иезуит.

Присутствующие недоуменно переглядываются: полицейский, читающий в метро? Патология какая-то... В мире извращенных потребностей потребности здорового человека выглядят как-то странно.

Мир социализма решает проблему потребностей, исходя из подлинной гуманности, в интересах общества в целом и каждого человека. Как отмечено в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, успешное строительство развитого социалистического общества и «позволяет на практике делать главной и непосредственной целью общественного развития все более

полное удовлетворение многообразных потребностей граждан»*.

«Коммунисты — не сторонники аскетизма, искусственного ограничения потребностей людей. Напротив, свойственное коммунистическому обществу полное и свободное раскрытие всех способностей человека, его творческих сил предполагает и создание благоприятных материальных условий жизни. Но наш социалистический стиль жизни исключает расточительство, бессмысленную трату материальных ценностей, труда, энергии, которые имеют место в условиях капитализма», — отмечалось на XXV съезде КПСС.

* * *

...Семен Гаврилович с неудовольствием поглядел на листки в моих руках.

Это материал из доклада на конференции? Сейчас принято не читать по бумаге.

Он еще и недоволен... Но я честно предупредила, что цитаты и цифры придется мне прочесть. Собеседник мой, видно, из породы бесцеремонных людей. Видел же, что я не хочу поддаваться на его вопросы, активные пасочки. Потребитель какой-то всего, что ни встретит вокруг себя. Я не на шутку обиделась, вспомнила, что вчера еще была на больничном режиме. Пожалела, что вообще поехала в эту командировку, можно было неделю и переждать. Решила я тут же прекратить какое бы то ни было дальнейшее обсуждение. Собеседнику моему это дано было почувствовать. Он хотел что-то сказать, но удержался и вышел из купе.

Проснувшись утром, я нашла на столике записку, написанную крупными буквами на двух салфетках.

«Дорогая попутчица! Не такой уж я нахал, просто очень интересно было узнать про эти гри книжки. Вы их проработали, а я нет, и не предвидится возможности. Сработал великий принцип экономии мышления. А в цепочке «университет — универмаг — универсам» все же что-то есть, правда? Может, общий знаменатель? Мы с вами обменялись. Вы мне информацию, я вам хохму. Взаимное потребление. Можете упомянуть в лекции, разрешаю. А вообще спасибо. С. Г.».

---

* Л. И. Брежнев. О Конституции СССР. Доклады и выступления. М., Политиздат, 1977, с. 28.

Бросали в вас когда-нибудь камни? Со мной это случилось однажды, несколько лет назад, когда я приехала читать лекцию в небольшое село неподалеку от Ярославля. Обычное село, с церковью

XVIII века. Сельский клуб в ней и помещался, в бывшей церкви Петра и Павла. Тут-то и надлежало мне проводить беседу, или, как оповещала афиша, антирелигиозную лекцию. И был как раз день Петра и Павла — праздник церковного календаря, который в селе по старинке отмечали выпивкой немалое число стариков и старух.

У клуба, где ввсело объявление о лекции, я застала с десяток пожилых женщин. Громко, в разухабистой манере они убеждали друг друга в том, что лекция состояться не должна: грех ведь. Дверь следует заколотить, а лектора прогнать. Нетвердые в погах два мужика, попукаемые женщинами, уже забивали доской вход в клуб. Лектора встретили ворчаньем: «Явилась, подколотная!» Какая-то более других прыткая старушка со словами «Ишь, нехристь!» подняла с земли камень и кинула его в меня. Брошенный слабой рукой, камень попал в плечо и соскользнул в грязь.

Дух захватило у меня, вчерашней студентки: клуб заколотили, камнем бросили, обозвали «нехристом». Романтично? Вмиг вспомнились рассказы факультетского декана: «Как в первые годы...» в церквях белые оружие прятали, кулаки — хлеб. Агитаторов подчас избивали, лекторское дело было опасным.

Ну а что сейчас, здесь? Поднять вопрос о плохой воспитательной работе среди бабок и дедов? На это университетского образования не надо, не надо ни курса психологии, ни истории общественной мысли. Возвести данный факт в степень и обобщить? Так ведь он нетипичный, это сегодня казус, недоразумение. Нынешние бабки и деды колхоз создавали, войну вытянули, да и сейчас здорово работают. Романтика-то, пожалуй, в том и состоит, чтобы провести этот разговор с теми самыми людьми, кто сейчас дверь заколачивает.

Я подняла брошенный в меня камень и подала его бабке:

— Вот, бабуся, вам билет в самый первый ряд.

Стоящие рядом два молодых парня засмеялись: «Вы-

вернулась». Бабка в запале не заметила жеста, ответила на приглашение:

— Да чтобы я пошла грехом себя марасть!

— Пожалуй, — согласилась я, — можно и здесь поговорить, дождя нет, и опять же греха не будет.

Стал подходить народ на лекцию. Кто-то возмущался бабкиной выходкой, кто-то укорял пьяных: «Ладно баловать-то». Молодые парни пересмеивались, отдирали прибитую кое-как доску: «Через пять минут начнем».

Большой был соблазн — обобщить (для себя) этот случай, представить его образцом фанатизма. Можно просигнализировать. И чтобы меры приняли, и чтобы повысили уровень воспитательной работы.

Но мне виделся этот казус иначе. Фанатизм ни при чем. Просто безразличные к делу атеистического воспитания люди решили поставить атеистическую «галочку» и в день религиозного праздника провести «ударное» мероприятие. В лоб то есть: чтобы в церкви, чтобы афиша атеистическая. Однако из этого ничего не вышло. Получился бессодержательный, но громкий шум на всю деревню. И искусственное возбуждение страстей. Удобный повод побузить: зачем, мол, старух обижают, праздник им не дают справить спокойно: «Мало того, что церковь закрыли, еще назло и лекцию сделали!» Ну что ж, вытягивать эту ситуацию, значит, должен лектор.

Была это не то лекция, не то беседа, не то вечер вопросов и ответов — сначала под открытым небом, потом в здании, когда дождь все-таки пошел.

Тема в афише была объявлена как антирелигиозная, но толковали обо всем — и о международной обстановке, и о космосе, и о том, какие песни сейчас в моде. Потом перешли к местным делам: про неполадки на консервном заводе, где работало большинство присутствующих. Каждый пропагандист и лектор знает, о чем бы с трибуны ни говорить, а вопрос-рассуждение: «Почему непорядки и что пужно сделать, чтобы было лучше?» — всегда наготове у присутствующих, потому что в жизни очень редко бывает, чтобы все было гладко. А дальше — и о месте человека в жизни: «На что способен, что в силах изменить человек?» И надо ли вмешиваться, чтобы изменить...

Спокойная коренастая женщина встала и заговорила с места. Это был не вопрос — скорее выступление, размышление вслух.

— Поместили у нас тут на доску Почета за хорошую работу человека, а потом портрет сняли: узнали, что он верующий.

Мне надлежит комментировать. Я рассказываю про ленинские принципы отношения к верующему человеку, о воспитательной работе, которая строится на уважении к личности, на умении убеждать, вести мировоззренческий спор. Против неправильной идеи, за человека.

Этот переход к вопросу о религии и затянул беседу нашу за полночь. Вопросы, реплики, суждения отражали не сегодня родившиеся мысли: может ли религия не мешать человеку нашего общества в его делах, какую вообще она роль играет в жизни человека, почему он обращается к религии?

Те же размышления встречаем мы в письмах-откликах читателей на материалы, касающиеся религии, церкви, религиозной морали.

Сам факт веры в бога для разных верующих имеет не одинаковый смысл и значение. Для многих посещающих церковь, мечеть, молельный дом или костел религиозность не является в жизни определяющим началом. Часто это скорее бытовая традиция, воспринятая в семье, где еще гнездится угасающая вера. Для других религиозность представляет мир особых переживаний и чувств, который сознательно ли, по пастырской ли, по родительской ли воле в той или иной мере отрешен от среды, где человек живет повседневно. А иногда и противостоит миру социальных отношений, требованиям, критериям, порядкам и принципам нашего общества. В этом случае мы имеем дело с фанатиками, с церковниками самого реакционного толка.

Карл Маркс, называя религиозное сознание иллюзорным, извращенным, писал, что это «самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял». Верующий, погруженный в мир религиозных иллюзий и переживаний, как раз и есть тот человек, который не нашел или потерял свое место в обществе, мире, в отношениях с другими людьми.

Лекторам часто приходится беседовать со своими слушателями. Нередко они задумываются о том, что верующие далеки от нашей жизни. Пастыри нередко стремятся отколоть их от неверующих, делят людей на «чи-

стых» и «нечистых». Тут подчас продуманное и целенаправленное стремление противопоставить тех и других, внушить верующим ощущение своей чуждости остальным. И одновременно — чувство превосходства над «нехристями». Это претит верующим и, случается, побуждает их порвать с церковью.

Культивировать «исключительность» верующего — это и означает возводить стену между человеком и обществом, между человеком и миром. Религиозное «микробратство» — это братство с отрицательным знаком, оно против инаковерующих, против неверующих. Здесь царит групповая мораль, ее установления и запреты приходят в столкновение — порой драматическое столкновение — с теми понятиями, правилами, моралью, по которой живет социалистическое общество.

«Они атеисты, их порядки не наши», «Они нам не указ», «У них свои законы» — это лежит в основе разделения на «чистых» и «нечистых».

Атеисты такого разделения не проводят. Они пытаются помочь всякому верующему разобраться в себе, в мире, в своих отношениях с обществом, снять противопоставление человека человеку, человека — миру, помогают найти свое место в жизни, утверждают социальную ценность человека. Тот, кто беседует с верующим, размышляющим о религии, слышит множество рассказов о плодотворности такой помощи и такого общения.

Написать эти слова просто, а в жизни все куда сложнее. Переход от одной системы воззрений, от одних убеждений к другим — это трудная ломка, порой душевная драма. И овраги-то встречаются там, где голоса разума и сердца слушать не хотят. Разуму нередко противопоставляют произвол, фанатизм, жертвами которого прежде всего оказываются дети.

Мне довелось познакомиться с редакционной почтой одной газеты.

«Я пионерка и скоро должна вступить в комсомол, — пишет четырнадцатилетняя ученица 7-го класса из Ростовской области, — учусь хорошо, я хочу быть актрисой и имею похвальные листы за художественную самодеятельность. В школу мамка не пускает меня и брата, говорит, что без пользы эта школа, надо богу молиться. Дорогая редакция, помогите! Ведь я хочу учиться!»

«Мамка не пускает...» Никто не вправе навязывать религиозные воззрения юным умам и душам. Это звучит,

пожалуй, лейтмотивом бесед да и писем-откликов на атеистические материалы в газетах.

«Мучайся сам, тащи эту пошу всю свою жизнь за собой, раз уж не в силах избавиться от нее. Но других людей, детей своих оставь в покое», — пишет шофер Эдуард Калинин из села Андреевка Днепропетровской области.

...Ну а «запретительные меры» против религии? К принятию их призывают иные читательские письма. Вмешательство общественности, а когда надо, и судебных органов ставит преграды тем, кто религиозное чувство раздувает в религиозный фанатизм, кто использует веру для противопоставления человека миру.

Но борьба против религии — это прежде всего созидательное, доброе, позитивное дело. В. И. Ленин учил нас бороться против религии, ЗА человека. За полноту его жизни, его счастья. Культурную, просветительскую, воспитательную деятельность общество направляет на избавление людей от необходимости обращаться за утешением к религии. Это главное.

Если человек держится какой-то религиозной веры, религиозных взглядов, припудрительно «осчастливливать» его никто не будет.

Статья 52 Конституции СССР гарантирует гражданам право «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается», говорится в этой статье.

В нашем государстве функционируют духовные академии, семинарии, медресе. Духовные учебные заведения, как и другие религиозные учреждения, существуют именно для того, чтобы верующее меньшинство населения могло отправлять свои религиозные потребности. Это атрибут демократии. И закон не позволяет ущемлять права верующих, что пытаются делать некоторые ретивые администраторы.

Из бесед, которые возникают после лекции, выносишь рассказы о жизненных ситуациях, о судьбах. А случается, идет к тебе с просьбой уладить «внутриобщинные», внутрицерковные дела. Верующие с полным доверием адресуют газете или через газету органам Советской власти просьбу: наведите, дескать, порядок, сами не можем, а церковные власти на сигналы не реагируют. У одной церковной активистки — члена «двадцатки» увидела я вырез-

ку из журнала с текстом постановления ЦК и Совета Министров СССР о ликвидации ошибок и недостатков в атеистической работе. Висело оно рядом с божницей.

Разговор с теми, у кого сомнение, и с теми, кто является активным приверженцем религии, идет откровенно, всерьез, уважительно. И это, пожалуй, потому, что ныне серьезнее стали искать основу и корни идейных блужданий человека и его взаимоотношений с обществом, щедрее делятся духовными своими богатствами. Больше чем когда-либо ранее знают лекторы по атеизму историю религии, социологию, философию, свободно вступают в разговоры о самом содержании религии. Не боятся дискуссии, споров. Не боятся и того, что кому-то вдруг вздумается бросить то ли настоящий, то ли символический камень... Но пусть будет этот камень брошен до лекции, встречи, беседы. А не после!

Для меня эта история начинается с вечернего плова в доме друзей, в кишлаке, посреди хлопковых полей. Точнее — с висячей лампы в центре айвана. Айван — место сбора семьи: зал, гостиная.

Три стены у айвана обычные, глиняные, а четвертой стены нет. Вернее, стена есть, только это — персиковый сад, с соловьем, журчащим арыком, с навесом из виноградных гроздьев и бахромой по карнизу айвана. Бахрома из роз и других душистых растений. Живую эту «стену» скрывают сумерки, пока на айване не зажгут низко висящую лампу. Лампа впускает в дом и вечерний сад, и розы, и журчащие арыки. Огонь собирает к семейному ужину и обитателей сада — все жужжащее, крылатое, стрекочущее. К тебе в пиалу падает зеленый богомол, бабочка или страшный рогатый жук в черном панцире — все летят на свет. Хозяева улыбаются твоим страхам — эта живность безобидная.

А есть действительно страшная живность — не домашняя она, а полевая. Хуже гюрзы (от той хоть веревкой верблюжьей можно защититься). Хуже фаланги (та кошмы боится). Есть настоящее чудовище, страшная живность — гусеница такая. Она поедает хлопок.

Достаток из-за гусеницы этой упал в наших домах, пропал труд кишлака, все ходим сами не свои, что делать — не знаем, жалуется мне хозяин дома. Про это чудовище картинки развешаны. Видала я эти плакаты. На них рогатое чудовище. Зелёное, скользкое, с выпученными глазами — это и есть та самая гусеница.

Саид, младший из сыновей хозяина, студент сельскохозяйственного института, приехавший на каникулы в отцовский дом, принялся рассказывать, какие беды пришли с этим хлопковым вредителем. Но был остановлен суровым взглядом отца: по обычаю гостя не полагается расстраивать дурными вестями.

...Уехала я с тяжелым чувством. И очень обрадовалась, когда прочла однажды в газетах о победе над вредителем. Сообщалось, что разработан способ борьбы с гусеницей — химическое опыление растений. Сообщалось также и о необыкновенно высоком КПД нового метода — ни одной гусеницы не останется на полях. Это

борьба до победного конца. Значит, у моих друзей все в полном порядке. В семьях — достаток, настроения отличное.

И когда довелось мне в эти края попасть, спешила я поехать и поздравить друзей.

...Снова вечерняя трапеза в кругу моих друзей. На том же айване, под той же лампой. Лампа «включила» персиковый сад, и журчащий арык, и виноградный навес. Но что-то «не включилось». Недостаёт чего-то.

Чего же? Не слышно возни, шороха и пения птиц. Отключены звуки вечернего сада. Почему не падает ко мне в пилу богомол, не пикирует на плов бронированный жук, бабочки не торопятся обжечь крылья о лампу?

Живности больше нет никакой: ни птиц, ни жуков. Канарейка одна осталась. Потому что в клетке она и питается зерном. А соловей погиб, потому что он ест насекомых.

Насекомых же извели ядохимикаты. Те самые, которыми извели зловредную гусеницу!

Достаток? Конечно, вырос, вместе с хлопковым урожаем. Вырос втрое. А вот змеи пачисто вымерли. «Пелужели змей недостаёт вам? — пеловко шучу я. — Или богомолы в шурпе, или бабочек в чае?»

И соловьев недостаёт, перепелов, да и богомолы, и шакалов, и змей. Младший сын Саид — теперь он аспирант — отвечает первый, нарушает привычный порядок — участие в разговоре по старшинству — он очень взволнован.

«От змей мы теперь не бережемся. Они съели, съев отравленных лягушек, а те съели отравленных насекомых. Вообще случается иногда парадокс: хищники гибнут раньше своих жертв. — в заальчивости Саид не заметил, что произнес афоризм. — Богомолы — они тоже хищники, как коршуны, например, голытька каждый для своего «контингента» жертв. И никаких нет. Кто будет за них делать санитарную работу? Посадить всякие отбросы?»

Ханум, помнишь знаменитые перепелиные бои на этом айване? Хобби моего отца? Боев перепелиных теперь нет. Один петух случайно сохранился -- бережем его, детям рассказываем про бои перепелиные. Теперь уж никогда и соловей к нам не прилетит. Ведь привлекает он на тот же самый куст, где гнездо вьет из года в год, а нашего соловья больше нет. И пелужели про фаза-

на — древнюю птицу, красу наших мест, я детям рассказывать только буду?!»

Повелительный взгляд главы семьи и насушенные брови остановили младшего сына, хотя он и аспирант, ученый человек.

«...Человеку мало сытного плова и обильного дастархапа. Семье недостает соловья, как недостает ежевечернему плову живой суеты вокруг висячей лампы.

Как проклятую гусеницу извести и как нашу живность при этом не потерять? И шакалов, и змей? Об этом голова болит у меня, у дехканина. И у него — ученого человека, — объясняет отец горячность Саида. — Какая мудрость вернет дехканину мир с землей, с природой и кто вернет соловья? Или уже не вернет — раз хлопок убытка нет?»

«Хапум, соловей вернулся!» — это Саид по-мальчишески звонко кричит, увидев меня. Теперь уже он кандидат наук, и встретились мы на важном совещании в Алма-Ате, где он представлял научный коллектив своей республики. Радостная весть дороже самых красивых слов и тысячелетиями отточенных формул приветствия. «Презжай, хапум, соловей вернулся!»

Соловья вернули ученые.

И это не было автоматическим торжеством нового. Это было результатом преодоления конфликта в среде ученых. Конфликта между сторонниками и противниками метода биозащиты растений.

В чем тут дело? Я узнала об этом из доклада ведущего ученого, выступившего на совещании первым.

Между насекомыми и растениями существует взаимозависимость, порой сложная и неожиданная. Чарльз Дарвин в своих трудах приводит много убедительных примеров тому. В частности, он писал, что на опыление красного клевера влияют... кошки. Опыляют эти цветы только шмели. Численность шмелей зависит от количества полевых мышей, которые уничтожают соты. В свою очередь, грызуны размножаются меньше, если на поле приходят охотиться кошки из ближайших деревень или городских окраин.

Одни насекомые питаются растениями, так делают колорадские жуки. Другие уничтожают себе подобных. Они хищники. Биологи изучают повадки различных па-

секомах. За последние годы выявлено более 500 полезных видов и дана биологическая оценка эффективности в борьбе с основными вредителями полей и садов.

Гусениц капустной совки на полях Воронежской области уничтожила трихограмма. Она похожа на крошечную осу. Многим, наверно, приходилось видеть, как над капустными листьями или над свеклой кружит мошка. Садится, вновь взлетает. Так «работает» трихограмма. Она отыскивает яйца капустной совки и заражает их, губит гороховую и яблоневую плодоядку, листовёрток, луговых и кукурузных мотыльков. В минувшем году трихограмму успешно применяли на площади около пяти миллионов гектаров.

Опыт показывает, что после обработки полей трихограммой на каждый гектар земледelec получает реальную прибавку к урожаю и озимой пшеницы, и сахарной свеклы, и капусты. Наука ведет работы по использованию и массовому разведению грозного хищника — златоглазки. Если трихограмма заражает яйца вредителей, то златоглазка поедает их. Охотится она на личинок колорадского жука, хлопковой совки, любит тлей.

Вся беда в том, что в естественных условиях златоглазка, как и трихограмма, размножается слабо. Выход один: разводить этих насекомых искусственно, а затем выпускать их в сады и на поля. Вот это и делают сейчас ученые.

Строительство биофабрик уже начато в Кабардино-Балкарии, в Воронежской области. В Молдавии такая биофабрика уже работает. Со временем подобные производства появятся на Украине, в Средней Азии и Закавказье. Преодолена действительно страшная опасность заражения районов нового освоения. «Поезжайте в Джижика: увидите результаты нашей работы». Эту фразу присутствующие ученые восприняли как ораторский прием — изящное завершение сухого по стилю доклада. Журналист же воспринял как деловую рекомендацию.

Мы приехали в область после победы над врагом хлопка и прежде всего отправились к энтузиасту биометода и бойцу фронта биозащиты. И встретились с мастером больших урожаев. Он же — гроза полевых вредителей.

Про Абдусадыха — бригадира комсомольско-молодежной бригады — пока не говорят: «Такой молодой, а уже знаменит на всю область». Дело в том, что область моло-

дая, можно сказать, новорожденная; размещается на самых дальних окраинах Голодной степи.

Какие неожиданности ждут здесь освоителя? Заведующая сектором учета села за руль хлопкоуборочной машины и проработала весь свой отпуск. Так же поступил и секретарь райкома комсомола — хорошо это как почин или дело к заработку сводится? Идея применять принципы стройотряда в работе студенческих бригад, ежегодно презжающих на уборку хлопка, — состоятельна ли она? Или, может быть, правы те, кто предлагает вообще отказаться от помощи горожан?.. Эти и многие другие вопросы стоят особенно остро именно сейчас и именно здесь. Вот почему занятый по горло Абдусадык Бегашев склонен поразмышлять о своем Октябрьском районе, о совхозе «Уч Кахрамон» и о том, как добиваться высокого урожая в маловодном году.

Мы выходили с Абдусадыком с хлопкового поля. В арыке вода поет голосом зурны. Беззаботная, веселая вода, сейчас она не работает, вольно резвится перед грядущим поливом. По-летнему горячо печет в этот осенний день. Место такое: Джизак — это, по одной версии, «белая крепость», а по другой — это «адский жар». Даже название реки Санзар окрашено тем же зноем — «Золотые частички» (вода, каждая частичка которой золотая). А земля — упорная, безответная к усилиям людей. Известно, что еще в XVI веке правитель Абдулла Хан пытался построить здесь канал Иски — Тюя — Тартар. Канал должен был соединить речку Санзар с Заравшаном. Пришлось бросить хану Абдулле свою затею, не хватило у него на это сил и средств. Знойная пустыня прогнала людей, не дала ни капли воды. Если верить народной молве, Тюя — Тартар означает «верблюжья тяга». Канал должен был брать воду из Заравшана с помощью колеса с прикрепленными к нему курдюками. Верблюд же должен был вращать это колесо. Верблюд не выдерживал зноя, и вода испарялась по дороге к каналу. А сегодня по руслу несостоявшегося четыреста лет назад канала течет вода.

Но ведь в нынешнем, например, году зной свирепствовал как никогда. Катастрофически мало было воды. Как же это — жара больше, воды меньше, а урожай лучше? Надо конкретно знать, как бригада Абдусадыка переспорила стихию, как мобилизовала науку и вековой опыт земледельца. Конечно, когда маловодье — на первое ме-

сто выходят артезианские колодцы. Это раз. И подходящая именно к этому случаю обработка земли — мягкая обработка, такая, чтобы после полива земля держала всю влагу с осени до весны. Тогда весной пахать не надо, а надо только бороновать. Давно это подсказано практикой и большой наукой. Бригадир хлопковой бригады много должен знать — для того чтобы ему удался его труд, работают тысячи ученых. Но без души, без любви к земле не будет у земледельца победы над могущественным врагом — маловодьем.

В бригаде Абдусадыка — его братья, тоже механизаторы, и родня — все молодежь. Абдусадык — старший, его слушаются беспрекословно: все до одного живут хлопковым полем, за которое в ответе.

Есть еще секрет — техника. Думают некоторые: есть водительские права — сел и поехал. Но хлопкоуборочная машина — сложная. У нее свои секреты. Да и механизм для подборки хлопка требует особого подхода. Недостаточно только выносливости и силы, какой обладает, к примеру, знаменитый в Голодной степи Ахмаджан Валиев. Ты должен, как это блестяще делает знаменитый Ахмаджан, сам исправить неполадки в машине и притом на ходу, иначе задержишь уборку. Задержишь уборку, любое облачко грозит тебе срывом, если из него брызнет дождь: хлопок станет другим, количество изменится, пропадет качество.

...Абдусадык Бегашев думал сейчас не о том, кого он догонит, и какие ему придется принимать почести в случае рекорда. Озабочен он был тем, чтобы ни одного волокна не пропало зря на поле. Именно у него, как у первой инстанции, спрашиваю я, как работает новая машина — механизм по опрыскиванию полей. Хороша ли машина? Хороша — считает Абдусадык. Хороша, потому что у нее, пожалуй, преимущество по сравнению с опылением авиацией. Во-первых, опыление новой малогабаритной машиной можно вести даже на маленьком участке земли, а самое главное то, что нижние слои хлопчатника она лучше «берет». И зона вредного действия меньше у новой машины, чем у авиационного способа.

Я присутствовала при том, как комсомолыцы передавали сделанные ими в нерабочее время 12 машин. Характерно, что ребята детально знают поведение машины на полях, они в настоящем контакте с механизаторами. Я передаю от них Абдусадыку привет. И он ответный

просит передать ребятам. Большое спасибо просит передать им и еще сказать, что пока с машиннами дефицит, мало их, очень нужны они и в Джизакской области.

Мне повезло, что я побывала в столице области в момент ее становления. Давным-давно мой отец был среди тех, кто осваивал Голодную степь, мечтал: вот освоим первую линию, потом будет самое трудное — Джизакская степь. Брожу по сегодняшнему городу и — знаю, что приеду снова, — вглядываюсь в облик города. Завтра он будет уже другим.

Уже существует генплан нового города Джизака. Органы планирования учитывают потребности населения, которое с 30 тысяч вырастет в 9 раз. В 11-этажном административном здании предусмотрены залы для занятий хлопкоробов-механизаторов, планируются библиотеки. Будет в городе новый театр, появятся скверы, парки.

...Некогда повелитель Ферганы Захиреддин Бабур, воитель, путешественник и поэт, правитель обширного района Инди, забрел в своих военных скитаниях в Джизак. Уставший после военных неудач и переходов по безводным пустыням, Бабур вознес хвалу трудолюбивым джизакцам. «Мы нашли новую жизнь и новый мир», так воспел он в «Бабур-наме» джизакский оазис XVI века, полный сладких дынь и чудесного винограда. К Джизаку и сегодня ведет тот же маршрут. Путь, лишивший некогда Бабура последних сил.

Сегодня этот путь пролегает через цветущую Голодную степь, через хлопковое поле Абдусадька Бегашева, через поселки и новые строительные площадки. Он пересекает сложные ирригационные системы, каналы, коллекторы. Этот путь, как и 500 лет назад, приводит в древний город. В штаб наступления на Джизакскую степь.

Именно в самый трудный момент становления в штаб пришла весть: «напал на хлопок вредитель». Травить химией? Это легче всего. Но... знают специалисты, что разрабатывается новый метод. У нового метода — множество неясных сторон. Поэтому немалое число специалистов осторожничали. Это поначалу. Затем — не приняли. А затем кое-кто и отверг. Тучи сгустились, конфликт захватил десятки людей. Мы не опоздали. Мы встретились с победителями и первыми полями, освобожденными от врага.

Экзамен спецкурса по этике без студента Юсина состояться не мог: по замыслу этого (особого) случая требовалось присутствие всего состава группы. Экзамен на четвертом курсе походил скорее на конференцию, хотя отвечать всем надлежало, как обычно, по билетам. 18 человек — 18 билетов, всем дается время на подготовку. Но эту работу кончают все одновременно, и участники слушают каждого выступающего. Ответы же планировались таким образом, чтобы воспроизвести весь курс с опорой на главные темы, от начала до самого конца. Ребята согласны были с такой организацией дела, несмотря на то, что на таком экзамене студент тратит значительно больше (в 18 раз!) времени, чем на обычном: ведь каждый студент и отвечает сам, и слушает выступления всех остальных, тем не менее все голосовали за эдакую необычность экзамена — тут сказали интерес ребят к предмету.

Как «работает» моральный конфликт; из чего состоят элементы моральной регуляции?.. Доверять ли мотиву? Обращать ли на него внимание или полагаться в оценке деяний человека только на результаты поступков? Все, что вызывало дискуссии еще на лекциях, теперь к экзамену «отстоялось», выкристаллизовалось в сознании и обещало сделать особенно интересным экзамен. Предполагалось, что при ответах будет допущен стиль дискуссии; каждый волен сформулировать и обосновать свою позицию, словно на конференции.

Необычность этого экзамена состояла еще в том, что проходил он по просьбе ребят досрочно, в эту сессию деканат запланировал два экзамена «лишних» по сравнению с утвержденной нормой, а времени дополнительного не предоставил. Возникал жесткий цейтнот, и ребята попросили меня как преподавателя этики — предмета, по которому записи вели все (а литературу прорабатывали после каждой лекции — и дело обстояло как будто бы благополучно), — организовать экзамен за десять дней до начала сессии. По правде говоря, это было не вполне законное мероприятие.

Собрались вовремя, в девять утра, в полном составе. Не было одного Юсина. Юсина мы ждали десять, потом пятнадцать минут — договорились ведь об общем участии. Начать можно было и без него, сдаст позже всех

или в другое время — таково было мое преподавательское мнение. Но ребят почему-то особенно волновало его отсутствие. Пожалуй, я догадывалась, в чем было дело. И все же мне казалось, что ждать всей группе одного студента неправомерно. Так наш экзамен-конференцию мы начали без него.

...Сергея П. рассказывал о структуре нравственного сознания, когда открылась дверь и в аудиторию просунулась голова Юсина. Ясные глаза широко раскрыты, на лице улыбка смущения и недоумения: «Можно войти?» Пеловко закрыв за собой дверь, он стоит, переминаясь, у порога. Я склонна не прерывать выступающего, жестом показываю, что Юсин может пройти и сесть. Но тут поднимается комсорг и, извинившись перед преподавателем, обращается к вошедшему: «Может быть, ты нам сообщишь причину своего двухполовиночасового опоздания? Был уговор, что участвуют в конференции все — это повторение курса».

Юсин пожимает плечами: тебе-то что, мол. Преподаватель разрешил зайти, значит, все. Он ухмыляется в ответ на вопрос комсорга и предлагает не мешать сейчас ходу экзамена — объяснит, мол, потом. Спрашивает меня вкрадчивым, подчеркнуто вежливым тоном: «Разрешите, пожалуйста, взять билет?» Юсин отходит от стола, взяв билет, но настойчивый голос комсорга снова его останавливает; он все же хочет услышать ответ от Юсина, почему тот опоздал, не подчинившись общему решению.

Пожалуй, придется прервать экзамен. Мне тоже небезынтересно поглядеть, как будет вести себя этот молодой человек.

Взглядом Юсин проверяет, разделяю ли я nastырность комсорга (не сыграть ли на противоречиях?). Видно, решил, что придется ответить на этот простой вопрос. Обращаясь ко мне за поддержкой, он объясняет: «Экзамен наш ведь подпольный, правда? Я не знал точно, в какой он аудитории, а если бы спросил в деканате, то подвел бы вас. Я этого не хотел, а у ребят тоже не у кого было спросить. Вчера я ни с кем не виделся, я болел. Вот и ходил из аудитории в аудиторию...»

Ну что ж, я готова согласиться: вопрос исчерпан. Все вполне убедительно.

Но здесь выступает очередной «оратор», отвечающий по билету: «Прости меня, но мы вчера разговаривали с

тобой по телефону вечером. Я знаю, что ты был в курсе дела. Не влиять бы тебе хоть на этот раз. А кроме того, зачем же ссылаться на досрочность экзамена — непорядочно же».

«Ну и говорили с тобой про экзамен. Речь шла о дополнительной литературе и номере аудитории, а не о времени. И вообще: может же человек чего-то не знать? А за незнание не отвечают...»

Видя, что ему готовы возразить, он более решительно добавляет: «Я не знал, ясно? А обратное доказать невозможно! Перед преподавателем я извинился, перед коллективом тоже, где же тут криминал?» Юсип садится за последний стол. Видимо, подобная ситуация для него привычна, «обратное доказать невозможно» срабатывает точно. Раздосадованный комсорт сконфуженно усаживается, сдается...

...Отвечают ребята интересно. Это и в самом деле конференция. Примеры в подтверждение рассуждений — из жизни. Стройотрядовская практика дала обилие материала для размышлений над тем, как утверждают себя социалистические нравственные нормы в труде, в быту, в отношениях между людьми. Отвечая, ребята разбирают случаи и эпизоды, из которых видно, как «работает» конфликт на пользу общему делу и к каким результатам приводит моральный максимализм, не считающийся с обстановкой. Или, наоборот, как действует желание во что бы то ни стало достичь компромисса во имя житейского удобства. Вижу: много полезного, важного вынесли ребята не только из своей производственной практики, но и из споров и сложных ситуаций в учебной группе, из собственных жизненных коллизий. Анализируют они и литературные примеры, и газетные материалы. Все это обилие бытия как бы перерабатывается ими на основе этической теории, в свете нравственных ценностей нашего общества.

Поправки и уточнения в выступления вносили сами же ребята. У преподавателя все основания испытывать удовлетворение: вырисовывается понимание, теоретическое осознание активной жизненной позиции. Похоже, не затянется экзамен, и я успею до закрытия кафедры оформить ведомость и оставить ее у старосты группы. Случай с Юсипом, как мне показалось, уже потерял свою остроту, ребята возмущались по поводу его довольно циничной расчетливости, да ведь не впервой им,

Юсин же, видно, оценил обстановку иначе. Он учуял некую для себя опасность и решил «не подставляться». К тому же уж очень у него «неподходящие» для данного случая были вопросы: 1) утилитаризм и прагматизм в буржуазной этике, 2) моральные принципы социализма и коммунизма, коммунистическое видение мира, высший принцип морали. Когда подошла его очередь выступать, Юсин поднялся, но не вышел на ораторское место рядом с преподавательским столом. Он скромно попросил дать возможность ему ответить в обычном, предусмотренном правилами порядке, а не на конференции, не при всех. Очень тихо, с нарочитой вежливостью подчеркнул, что имеет право на эту скромную просьбу: как известно, в стиле конференции экзамены проходить не должны, он лично предпочел бы нормальную процедуру. Я ожидала, что ребята возмутятся, проявят свои чувства — все-таки это была их общая инициатива, и Юсин тоже голосовал «за». Удивилась, увидев улыбки на их лицах. Жаль, что двадцатилетние научились так улыбаться. Научил их и Юсин, и, должно быть, другие на него похожие. Юные лица искажены гримасой, некоторой брезгливостью. Было ясно, что большинству противно с ним иметь дело, притом никому не хочется опускаться до того, чтобы разоблачать такую личность; прибавляется-то он мелочами, а мелочным из-за него становится самому — стоит ли? Ясно, что Юсин, можно сказать, шапталжирует преподавателя. Преподаватель, получается, вынужден пойти на его условия, поскольку в самом деле конференция — ведь неутвержденная форма экзамена, ребятам известно, что необычный статус его я в деканате обговорить не успела, а раз так, вряд ли хочется преподавателю отвечать на упреки администрации.

Я, пожалуй, и согласилась бы на предложение Юсина отвечать «индивидуально», если бы не позиция комсорга. Он без прежней своей горячности, очень вежливо и спокойно попросил от имени 47-й группы разрешения поприсутствовать всем на ответе Юсина. И пусть этот ответ будет вполне экзаменационным... по правилам и по инструкции. «Можно ведь удовлетворить и его просьбу, и нашу». Сказано это было корректно, мягко.

И правда, Юсину нельзя запретить отвечать одному. Но нельзя запретить и группе присутствовать при ответе. Юсин ясно не ожидал такого поворота. Он спросил-

тельно, и на этот раз без затаенной наглости, поглядел мне в глаза.

«Но ведь это не по правилам — их присутствие, не правда ли?»

«Пожалуй, правила этого и не запрещают», — отвечаю.

«Тогда я хотел бы в связи с тем, что опоздал, и в связи с ненормальной обстановкой попросить разрешения сдать вам вообще отдельно. — И, играя голосом, добавил: — В нормальные сроки, предписанные деканатом для сдачи экзаменов».

Ребята ждали моей реакции. Я была бы за то, чтобы Юсин раскрыл доставшуюся ему тему перед всеми ребятами, чтобы он высказался с трибуны, как это и предполагалось по начальному нашему сценарию конференции — ведь именно живое и коллективное осмысление опыта привлекало ребят и меня в этой форме экзамена. У Юсина тема... морально саморазоблачающая.

Но настаивать я была не вправе (так и сказала), на что Юсин ответил: «Имею полное право сейчас от ответа отказаться ввиду ненормальной обстановки, создавшейся из-за нарушения предписанных правил, порядка и процедуры. Прошу подвергнуть меня обычному экзаменационному опросу в установленное деканатом время приема экзаменов».

Преподавателю оставалось сдать. «Полное право» Юсина восторжествовало. Я не позволила ребятам вступить в пререкания с Юсиным. Экзамен должен идти своим ходом, без срывов. ...Инцидент с Юсиным забыт, экзамен подходит к концу. Но тут «слово» по своему билету берет комсорг...

Он блестяще ответил по первому вопросу: буржуазная мораль и ее кризис. Отвечая по второму вопросу: соотношение нравственных целей и средств, он несколько сбился поначалу, но объяснил это: «Я приготовил один план ответа, но у меня есть намерение проанализировать, может быть, не очень выигрышный для теоретических обобщений, но зато очень простой, расхожий «механизм», который мы сегодня с вами увидели. Я имею в виду вполне бытовой, простенький случай с Юсиным. А за этим случаем — сотни таких же в его исполнении. Сегодня перед нами простая модель, но за ней содержание... не совсем простое. Позвоительно мне разобрать этот случай? Пусть в общей форме, без личностей?»

«А какой, собственно, случай? — подает голос Юсин. — Случая-то нет, инцидент, как говорится, исчерпан».

«Случай типичный. И это совсем нередко, когда в самом деле удается остапам обеспечить видимость полного благополучия. Совершил деяние неблаговидное, а удается обеспечить алиби, моральную неподсудность. — Комсорг заметил преподавательское неодобрение и поспешил заявить: — Простите, не хочу заземлять или сводить к личностям, речь идет о модели поведения, причем распространенной, при которой самое важное — обеспечить достижение цели любыми средствами и уметь представить свои деяния, рационально «обработав» их под благовидные. Поэтому важен целостный анализ деяния, по-ступка».

Вопросительно посмотрев на меня и получив согласие, он четко и уже без волнения ответил точно по билету. Подверг критике отрицательную нравственную позицию и основанную на ней линию поведения, когда выбирают эффективные средства для достижения желаемой цели при полном пренебрежении к нравственному содержанию средств.

И при полном внимании аудитории, раздумчиво и не совсем гладко произнес: «Готовясь к экзамену, я очень много размышлял над тем, как происходит борьба морального зла против того, что является для нас нравственно ценным — добром. Если «зло» — сильно сказано, то назову зло иначе: это то, что противостоит должному. Прогивостоит и борется с тем, что мы с вами считаем святым, правильным или просто нормальным. Сама такая борьба морального зла против добра есть. Проявляется в многообразии форм. Например, моральное жульничество. Ловкая игра на честности, эксплуатация наших лучших качеств. Когда есть откровенность, прямота, доверчивость к человеку и в отношении к нему сняты «сторожевые посты». Порядочный человек, человек открытый, искренний не станет проверять другого, он как бы авансом считает другого таким же прямым, открытым, честным. Так что же, зная о возможности обмана, не доверять людям? Может, я взял пустячный, совсем простой пример, но выражает он основные механизмы, мотивы поведения личности, играющей на доверии во имя собственной выгоды. Я имею в виду того же Юсина. Пусть сегодня он совершил всего-навсего «маленькую оплошность»,

проявил простую забывчивость и фактически не пришел на экзамен, на конференцию, точнее. А в прошлом году, вы помните, что он сделал?»

Комсорг повернулся к ребятам. Во время возникшей паузы я видела лица ребят, проницные, с гримасой брезгливости, видимо, многие испытали неудовольствие: зачем сейчас напоминать о фактах моральной недобросовестности — экзамен же!

«Вот-вот, — загорячился комсорг, — и я так реагировал на это. Подальше от скользкого человека, подальше от моральной грязи... Но сколько это может продолжаться? Выгода для Юсина в этом случае с экзаменом есть. Он ведь не возразил, когда мы выработывали программу этой нашей конференции, давайте, мол, отвечать в обычном порядке. Не возразил, но поступил как ему лучше. Ущерб значительный он кому-нибудь принес? Вроде нет. Сумел немножко выгадать для себя — ну и что тут особенного? Он «не знал» (обратное недоказуемо). А скрытая угроза преподавателю? Тот ведь нарушил постановление ректората (а это, кстати, доказуемо), преподаватель наш вообще оказался в неловком положении, и время экзамена — непопущенное, и форма — непредписанная. Юсин и считает, что по линии преподавателя он застрахован от неприятностей.

На самом деле мы знаем его истинные мотивы: и доказать, обосновать его лживость и мелкое делячество, в конце концов, мы тоже в силах. К примеру, я сам ему говорил о времени экзамена!.. Все-таки надо нам знать про механизм подобных мелких делячеств в моральной сфере: моральная чистота и ловкачество, правда и ложь, честность и жульничество, искренность и неискренность. Поставлю вопрос: как быть? Что же, теперь мы должны всем не доверять, если встретились с моральным делягой? Или в порядке борьбы против него должны стрелять из всех пушек по одному этому воробью? А может, не стоит связываться из-за таких пустяков? Сам-то деляга всегда рассчитывает на то, что благородные возвышенные личности (при этом он сделал волнообразное движение обеими руками, явно пронизируя и насмехаясь) не станут об него мараться. Конечно, если человек считает себя правым, да еще к тому же полагает, что он благородный и порядочный, то он просто опускаться не станет даже до разоблачения мелкого жулика по части морали. А ведь это — моральный оппортунизм, слюнтяйство. В конце

концов это эгоистическая забота о себе, только о том, чтобы самому избежать общения с подобным типом. Но ведь есть же и другие, менее компетентные в вопросах этики, которых делец проведет и, может быть, доставит много забот, неприятностей и вреда не отдельным даже единицам, а целому, возможно, коллективу. Не «замараться» о делеягу, о зло — это, конечно, «прекрасная позиция». Но есть и другая — на основе знания, успешно и эффективно отстоять правильные позиции, верную линию и при этом не опуститься в борьбе против моральной гадости на позиции этого же субъекта.

Я думаю, что категория единоличной порядочности переходит в чистоту. Нужна принципиальность. Лишь с позиции идейного принципа возможно достигнуть полного успеха в борьбе со злом.

Четкий водораздел принципиальности становится той высотой, которая не дает опуститься до зла, если с ним борешься. Так вот, мы-то ко всему прочему в наших семинарах, в нашем спецкурсе практических занятий стараемся выковать моральное оружие для защиты наших принципов на деле, а не на словах. Моральное оружие для позитивного их утверждения в жизни. Оружие для принципиального поражения противника таким образом, чтобы не стать на его уровень, на его, если хотите даже, сторону, в смысле средств борьбы. Закулисные действия, в том числе мотивы и структуру поступка, мы теперь хорошо себе представляем благодаря нашим знаниям по этике. Давайте не закрывать глаза на мотивы поступка, на структуру поступка, на конечные результаты поступка. Давайте видеть человека какой он есть, целостно, тогда точнее сможем мы строить отношения с людьми».

Здесь речь комсорга оказалась смятой. Зазвучал хор голосов, можно было разобрать: «мотивы», «мы не хотим, чтобы нашим доверием играли», «что же теперь, всем не доверять, что ли?».

Пришлось преподавателю свернуть дискуссию, предоставить слово студенту для темы — логика моральных ценностей, критерии оценки мотивов и поступков. Это последнее выступление было выслушано уже не с таким вниманием: по лицам видно, переживают ребята речь комсорга.

Преподаватель в затруднительном положении: конференция оказалась плодотворной, но у нас все же экзамен,

а тут самый настоящий нравственный конфликт. Вот что значит нарушать установленные рамки, корю я себя...

...Отметки выставлены, зачетки вручены. Отдельно, посреди стола, красуется раскрытая юсинская зачетка. Ребятам явно хочется увидеть завершение демарша. Назначию Юсину день сдачи экзамена и час. Вот, оказывается, почему задержались ребята: они решили прийти на этот будущий его экзамен. Имеют полное право. (Юсин же свое «полное право» реализовал.)

Не пришел Юсин на экзамен в назначенное время — представил справку о болезни. Сдавал он после окончания сессии, и не мне. А вскоре и вовсе перевелся в другой институт.

Что ж, имеет полное право.

школьные истины — мы так говорим про самое прочное в нас, осмысленное еще в школе, с тех пор ясное по самой своей сути, принятое на вооружение на всю жизнь — «еще со школы».

А если осваиваются школьные истины затем, чтобы легче было их обойти?

Да разве бывает так в школе? Вот после... Но если бывает «после», то начинается все в школе.

Присм в комсомол, рекомендации вступающим — такова повестка дня классного бюро ВЛКСМ. Достоин или недостойн. Или надлежит тебе пройти испытательный срок. Решают твою судьбу не одни только привычные, почти домашние мерки классного бытия, а еще новые для тебя, другие. Над привычками и сложившимся классным каждодневным бытом возвышаются принципы комсомольской жизни. В их свете должна сейчас предстать Аня перед классным бюро и перед собой. Соответствует ли Аня принципам комсомола, это решают сейчас пятеро ее товарищей, членов классного бюро ВЛКСМ.

Пятеро восьмиклассников впервые прикасаются к весам, где человек, его поведение, его комсомольская судьба, зависит от каждого из пяти и от коллективного мнения пяти ребят. Мнения принципиального. А как отделить позицию принципиальную от той, которая сложилась за восемь лет общения и складывалась и в ссорах, и в подначках, и в летучих симпатиях, сиюминутных ситуациях? Когда ты заседаешь в бюро, надо быть объективным, а значит, не пускать в твои оценки мелочное, предвзятое и пустяковое.

...Сейчас надо быть объективным к Ане. Она стоит перед комитетом, готовая выслушать решение: рекомендует ли ее классное бюро в члены ВЛКСМ.

— Аня, не кажется тебе, что это неуважение стоять перед комитетом и опираться на стол?

Аня откленила кулачок от уголка стола, приняла спортивную стойку. Только все равно нет должной устойчивости, что-то колеблется перед глазами, плывет: и доска далеко, и парта ближайшая отъехала куда-то.

— Аня, а помнишь, на политинформации ты больше всех шумела и вертелась, не могла дожидаться, когда кончится, и делала заявление, что неинтересно и скучно?

Надо сказать: «Помню. Исправлюсь». Но будет по-на-

стоящему принципиально, если здесь серьезно, без дурачества повторить свое мнение — нельзя проводить политинформацию после шести уроков в обычной школьной суете, нельзя, чтобы было формальное отношение организаторов и докладчиков. Ведь никто даже не протестовал на то, чтобы их слушали. Бубнили куда-то в угол. Конечно, невыгодно сейчас это сказать, но надо. Попыталась Аня было, но не получилось. От волнения начался кашель, какой нападает на нее иногда как приступ. Аня только усиленно замотала головой. Одни поняли это как согласие: «Да, помню». Другие — как нежелание согласиться с критикой. Ладно, пошли дальше.

— А как ты сама считаешь, дерзости в тебе не слишком ли много? Не выше ли она критической нормы?

— Если бы только дерзости... — с выразительной паузой роняет Тania, голько что выбранная комсоргом. Тапя смотрит холодно, отчужденно. Восьмой год сидит она с Аней рядом за партой. В седьмом классе и вовсе сдружились и вдруг такой взгляд. Может, это и есть принципиальный? Да и у других чужие глаза. Непреклонность, отчужденность. Но почему?

Взгляд комсорга, адресованный каждому, свидетельствует: у комсорга есть веские основания для вывода дать Ане испытательный срок, чтобы исправить недостатки. Бюро не возражает против такого вывода. А конкретные недостатки? Учитя Аня хорошо, почти отличница, в общественной работе увлеченная, активная, конфликтов ни с кем вроде не было. Спросить же, какие недостатки конкретно надо ей исправлять, Ане не удастся. Схватил кашель, теперь уже не в горле, а где-то в груди закололо. Показалось, что поймут ее как плаксу, если этот кашель, похожий на рыданье, будет продолжаться. Она показала рукой на дверь. Ей разрешили выйти. На том бюро и закончилось. Аня была последней. Никому до нее в приеме отказано не было. Испытательный срок назначили только ей.

Аня вышла, а члены бюро, все пятеро, вдруг отыскали друга друга глазами. Во взглядах всех пятерых одинаковая встревоженность: каждый только что прочел записку, полученную Вадиком («оргсектором») и переданную для ознакомления другим. Теперь эта записка прошла снова от одного члена комитета к другому, в записке — злорадные слова об Ане, злые, насмешливые. Написала их Роза. Вадик, получивший записку первым, заскреб

затылок. Жест этот вполне импульсивный и непроизвольный. Потом с недоумением покачал головой. Это было понято остальными: братцы, беда!

Через два дня после окончания уроков бюро собралось стихийно. Теперь прочли записку вслух. Она кое-что проясняла. Оказалось, все это время ребята думали об одном и том же. Правильно ли, принципиально подошли к приему в комсомол Ани? Было ли решение объективным? На чем оно в действительности основывалось? Какие именно недостатки надо было указать Ане для работы в период ее испытательного срока? Записка Розы, сделавшая двойной «виток», показала: как такое решение под ее воздействием сложилось. Подружка Ани говорила заблаговременно по секрету с каждым из тех, кто решал Анину комсомольскую судьбу. Каждому передавалось, что Аля отзывалась о нем плохо такому-то и такому-то, таким-то и таким-то, тогда-то и тогда-то. Комсо-оргу Тане было сообщено, что Аня решила к ней втереться в доверие перед приемом в комсомол, оттого и дружбу укрепляла, а на самом деле думает о комсоорге такое... Ребятам сообщались об Ане порочащие сведения довольно инкантиного свойства.

А наша принципиальность где была? — рассуждали ребята. Разве имеем мы право поддаваться всяким там подталкиваниям, наговорам, сплетням? Как выйдем сами в собственных глазах и с точки зрения комсомольских принципов? Принцип требует быть выше, лучше, руководствоваться главным, политическим интересом. Насчет Ани бюро определенно ошиблось, пошло на поводу у Розы. А что касается Розы, то тут и спорить не о чем. Такую «тактику» и закулисные действия надо раз и навсегда прекратить. Какие бы ни были интересы у Розы, как посмела она использовать авторитет комсомольской организации в личных целях? У девочек соперничество — но разве можно решать его с помощью таких «рычагов»? Решение было вынесено как об Ане, так и о Розе. Бюро еще раз рассмотрело вопрос и рекомендовало Аню в ряды ВЛКСМ, бюро строго осудило Розу за закулисную деятельность, наговоры за спиной товарища. Но возник вопрос: помещать это решение в классной газете или нет? Весомое соображение: история эта хотя и принципиальная по сути дела, она все-таки носит чисто моральный характер, и изживать Розе свои недостатки будет легче, если это останется в кругу своего

коллектива. Решили не помещать. В своем классе Роза легче будет исправиться. А если в это дело включатся разные Розины приятельницы (подружек у нее много, и мальчики ее всегда примечают), ей труднее будет исправиться. Давайте своими силами попробуем. В Розином желании исправиться никто не сомневался. Вопрос же ясный. Наговор есть наговор. Кончать с этим надо, и все тут.

Оказалось, однако, не все.

Вмешался Розин папа. Он, оказывается, компетентен в комсомольских делах. Он потребовал изменить меру наказания девочке, не зная о решении бюро, не публиковать сообщения об осуждении Розы, воздействовал на директора школы, встречался с обоими завучами. Но в классе его никто не видел. Когда же вышла классная газета без упоминания о решении бюро насчет Розы, та злорадно осведомилась: «Что, испугались? Не поместили свое решение?»

Ребята возмутились. «На давление надеешься на папину?» Но все же сдержанность победила: надо быть принципиальным и не поддаваться мелкой злобе, хотя тебя и провоцируют.

Затем все вообще повернулось. Роза отказалась признавать свою неправоту и заняла воинственную позицию. Ребята опешили. Но, получив урок — поддавшись однажды мелкому чувству обиды, повторять такого казуса не захотели. Свою главную принципиальную позицию еще и еще раз ребята повторили. Нельзя тащить в комсомольские дела свои мелкие интересики, симпатии и антипатии. Давайте поставим на этом точку и будем заниматься более серьезными и важными делами. Нет, не тут-то было. Видно, Роза сочла, что эта позиция оборонительная, что есть у нее возможности добиться полной отмены решения на ее счет.

Роза стала мобилизовать общественное мнение. Ее видели то плачущей, то смеющейся, то кокетничавшей, то вкрадчиво увещающей десятиклассников и членов бюро. Роза развила активную деятельность. Деликатность, проявленная ребятами по отношению к ней, показалась ей слабостью. Значит, можно давить на них, чтобы взяли назад и свое осуждение, и свое решение в отношении ее. Принципиальность мешает членам бюро действовать в стиле Розинной активности. Прекрасно, это тоже слабость, неповоротливость, косность, пойдем против такой слабости со своим оружием наперевес, решает Роза.

Ребята призвали на помощь корреспондента.

Беседуем все вместе. Бюро, составляющее единое целое в этом вопросе, Роза и корреспондент. Поэтому дальнейший ход дела предстает как диалог.

— Докажите, что я совершила что-то непозволительное. Где записано, что человек не имеет права сказать о другом что хочет?

Именно эту мысль и Розин папа энергично внушал директору и обоим завучам, намекал при этом на особые свои возможности в смысле создания бо-о-льших неприятностей. Наказывают девочку за непринципиальность... И это в школе? Что пятнадцатилетние в таких вещах понимают?

Гневное «да вы что?» во всем облике Розы. Крепкая, высокая девочка, с ярким румянцем, с длинными волосами и огромными глазами совершенно уверена в себе.

— Почему только я одна плохая? Хотите, расскажу, как кто о ком и что говорил?

Оказывается, Роза все решетки собрала, все сказанное в перепалке с ребятами расклассифицировала и в любой момент может воспроизвести.

— А некоторые вообще недостойны сидеть в бюро, — остро уколола она взглядом комсорга.

Тема получила новый поворот.

Если другие, допустим, хуже тебя и совершают что-то злое и неправильное, может ли это оправдать твои собственные плохие поступки? Какая вообще тут связь? Роза требует логики, давайте порассуждаем.

Если видишь недостатки товарища, скажи ему об этом в глаза. Хочешь, один на один. Хочешь, на собрании. И тогда, может быть, ты вправе повторить сказанное другим. По крайней мере это не будет заспинным наговором. Так?

Подумав, Роза кивает. Значит, извиниться бы Розе...

Логичность, считает Роза, ее главная сила. И, внимательно взглянув мне в глаза, она готова согласиться, признать чужую логичность. Но тут задумчивый взгляд становится опять острым и злым: в поле зрения попадают ребята на передней парте, а перед ребятами важнее победить во что бы то ни стало.

— Я скажу ей в глаза, кто она такая, — говорит девочка решительно, с какими-то рокочущими интонациями.

— А извиниться?

— Пусть тогда извиняются все, кто со мной поддер-

живал разговор о ней. Раз поддерживали — все плохо, да?

Но бюро ведь свою ошибку признало, осудив первое решение, осудив себя за то, что стало орудием наговора и не смогло подняться до принципиального уровня.

«Подставиться» из-за какой-то «принципиальности»? Ни с того ни с сего объявить о своей неправоте перед всеми? Это крайняя дурость, по-Розиному... Невыгодно же.

Пусть невыгодно, зато будет по правде! Это мнение членов бюро.

В двух этих подходах раскрывается самый механизм действия морали. Раз довелось выбирать — стоишь за правду, пусть даже невыгодно это. Неважно, требует ли от тебя такой суровой самооценки классный руководитель, важно, что сам решил: только по правде. Но вот порой детски-ясное: по правде, а не по выгоде! — встретит казенную улыбку, а не прямую идейную поддержку. «Мудрит» Роза, вертится, виляет не оттого ли, что слишком уж уверена она в «незыблемости» подобной житейской позиции? К примеру: директор берет собственных детей в свою школу, тем самым обеспечивая им хороший аттестат и благополучное будущее; или использует «мощности» школьных шефов на пользу не только школьным интересам, но и иным, собственным, директорским.

Спрашиваю у Розы, чем она объясняет тот факт, что ребята не обнародовали свое решение и, несмотря на весь свой гнев, проявили чувство меры. Меня, признаюсь, глубоко тронула бережность ребят, их такт. Оценить бы Розе эту порядочность.

Насупясь, она отвечает:

— Не знаю.

— Неужели?

Роза не выдерживает:

— Вы думаете, я повторю, что папу моего испугались? А я не повторю, я это просто так говорила.

Кого-то из ребят осеняет:

— А что ты будешь делать, если выяснят все обстоятельства, проанализируют и некоторые действия твоего папы?.. Хочешь?

Роза внимательно смотрит на корреспондента, вскользь бросает взгляд в сторону ребят, взвешивает и решает отступить:

— Нет, не хочу.

Но тут же принимается наступать, обращаясь ко мне: — Думаете, в самом деле они заботу обо мне проявляли? Тогда почему же вся школа про эту историю узнала? Ко мне девочки подбегают на всех переменках и спрашивают, что случилось.

Ребята растерянные:

— И ты осуждаешь тех, кто за твоей спиной, за спиной бюро стал рассказывать не небывлицы, а действительные факты?

Большие глаза заметались.

— Осуждаешь? — раздаются голоса с парт.

Роза молча кивает головой.

— Но, если других осуждаешь (да еще за правду), значит, и себя способна осудить — за неприглядные действия.

После долгого молчания Роза цедит сквозь зубы:

— Я ведь сказала, что заявлю ей в лицо, кто она такая. Разве не ясно?

Один из ребят взрывается:

— А разве не ясно, что нельзя тащить в комсомол такие гадости? Вот мы тут час бьемся, чтобы тебе это логически доказать. А ты вьешься, как уж.

И ребята взрываются уже все:

— Вот видите! Чтобы понял человек самые простые вещи, какая тут еще требуется логика и какие доказательства?

Но если требуется, почему бы и не доказать, почему бы не обосновать правильность наших с вами позиций? Не так уж беззащитны моральные правила и самые простые истины. Не спеша толкуем об этом полный час.

— А сами они в этом и не разобрались бы, — злорадно отшучивает Роза. — Только знают, что возмущаться, а, кроме слова «принципиально», других слов и не нашли...

Но принципиальность и есть самое главное слово, самый главный ключ этого конфликта. А что до корреспондента, то корреспондент просто опоздал. Ребята как раз сами разобрались в том, что такое хорошо и что такое плохо, они проявили знание самого существа моральных требований — к себе прежде всего. В споре о реальных поступках, в оценке их победили именно они. В поединке слов им выиграть было труднее, и прежде всего потому, что слова «долг», «порядочность», «принципиальность» значат для них очень многое.

Никто из ребят не желал Розе поражений. заинтере-

сованы они прежде всего в том, чтобы все было правильно. Для Розы мысль о том, что она «проиграла», нестерпима. Утирая обеими руками ручьи слез, вышла она с заседания бюро. Но на лестнице, на следующей площадке, увидели ее ребята из бюро уже с победоносной улыбкой на лице, огромные глаза светились прежней непреходящей.

Перед тем как разойтись, ребята собрались снова, ужасно удрученные.

— Неужели вовсе она глуха к добру и к злу? — недоуменно спрашивает Вадик. — Неужели главное для нее — любой ценой увильнуть от правды?

— Мы-то теперь лучше понимаем, зачем нужна принципиальность: чтобы в минуту трудности, даже колебания или, например, соблазна суметь быть лучше самого себя, быть выше. Принцип каждому помогает быть лучше. И нам всем вместе тоже. А она? Почему для нас это важно, а для нее — нет?

Но пока Розу поддерживают дома, пока ей внушают, что своего можно добиться любыми путями, а принципы ничего не стоят, пока все это так, Роза — человек, которому доверять трудно. А ведь пользуется она в школе влиянием.

— И что же нам после этого делать? — вопрошает комсорг.

— Образование повышать по вопросам морали — вот что, — отвечает кто-то репликой.

— И чтобы комсомольский принцип был выше любой выгоды.

— Ребята, чего мы друг друга агитируем, мы же все и так — за, — заключает Вадик.

...Но вот что дальше будет с Розой?

* * *

Что дальше будет с Розой? Читатели, познакомившиеся с этим очерком, опубликованным в газете, прислали немало откликов — рассуждений и прогнозов дальнейшей судьбы человека с таким характером и замашками.

Таня Хохлова из города Марганец, секретарь школьного комитета комсомола, с юношеской непосредственностью начинает свое письмо в газету: «Села учить физику, а в голове содержание рассказа, не могу унять в своем сердце возмущения — должна все высказать,

Роза, ведь ты комсомолка, как ты смогла вот так, исподтишка, унижить, оскорбить своего же одноклассника? Ради чего? Ради своих личных целей, каких-то глупых замыслов.

И еще, Роза, я поняла, что ты хорошо знаешь права советских граждан, а вот обязанности забываешь. Ты говоришь, что человек имеет право сказать о другом человеке что хочет. Только хорошо запомни, Роза, что человек имеет право говорить о другом человеке не то, что хочет, а чистую правду. Если ты видишь у своих товарищей некоторые пороки, так скажи о них прямо, в глаза, что будет куда справедливее, чем за углами обсуждать, да еще и сплетничать.

Роза, вот что я тебе еще хочу сказать, ты не понимаешь смысла слова «принципиальность». Хотя твои родители и внушают тебе, что всегда нужно добиваться своего любимыми путями, а принципы ничего не стоят, но я с ними не согласна. Правильно, нужно добиваться в жизни своих целей, бороться за них, только нужно добиваться честным путем. Так что подумай над этим.

Роза, тебе 15 лет, а мне 16, пенемного я тебя и старше, на год, а может быть, и меньше, поэтому особых советов не могу дать, ведь я, как и ты, только начинаю жить, но мне кажется, что ты сама должна задуматься над своими поступками, над своим характером, ведь в данный период в тебе формируется ядро личности, если можно так сказать. Какой ты будешь, все будет зависеть от тебя самой».

Читательница-пенсионерка из Ростова-на-Дону считает, что все дело в Розиных родителях, в ее каждодневной «сфере обитания», семейности домашней.

Иногда получается, что мы учим детей так, а другая часть нашего общества учит совершенно противоположному. К сожалению, те, другие, ловчее, хитрее, те умеют действовать и нажимать (именно нажимать) на все пружины человеческой психики, когда им требуется чего-либо достигнуть для себя лично, причем подстраивают это так, что со стороны можно поверить, будто человек печется не о себе, а о других. А так как они совершенно уверены в своей правоте, то очень упорны и непримиримы и с ними трудно бороться. Как это видно и из указанной статьи о Розе.

Пусть каждый родитель поймет, к чему приведет его эгоистическое желание лучшей жизни для своего ребен-

ка, лучшей без учета интересов страны, без воспитания понятия, что значит «мой интерес» и «интерес всех».

«Вы спрашиваете, что будет дальше с Розой? — пишет читатель из Москвы. — О! Уж о Розе вы не беспокойтесь! Она пройдет огонь и воду, и медные трубы! Она займет руководящий пост и будет иметь гораздо большую, чем в школе, «сферу влияния». Будут в этой сфере и откровенные подхалимы, и молчаливое большинство.

Лучше спросить, что будет с теми принципиальными мальчишками и девочками. Что ждет их, если они останутся принципиальными. Сейчас они не боятся ни Розу, ни ее папу, поскольку не работают под их началом. А потом!

А что же будет Розиному папе, привившему дочери чуждую нашему обществу мораль? Пытавшемуся шантажировать директора школы и двух завучей? Да ничего. Даже не лишат родительских прав. Даже если он получит выговор, думаете, он начнет Розу перевоспитывать? Нет, он укажет ей, конечно, на допущенные ошибки, и прежде всего на то, что не следовало писать злорадную записку. И Роза станет осмотрительней, будет больше думать над своими поступками и их возможными последствиями. Вы только посмотрите, как ловко она отводит удары от своего папы, что особенно важно в присутствии корреспондента. «Это я нарочно сказала, что они моего папы испугались» — паверное, ребяга много раз говорили: «Мы твоего папу не боимся». И она хочет показать, что пана-де тут совсем ни при чем».

Нет, разговор о Розе не закончен.

Этот разговор о принципиальности не на словах, а на деле, о воспитании единства слова и дела. О барьерах против карьеризма и интриганства. Сегодня легко делягам, будь они юные, как Роза, или зрелого возраста, водить за нос простодушных. Как раз еще и потому, что говорим мы сейчас об этих тонких и сложных «материях» и размышляем, и учимся утверждать наши принципы в каждодневности, в буднях.

**Включиться
или умыть
руки!**

Дайте попробуем решить задачу. Вам 25 лет, вы женаты, у вас трое детей (родственники не ближе чем за 5 тысяч километров). Вы получаете 140 рублей, жена — 60, плюс пособие на детей — 36 рублей; живете в комнате 17 квадратных метров, в общей квартире, в старом доме с печным отоплением; учитесь заочно на IV курсе Политехнического института. Вы начальник участка, активный комсомолец, член бюро ВЛКСМ, по роду работы вам приходится часто разъезжать в радиусе до 300 километров.

Требуется определить: что является вашей главной заботой, такой, о которой вы написали бы в газету.

Задачники по психологии, морали, праву вопли в моду не меньше, чем опросы. Почему бы не обратиться к сверстникам моего героя с житейскими «дапо» и «требуется определить»?

Ответ I. Написал бы о первоочередной задаче — о квартире. В самом деле, как шпатель жить в таких условиях? Выбивал бы квартиру, это и были бы мои помыслы и заботы. (Прапорщик, студент-заочник.)

Ответ II. Забота главная — детей пристроить на пятидневку. Жену тоже пожалеть надо. (Рабочий станко-строительного завода.)

Ответ III. Неувязка с данными самой задачи. В условиях такой загрузки как можно заочно учиться? А уж активным комсомольцем не становишь и подавно. (Студент педагогического института. Он только что благополучно окончил сессию, его главные учебные заботы теперь позади.)

Ответ IV. Сбег бы! Не для 25 лет такой груз. (Парень, ответивший так, встретился мне на вокзале, вместе мы ожидали поезд.)

Ответ V. Наверное, я бы написал в газету о заботах комсомольского активиста. Вообще же надо немедленно помочь товарищу. (Комсомольский работник, отвечавший мне на этот раз, был деловит, озабочен, хмурил брови, он готов немедленно «включиться».)

...Забота Андрея Оксюты, приславшего письмо в «Комсомолку», не о квартире, не об устройстве детей на пятидневку. Другого масштаба заботы: «Как жить дальше? Развилка, на которой я нахожусь (а может, сам себе выдумал), имеет две дороги. По одной я могу идти как ком-

Сомолец, свято уважая и соблюдая принципы ленинских понятий о жизни. Да только очень труден будет путь. Это я твердо знаю. Совсем другое дело — идти по той дороге, которая ведет к достатку. Во имя благополучия и спокойствия лучше помалкивать, а не бороться с недочетами».

Журналист, поехавший по письму, присланному в газету, обязан рассказать о том, как живут его герои — Андрей и Вера. Оба они — главные действующие лица, на равных.

Настрой себя, дорогой читатель, на неторопливый лад. Нам вместе с Андреем предстоит размышления о самых главных вещах для человека, пройти через поиски, через духовные взлеты, подойти к самому краю и увидеть дорогу в благополучное никуда...

Вопросы, которые ставит Андрей, требуют ответа немедленного. Потому что от ответа зависит, какая дальше будет у человека жизнь. Дело и в том, что ответа на эти вопросы требует каждодневная работа. У Андрея должность стража государственных интересов. Он начальник участка в областном производственно-техническом управлении связи. Это, с одной стороны, живая, интересная работа. В ведении Андрея — 300 километров кабеля, проложенного на глубине 90 сантиметров по владимирской земле.

Начальник отвечает за любую неисправность.хлопотливое и трудное дело это требует выносливости, как у геологов (выезд в любое время суток в самый дальний район — зима ли, жара ли, дождь ли, устраняя повреждение немедленно). Но есть и другая, не менее сложная сторона работы Андрея — это конфликтный характер самой роли хозяина участка. Линия кабельной передачи проходит и через поселки, и через городскую территорию. Именно здесь строитель-дорожник, а то и хуже, и строитель-связист подчас не соблюдают государственные стандарты. Сооружение одного большого городского предприятия, например, пришлось задержать на полгода из-за нарушения условий. Вот в таких-то случаях и возникают сложности жизни, конфликтные ситуации. Производственные. И моральные.

Прокладывают кабель под дорогой. Не соблюдаются заданные параметры. Начальство жмет на Андрея: визируй, пусть кладут на малой глубине. На начальство жмут городские власти — торопят, тут не до исправления огре-

хов. Андрей не согласен, возражает письменно, устно, выступает на производственных совещаниях, пишет рапорты. Требуется прокладка кабеля на должной глубине или вне дороги. Но... получает письменный приказ-разрешение на прокладку кабеля непосредственно под покрытием дороги. Ответственность, таким образом, начальство принимает на себя. Начальство и убеждает Андрея — «ответственность-то не твоя, тебя заставили, а «грех» я беру на себя. Твоя совесть должна быть спокойна, не ты в ответе...»

Неспокойна, однако, у Андрея совесть, хотя и отвечать ему не придется. Вот почему и пришло письмо в «Комсомолку». Он нарушил госстандарт. Он нарушил и моральную норму, общую для всех, и свою собственную, а не виноват.

«Разве так может быть? И разве так должно? Разве не равны мы все перед обязанностями своими гражданскими, и разве не равны мы одинаково перед нашей моралью, перед моральной нормой?» Нет, легче Андрею не стало. Вот и появилась строчка в письме: «Пробивной» начальник сейчас выше ценится, чем честный...»

Андрей сосредоточенно и долго думает, медленно тяжело произносит выстраданные слова: «Соблюдать или не соблюдать принципы на деле — ведь именно это самое главное». Одновременно тут и мировоззрение и идейность. Заноза, которая сидит в Андрее, — это не только «совесть меня засла» из-за того, что изменил себе, своему принципу, моральному и идейному. Андрей чувствует, что есть права у совести, у морального принципа, гражданские права, человеческие, государственные.

«...И значит, я обязан преодолеть свою тягу к благополучию и не идти на сделки с совестью. Или не обязан?» Вот в чем вопрос. Вопрос не абстрактный. Перед глазами живой «положительный пример» порядочного человека — инженера в бригаде Андрея. Он недавно работает, а на старом месте он был инженером по прокладке кабеля. Надоело инженеру тянуть трассу с нарушением стандартов, совесть его заела.

Сегодня же он выполняет другую роль, где совесть его заест не может. (Он охраняет кабель и исправляет его, нередко исправляет недоделки своего треста и свои же собственные.) На новом месте ему легче. К тому же начальник не он, а Андрей. Вполне положительный человек, инженер, он в ладу с моралью, и не скажешь, что за здо-

рово живешь, работает отлично. И легче стало жить, добился самого для него главного — комфорта психологического.

Может, именно это и есть положительный пример, указатель пути? Похоже, жизнь «подталкивает» Андрея к этому пути. «Над этим, — считает Андрей, — еще думать и думать. И пока выбор такой — комфорт — опасность посерьезнее, чем недостаток». А как не поддаться опасности? Ответ такой: держись за свои принципы, не отступай, делай все, что в твоих силах, чтобы их не попирали там, где ты есть, сам их утверждай каждодневно. И еще: будь в комсомоле активистом. И себя лично совершенствуй!

А что может Андрей? Лично Андрей может немало. Может повысить уровень своих знаний. Может сколотить хороший коллектив, подобрать таких ребят, которые работают по совести, любят дело. Пожалуй, это удалось: половина рационализаторских предложений за прошедший год по управлению приходится на участок Андрея. Хочется сплоченности и дружбу укрепить. А для этого нужны общие конкретные дела.

Субботник — это самое верное. Вот и о субботнике комсомольцев зашла речь. На субботник прислали разнарядку — направить пять человек. Когда стали отбирать — пяти человек не нашлось. Каждый: а почему я, почему не другой? Все вместе или никто. Все вместе и пришли, ударно отработали за пятерых. Было здорово, конечно, время работы укоротилось для каждого. Должили о своей работе с гордостью. А ребят с субботника не отпустили: раз все до трех часов, так и вы дорабатывайте до конца. И Андрей сам ушел, а некоторые решили «не связываться», потом в чем-нибудь их еще обвинят.

«Плати взносы, помоги оформить стенгазету, вовремя приходи на собрание — будешь хорошим комсомольцем», — пишет Андрей в письме. «Понимаете, я рядовой активист с инициативой полезной, сам это знаю, а те, кому инициативу надо бы поддержать, такой инициативы, похоже, и не любят — тоже, значит, ждут комфорта (понимаемого как благополучие любой ценой)», — развивает он свои сомнения.

А Устав комсомольский, а моральный кодекс ведь требуют жить, мыслить и бороться, болеть за дело, учат «требовать с себя и с других по всей, по полной норме». По-ленински. Тогда перед человеком в борениях, в прео-

долений трудностей открывается новое, неизведанное — творчество.

И от собственных своих ошибок на основе обид ты на этом своем пути не застрахован.

Вышло так, что за советом — какие виды на улучшение жилищных условий — пришел Андрей к тому руководителю, с которым конфликтовал из-за соблюдения норм прокладки кабеля. Встретил Андрея начальник неприветливо, «объяснил», что давно уже надоел ему «этот бородатый». Андрей поспешил сделать вывод общий: «Черствость и бездушие — это особенность начальника вообще». Вечером Андрей об этом мне с категоричностью заявил. А утром в своей категоричности засомневался. В молочном магазине на него с бранью набросилась продавщица — он ей надоел до смерти (то есть покупатель как таковой, который торопится — особенно). Часом позже, когда вместе зашли мы узнать о поездках, обоих нас тоже без причины отбрила кассирша, на самые простые вопросы отвечать ей было недосуг, так как оторвали мы ее от увлекательной беседы с приятельницей. «Пожалуй, не в рангах дело, дело в том, что со всех моральный спрос должен быть независимо от рангов, одинаковый». Прост вывод? Конечно, прост, но ведь и все вопросы Андрея, и все выводы его просты. Но только до простоты этой дошел он сам размышлением, действием, душевным трудом. «Я сам начальник», — уточняет Андрей. Все сделать, чтобы уменьшился соблазн нарушения норм морали, — это для Андрея актуальная забота.

«Но, может быть, я вообще хочу слишком многого? — спрашивает Андрей. — И может, встал на неправильный путь, он привел меня к критике и самого себя, и людей, и обстоятельств. И может, случайные, никчемные ставлю вопросы?»

Вопросы, которые ставит Андрей и вместе с ним жена его Вера, вовсе не никчемные. Они не «залхватские» и не «сумасшедшие идеи». Это резонные вопросы основательного, думающего человека, который имеет сложившиеся моральные потребности. Человека, подчеркиваем, везучего, даже преуспевающего.

Ему бы силы тратить, чтобы прумножить деловой капитал и продвигаться (тут будет движение вперед и в плане личной карьеры, а также и с пользой для дела). А у Андрея не получается, чтобы личное движение впе-

ред проходило отдельно от движения внутреннего, к моральной правоте и правде.

По существу, Андрей ставит основной вопрос морали — о выборе между тем, как должно, и тем, как есть. Или как «иногда бывает». Разрыв этот между тем, как есть, и тем, как должно быть, существует. И будет всегда существовать... А стремление самому быть лучше и сделать жизнь лучше есть путь к тому, как этот разрыв преодолеть. Выбор высокой морали и есть — двигаться от имеющегося к лучшему, к идеальному, к тому, что мы провозгласили, от того, что мы, провозгласив, еще осуществили не в полной мере.

Или, наоборот, другой может быть выбор: «пусть кто-нибудь другой улучшает». И еще выбор: «пусть даже будет плохо всем, кроме меня, для себя я постараюсь...» Подобные взгляды лежат в основе решений, поступков, а сталкиваясь, приводят к конфликтам внутри человека. К конфликтам между людьми.

Человек критикует себя и окружающих за несоответствие с той высокой моральной нормой, которую сформировало и предложило общество. Есть боль, когда грызет совесть за то, что «недотягиваешь ты сам до своего собственного жизненного принципа, боль за то, что недотягивают другие. Эта боль рождает понимание того, какой от этого несоответствия терпит урон государство, общество, люди в их отношениях друг с другом».

Понимание вместе с нравственной позицией приводят в действие долг и такую известную, такую привычную формулу: «Я должен». Но что именно я должен? Кричать на всех перекрестках о больших и маленьких несовершенствах, стегать всех тех, кто недотягивает? Комсомольская организация не помогла Андрею ответить на вопрос, как именно, на каких полезных обществу путях превратить свою боль, свое понимание, свой долг в конкретное дело совершенствования себя и мира.

Источником жизненной позиции Андрея является духовное, нравственное здоровье, доверие и любовь к той жизни, которая его взрастила. Она рождает поиск возможностей, заложенных в нашем обществе для совершенствования его во всех сферах. Тут невозможны зубоскальство и злорадство по поводу трудностей и несовершенств, несовпадений должного и сущего. Нет, не «гиперкритическая» позиция «возвышения над действительностью». И не стоны о вечном изгойстве критически мыслящей

личности. Но именно созидательное разрешение противоречий текущего развития в интересах строительства нашего общества — вот что является действительно полезным и необходимым элементом нравственного роста советского человека.

Утром, торопясь к семейству Андрея, случайно в гостинице столкнулась я со знакомым профессором. Он вопросительно поднял брови в ответ на мой рассказ об авторе письма: «Разве 20-летние не переболели еще этими вопросами? Уж пора бы!» Профессор приехал во Владимир на выходной, полюбоваться здешними красотами. Он был проницателен: «Скучно здесь, поди, живетcя, вот и ищут конфликтов. В каждодневной-то жизни, в быту не очень думается о добре и правде — быт заедает». Вот и он о том же, о чем опрошенные мной Андреевы сверстники: главная забота у человека о быте и текущем его устройстве.

Да пет же, главное есть заботы, интереснас. Их масштабы и быт на свое место ставят (вовсе при этом быта не отрицают).

К тому же Андрей с Верой свои бытовые условия особенно трудными не считают. Ребята подрастут, Вера пойдет учиться. Андрей ей тогда условия будет создавать. Получится, что по очереди; у Веры за плечами пищевой техникум, а хочется ей педагогическое образование получить, чтобы с малышами в детском саду работать. В конце концов, есть руки, голова, выдумка, друзья. Углы промерзают в старом, осевшем доме купца Овсянникова? Андрей с другом вдвоем оборудовали водяное отопление. Следующая задача — вынести котел в коридор, да вот соседи не хотят лишнего беспокойства.

Или другой бытовой вопрос. Детей надо доставлять утром в разные концы города. Трехлетнюю Оксану — в детсад, полуторарагодовалую Натану — в ясли. Андрей приучил детей к мопеду. Младшую сажает спереди, сиденье сконструировал сам. Старшую — сзади. Это три сезона в году. Четвертый — зимний. Андрей впрягается в санки. С бытом Андрею и Вере все ясно. Быту не дозволено закрепить ум и душу, «быту — бытово». На вопрос о достатке как опасности (что засосет душу и мысль) Андрей ответил собственной своей «практикой», жизнью. Он дал себе слово, что достаток никогда никуда его не свернет. Как думает теперь Андрей, ничто «не свернет» его с того пути, который он выбрал,

Как быть, когда случится конфликт? Если он «по административной части», как поступить — известно, организационным путем его и разрешают; если бытовой, тут свои, понятно, пути. А если моральный? Да еще если он происходит у тебя внутри? А если в конфликт «завязаны» и другие люди?

Моральный конфликт ни жэковская комиссия, ни суд, ни арбитраж подчас не рассудят. Рассудит совесть нравственное сознание, нравственное чувство человека и коллектива.

Как быть с таким конфликтом? Этот конкретный вопрос задают на каждой лекции. Требуют: расскажите про конфликт.

Может быть, письма читателей помогут лучше высветить непростое это явление — нравственный конфликт. Читательские размышления, исповеди — человеческие документы, в которых говорится о том, как это случается в жизни. Они-то в самом точном смысле и есть практикум для выработки правильного диалектического подхода к оценке конфликта и к путям его разрешения.

Письмо № 1

Что же за такая конфликтная ситуация у Андрея Оксюты? Андрею Оксюте всего-то 25 лет, а у него уже трое детей. Он работает, начальник, и учится заочно на IV курсе института. Много времени уходит на отправление детей в ясли и садик. Квартиры с удобствами нет. Материальный достаток невелик: на члена семьи приходится что-то сорок с чем-то рублей. Необходим отдых, а для этого нужны время и хотя бы тишина. Это одно. А другое — тут же рядом выбор пути, чтобы жить честно. От этого «перепутья» и весь конфликт. А конфликта-то и нет. Просто надо выполнять свой долг, без всякого конфликта. А по первому вопросу спрошу: «Что успел сделать полезного для общества Андрей Оксюта за свои 25 лет?»

До 17—18 лет, видимо, учеба в школе. С 18—20 лет служба в рядах Советской Армии (была ли она?). С 20 до 25 лет работает, учится и имеет семью. Работает-то на благо общества всего только пять лет, и уже начальник. Квартиру теперь подавай.

У честного советского человека нравственное и дело-

вое кредо одно, а у жулика, проходимца, молчуна, приспособленца — другое. Откуда же у Андрея вообще сомнения и нравственный конфликт? А кто сказал, что за ленинские принципы уже не надо бороться? Надо. Но нечего думать при этом о том, чтобы троих детей заводить и, прикрываясь ими, требовать квартиры. Или принципиальная борьба с недостатками без мучений и конфликтов с собой, или погрязайте в устройстве быта.

Грубанова Р. Г., г. Астрахань

Автор письма отрицает саму возможность нравственного конфликта. Каково ваше мнение?

Письмо № 2

Вы спрашивали, как жить? Только честно. Что мне не нравится в вас, это запас экзальтации, жертвенности. А этот запас обязательно иссякает. Путь к разрешению ваших противоречий — не эмоции. Не надо ложиться сердцем на амбразуру — сейчас новые способы проявления гражданского мужества и душевной зрелости. Не надо из-за скромности лишать себя прав на приличное жилье и прочие удобства.

Мы, комсомольцы 20—30-х годов, жили впроголодь и, щеголяя в штопанных чулках, думали: будет экономика сильнее в пять раз, будем и мы лучше в пять раз. Экономика окрепла в сто раз! А лучше мы стали на сколько процентов?

Развитие наше идет сложным путем, наши философы плохо объясняют нам нас самих. Новые законы нашего совершенствования еще не откристаллизовались. Действительно: мы еще браконьерничаем, подделываемся, даже убиваем (страшно вымолвить). Отчего это? Изживание дурного идет через преодоление, через борьбу, а значит, через усилия тех, кто сознательно участвует в преодолении, кто борется.

Доколе же бороться? Пока существует человечество. Борьба нового со старым была и будет. Новое так быстро возникает на почве того, что еще вчера было новым, а сегодня вдруг стало старым. И обижаться нельзя. Ведь если сегодня сделать радиоприемник, какой впервые сделал Попов, — это будет старое. Так что, не обижаясь на жизнь, не теряя лучшего в себе, не рассчитывая на покой, боритесь за справедливость. Не будьте только Дон-Кихо-

том, а то перегорите, а это страшно, брюзжание на жизнь — гибель. Не дай бог из борьбы делать драму. Сейчас обрести покой — это значит растерять свои идеалы. Значит, надо научиться здраво и принципиально разрешать противоречия. Припоминаю случай. В Томской области вели колоссальный нефтеспровод. Горячка предпусковых дней переросла в ажиотаж и охватила всех: от рабочего до членов высоких приемочных комиссий. Сдать в срок, к дате — и только к дате! И лишь один человек, (приемочный) инспектор, наложил вето. Нефтеспровод имел недоработки, чреватые прорывом нитки, что служило угрозой отравления природной среды. Один против всех! Какое всеобщее разочарование, угроза премиям и т. д. Уговоры, проклятья и злость. И только приказ правительства не принимать с недоделками решил вопрос в пользу одинокого инспектора и правого дела.

Но не надо считать, что все люди, которые в данный момент занимают пассивную позицию, обязательно нечестны. Человек может временно устать от борьбы, есть люди слабые, есть малоспособные, но ведь им есть чем вдохновиться. Последнее время появились хорошие кинокартины и передачи по телевидению, книги, спектакли...

Я. Сикорская, г. Томск

Какой ответ вы, читатель, дадите на вопрос, поставленный в этом письме: «Доколе бороться?» Исчезнет ли нравственный конфликт в будущем?

Письмо № 3

Позавидуешь Андрею Оксюте, что у него такое порядочное начальство, которое дает письменный приказ и принимает ответственность на себя. У нас, строителей, иногда (в порядке исключения) бывает, что наедине начальник исполнителя поучает: «Твое дело умело сдать, а завтра пусть хоть все развалится». А я считаю, что специалист-строитель должен быть особенно принципиальный и моральный человек, с ними очень хлопотно. Специалист требует одно, другое и третье, да еще с условием соблюдения ГОСТа. А «покладистые», «бесконфликтные» допускают гяп-ляп.

Давайте подсчитаем, что теряет наше государство, общество, люди от такого рода деятельности «бесконфликт-

ных». Как тут не быть конфликту, хотя бы в душе? Но как с пользой для дела его разрешить?

В. Михайленко, г. Алексин

Как бы вы ответили на вопрос В. Михайленко?

Письмо № 4

Откликнуться на вашу статью заставил большой жизненный факт. Сегодня перед собой я ставлю тот же вопрос, как и Андрей Оксюта: о нравственной стороне выполнения госстандарта. Беда произошла в нашем городе в апреле. В тот вечер люди шли из Дворца спорта с эстрадного концерта. В основном это была молодежь. Через реку был снаряжен понтонный мост. Он стал разваливаться под ногами идущих, они едва успели добраться до берега, некоторые оказались в воде. Каждому школьнику известно, что такие мосты строятся быстро и по ним во время войны шла военная техника. Наверное, поэтому все уверенно пошли через мост. Были приняты меры для предотвращения катастрофы, мобилизованы необходимые технические средства, установлена вина тех, кто строил мост в нарушение всяких госстандартов. Когда обсуждался и осуждался этот случай, речь шла о технической некомпетентности, юридической стороне дела тоже, а о моральной — нет. Но ведь именно тут и связаны техническая компетентность и нравственная ответственность, моральное кредо специалистов.

...Нужно выпускать строителей из стен вузов так же, как врачей, — нужно приводить их к присяге, к своеобразной клятве Гиппократов. У него, как у врача, всегда «наготове» конфликтная ситуация. (Пример Андрея Оксюты типичен.) Надо предусмотреть ее правильное разрешение, «запрограммировать», «заложить основу» при выпуске специалиста. Ведь строитель, как и врач, по своему обеспечивает здоровье человека — это вообще. А иногда прямо должен подстраховывать нашу безопасность и жизнь.

Автор письма просил его не называть.

Правильна ли мысль, высказанная в этом письме, — заложить основы для правильного разрешения «типовых» конфликтных ситуаций между нравственным (и одновре-

менно государственным) долгом и, например, соблазном житейского компромисса (сдать дом с недоделками и получить премию)?

Письмо № 5

У меня лично нет таких главных забот, которые тревожат Андрея Оксюту, но он не понимает своего счастья, а оно в его дружной семье. Какие при его счастливой семье могут быть еще конфликты? Зачем они? Я никогда не жил в семье. Рано потерял родителей. Но тем не менее мне свойственны все человеческие слабости: люблю детей, хочется, чтобы рядом был близкий человек, в конце концов, чтобы было уютно, мне также свойственна склонность иметь привязанность к близкому человеку. Трудно, но не хочу настоящее подменять видимостью. Не смогу быть человеком, и пользы не будет. По-моему, не всегда понимаем, что многие конфликты от плохих семей.

Лично я не собираюсь создавать семью просто так. Другое дело, если бы с любимой. С каким бы удовольствием я мучился бы с любимыми и близкими людьми хоть на семи метрах жилплощади. Ведь в любом деле главное — любить. Если я люблю, то, хоть трудно, хоть страдаю, я счастлив.

Хотел бы узнать мнение моих сверстников, старших товарищей и совсем юных школьников и даже детей. Дети отличаются от нас свежестью восприятия. Иногда у них мысли текут по неведомым для нас тропинкам. А Андрею Оксюте советовал бы поменьше «лишних движений», пусть растит своих троих детей. Мог бы назвать себя, но слишком интимное получилось письмо, адрес пишу только для Андрея, если он ответит.

Правильно ли автор поступает, противопоставляя личную мораль, семейные принципы обязательствам гражданским, когда предлагает Андрею Оксюте не включаться в конфликт, а «умыть руки», «уйти в семью»?

Письмо № 6

Тема статьи нужная. А какие выводы? Боритесь за высокие идеи. А углы в комнате промерзают, а детей за семь верст тащить по морозу — это не существенно. Глав-

ное — идея, она сама по себе. А «быту — бытово», «гениальное» изречение.

Да, жить надо по совести, а совесть должна быть чистой. Но для этого лучше не иметь троих детей в таких условиях — совесть будет мучить, что ты им дал.

Если будете еще писать загадки на темы этики, пожалуйста, материал: мне 31 год, получаю 150 рублей, жена тоже 150 (до 1975 года получала 70), сыну 7 лет. Живу в старом доме с печным отоплением, 14 квадратных метров. Учусь заочно на IV курсе политехнического, работаю каменщиком.

Был романтиком. Но не так это просто! Был защитником правого дела в конфликте, не сумел доказать правоту, нет подготовки. Хочу жить только честно, по совести, но получается в таком случае, что я эгоист. Да, молоденьки надо помочь найти свою дорогу в жизни. Наука, производство, семья, хобби, только, за что ни возьмись, все требует отдачи, всего себя, всего!

Андрею могу сказать: развилку он давно проехал. Но это не значит, что можно пасть по уши в грязь. Борись за правду и совесть. И не следует ставить себя в позу великомученика.

Владимир Ш., г. Петропавловск

...Если не слишком обращать внимание на задиристый тон, согласится ли читатель, что в письме отчетливо выражена потребность в этических знаниях, в подготовке для умелого, верного разрешения конфликтов?

Письмо № 7

Человек ни в чем не замкнутая система.

Есть предрассудки, есть привычки, как отголоски наследия прошлого, есть неопределенность, которая сбивает с толку, и есть моральное зло, с которым порою соглашаются, а когда видишь, что зло — оно сильное, наступает конфликт. Неужели нет правил — как в этом конфликте побеждать? Иногда наступает моральный тупик: казалось бы, что все известно, и в то же время нет общей точки зрения, общего сильного мнения для победы над тем, что мешает нам в нашей жизни. Собрать всю мудрость века восдино, чтоб в пепел зло, мешающее жить.

Ю. Симогин, г. Дивногорск

...Согласны ли вы с предложением обучаться тому, как побеждать в конфликте?

Письмо № 8

Андрею Оксюте.

Товарищ! Жму твою руку. Не о быте главная забота человека. И надо бороться с теми, кто в любом мало-мальски ответственном вопросе становится «человеком маленьким», а свое благополучие ставит превыше всего. Здесь твоя моральная правота неоспорима. Верю, что ты не пойдешь на попятную. Побеждай. По-деловому. Вежливо, но напористо.

Мой семейные и бытовые условия близки к твоим. Но я скажу: «Мне ничего не надо». Гордиться бытовыми неурядицами? Нет, и еще раз нет. Преодолевать их в случае необходимости — другое дело. Для кого мы растим хлеб, строим города или, к примеру, поддерживаем в исправности линию связи? Для государства, а значит, для себя. И сразу представилась мне твоя жена, Андрей, в эту самую «любую погоду», в любое время суток, когда ты на линии. Она с заправским видом садится на мопед или впрягается в санки, чтоб доставить детей на место. Легко ли ей? Много ли у нее времени остается, чтобы развиваться гармонично? А если нет, то не быт ли «съедает» это время? Отбросив многословие, могу сказать: я за большую дружную семью, за устроенный быт, который бы как можно в меньшей степени отвлекал от основной работы и от борьбы за честное выполнение обязанностей для государства, для всех и для себя.

Людмила Заварзина, г. Минск

Правильно ли оценивает автор письма позицию Андрея Оксюты в его отношении к быту и к гражданским нравственным обязательствам?

«**О**н всегда в гуще жизни» — это высшая похвала тому, кто работает не покладая рук, совершенствует нашу жизнь. Нередко это высшая оценка писательского, журналистского труда, но оценка — лишь в самом первом приближении. «Гуща», «толща», «поток» для того, кто переделывает жизнь, состоит из разрешения трудностей и противоречий. Именно в самые механизмы борения нарождающейся тенденции и отживающей, социалистических норм жизни и их антипода, добра и зла, обязан вникать тот, кто работает и борется в самой гуще. Например, журналист. Такова его профессия. А значит это — журналист внедряется в конфликтную ситуацию. В опасную зону.

Конфликты при всем их множестве (административные, организационные, «чисто» производственные, процедурные) всегда имеют одну константу, постоянную черту — нравственную. В какой бы конкретной сфере конфликт ни проходил, если возникает перед человеком вопрос, хорошо я поступаю или не вполне, если имеет для человека смысл «что такое хорошо и что такое плохо», значит, налицо конфликт моральный. Если поступает человек либо в соответствии с тем, что считает правильным, хотя, может быть, кому-то это не нравится, либо совершает, как он сам считает, неправильный поступок под давлением житейских соображений (и в результате вступает в спор и противоборство с самим собой), это — внутренний моральный конфликт. Вот с чем, по существу, должен иметь дело журналист, пусть даже пишет он о пудах или тоннах, о выполнении плана или неполадках на производстве. В десятой пятилетке качества становится особенно очевидным: без фактора совести, принципиальности, без рабочей чести невозможно обеспечить рабочую гарантию качества продукции. Интересы государственные для одного человека свои же, личные, а для рядом работающего, бывает, — общий разговор, ему бывал и премию за этот вал. Вникать в улучшение технологического процесса, заботиться о каждой детали не привык он. Как не возникнуть противоречию между тем, кто за качество — всей совестью, всей душой, и тем, кому качество безразлично. И далеко не всегда автоматически побеждает носитель совести, поборник рабочей чести. У «вала» свои сторонники, и подчас не слабые, подчас

умеющие мобилизовать мощнейшие демагогические приемы.

Зона конфликта — опасная зона, журналист может тут и «подорваться». Доставляющий острые, подчас драматические переживания «сторонам-участникам», конфликт не нейтрален и по отношению к журналисту. Обычно появление третьих и тем более «третейских» лиц в зоне конфликтных действий вызывает стремление этих лиц повлиять на тех, кто вторгся «извне». И уж конечно, сам журналист не нейтрален к силам добра и зла. По существу, публицист, взявшийся за анализ нравственного конфликта, обнажает тенденции, породившие противоречие и вылившиеся в конфликт, анализирует причины, по которым конфликт не получает разрешения (или разрешается во вред нашему делу) — и выносит все это на суд общественного мнения. Огромная работа, где верный анализ базируется на мировоззренческой зрелости и огромной практике, где требуется от журналиста сумма различных человеческих качеств и прежде всего точных и верных идейных позиций. Это стойкость (не поддаваться давлению); выдержка (стихия конфликта насыщена подчас импульсами, «провоцирующими» на ту или иную реакцию); человечность.

Изучение и оценка прорастающего в гуще жизни — вот второй аспект в оценке деятельности журналиста.

Журналист проделал анализ конфликта, дал правильную картину событий, указал точную расстановку сил. Чем, каким выводом он вправе завершить проделанное исследование? Обычно неким «третейским» по смыслу пассажем, суть его сводится к прописи: мы надеемся, что этого больше не повторится, уверены, что «стороны» конфликта осознают свою неправоту. Не слишком ли куцый вывод, не меньше ли итог, чем сама констатация? Достаточно ли одних упований на благополучный исход? Бывает, впрочем, и иначе: автором драматизируется обстановка и в конце дается полупрозрачный «вывод» о «фатальной» неразрешимости конфликтов. Детективно-психологические эссе с драматическими и мелодраматическими сюжетами получили широкое хождение в нашей широкой печати в последнее время. Все там черно, мрачно, густо окрашено мелодрамой.

Каков же в действительности статус выступления в печати по проблемам морального конфликта, каковы права публициста, являющегося здесь экспертом? Эксперт

предложил работу — может ли он, имеет ли он право предложить и путь разрешения конфликта?

Но сначала спросим: возможен ли какой-либо научный подход в работе над этой сложной темой — нравственный конфликт? Такой, который бы гарантировал научную добротность рекомендаций. В век науки хорошо бы получить ясность, что такое нравственный конфликт в плане современного научного знания, как расценивается это явление в свете задач нашего строительства и коммунистического воспитания.

Редко в статьях журналистов приходится встречать ссылки на исследования советских этиков. Зато в работах наших этиков — постоянные обращения к газетным и журнальным публикациям как к первичному материалу. Зачастую воспроизводят ученые и ход размышлений журналиста, фактически пользуются сделанной им экспертизой. Обращения ученых к журналистской разработке живых конфликтных ситуаций и есть реальное признание качества этической экспертизы нравственного конфликта журналистом.

Через опыт журналиста многое просматривается и в самой ткани конфликта. Поэтому опыт этот и ценен для науки. Собственный опыт полезно разъяснять журналисту с позиций науки. Такая попытка осмыслить опыт журналиста по анализу конфликтов была предпринята недавно, может быть, в первом приближении.

Журналисты одной большой газеты вынесли на обсуждение коллег-публицистов из других газет именно этот вопрос. Как мы участвуем в освещении нравственных конфликтов? Разговор был о нравственных проблемах, противоречиях и конфликтах.

Почему сегодня столь актуальна проблема нравственных исканий, преодоления противоречий в нравственной сфере, умелое и компетентное разрешение нравственных конфликтов? Об этом рассуждал с трибуны научный работник, часто выступающий в газете по нравственным проблемам. Крепнет тенденция возрастания роли нравственных начал в жизни нашего общества, заметна активизация моральной сферы, усиливается звучание «моральной струны» в духовной структуре личности. Все это — на вооружении газетного работника. Однако тенденция эта предстает не в «голом» виде, но как освоение человеком норм, принципов, ценностей нашего общества. Освоение же происходит вовсе не автоматически, всеми

п в одинаковой мере (хотя нравственные требования общество адресует всем своим членам без исключения). Естественно, что человек, воплотивший в сознании и поведении своем нормы социалистической морали, не может быть нейтрален к ее нарушителям, а в пятилетке качества это имеет особенно важное значение. За цифрой недолго и спрятаться от личной ответственности за качество. При внимании же к качеству личное отношение к делу — к процессу труда, к его организации, к взаимоотношениям людей становится первостепенным, а моральные качества — решающими.

Итог борьбы за качество прямо зависит от того, являются ли социалистические отношения к труду нравственной нормой, стали ли они реальным регулятором сознания и поведения человека. Итог зависит также и от умения преодолеть негативные моральные установки, а это значит — столкновение позитивных и негативных нравственных начал. Противоречие (и нередко конфликт как этап развития противоречия в нравственной сфере, как его кульминационный момент) требует разрешения, поскольку в настоящем своем состоянии ситуация пребывать уже не может.

Представители советской этической науки в общем едины, они сходятся во мнении, что сущность нравственного конфликта определяется социальной природой морали, ее функцией духовно-практического преодоления неантагонистических противоречий между личностью и социальными целями. Эта функция морали отмечается многими советскими исследователями.

В большой публикации «Правды» «На переднем крае», посвященной итогам XXV съезда КПСС, — обмен мнениями, в котором принимали участие пять руководителей крупных партийных организаций Москвы, — конфликту, конфликтной ситуации уделено немалое место. «Нельзя отрицать сложности и деликатности возникающих порой ситуаций... Ведь, например, в столкновении руководителя и подчиненного по какому-либо вопросу их «весовые категории» бывают отнюдь не равны... Здесь-то и должна сказать свое слово партийная организация. И особая ответственность — на партийном комитете, который просто обязан внимательнейшим образом разобраться в таком деле, отсеять все наносное, склочное, «престижное»...

Разрешение нравственного конфликта может способствовать утверждению более высокого уровня нравствен-

ных отношений в коллективе. Мы помним, как в «Сталеварах», например, нравственный максималист одерживает победу (пусть негладко), и это улучшает нравственный климат в коллективе. Способствует решению производственных проблем. А случай, когда контролера ОТК заставляют в конце квартала принимать продукцию «рангом выше» действительного ее качества? Если совести и нравственных сил не хватило устоять перед нажимом или перед соблазном одобрения и получения премиальных, — тут прямой моральный ущерб, прямое ущемление государственных интересов. В публикации «Комсомольской правды» «Только по совести» рассказано о подлинном драматизме нравственного борения комсомолки — контролера ОТК с собой прежде всего (соблазном поддаться уговорам о завышении сортности); с другими, кого считает лишенным совести. Нравственная победа достается нелегко, через мучительную выверку того, «что такое хорошо и что такое плохо».

Противоречие и конфликт возможны не только между должным и тем, что должному противостоит. Есть конфликт между добром и безразличием к добру, между активным утверждением должного и индифферентным отношением к должному. Журналист имеет дело не с абстракциями, а с людьми, мотивами их поведения и реальными интересами. И позиция, воплощающая нравственно-мировоззренческий вакуум, — сегодня под прицелом. Как быть с житейским компромиссом?

Логика житейского компромисса между добром и злом в афористической форме была отмечена еще в древнегреческой философии. «Стоики утверждают, что нет ничего среднего между добродетелью и пороком, в то время как перипатетики заявляют, что между добродетелью и пороком находится преуспеяние...» Это уже примелькавшаяся мишень (она же объект анализа) — преуспеяние бытовое, устроительское, вещьприобретательское. А тяга к моральной нейтральности, а подчас навязывание убогой здравомысленной расчетливости под флагом — «не зарывайся, не старайся быть лучше других»? Это вопреки и наперекор не только четкой моральной, но и мировоззренческой позиции активного вторжения в жизнь. Важно формировать активную моральную позицию, чуткость к правильному нравственному поступку. К импульсу даже, ведь он может заглухнуть, если его не заметить.

Мне, говорит докладчик, как-то довелось отвечать в

газете молодому строителю, собравшему изрядную коллекцию газетных материалов о конфликтных ситуациях и задавшему вопрос: «Разве нет выхода из конфликтов и разве нельзя показать пути разрешения, приводящие к оздоровлению климата, обстановки? Может быть, надо не только «пугать», но и показывать, что становилось лучше после разрешения конфликта?»

В действительности коллизии и конфликты, происходящие в жизни, драматичные и даже трагичные, разрешимы и разрешаются. Власть над ситуацией, разрешение конфликта — разве не здесь реальное чувство свободы, чувство хозяина, путь к прозрачным отношениям между людьми, которые Маркс назвал коммунистическими? В действительности общественное мнение, настрой и климат в коллективе, люди, призванные осуществлять руководство коллективом, и общественные организации участвуют в моральном творчестве разрешения конфликта.

О конфликте надо писать с позиций идейной убежденности в разрешающем позитивном действии этого механизма, этого регулятора в сфере морали. Компетентность тут состоит в нахождении возможностей и путей повышения уровня нравственных отношений. Такая компетентность дается сплавом профессионального умения с мировоззренческой зрелостью, убежденностью, четкой нравственной позицией.

* * *

Именно такая позиция предстает в произведении писателя Чингиза Гусейнова «Мамед, Магомед, Мамиш», опубликованном в журнале «Дружба народов». Повесть эта получила премию журнала за год. Писатель был приглашен принять участие в обсуждении проблемы именно потому, что повесть его остроконфликтная.

Действие романа происходит в Азербайджане в наши дни. В канве сюжета: самоубийство, убийство, шантаж, подлог, нечистые дела, для разоблачения которых герою надо переступить через железные правила групповой морали. Кодекс клана, рода, семейная спайка, там нет места вопросу: что такое хорошо и что такое плохо в общественном плане. Есть другой: «Что хорошо нам, роду, то и есть хорошо, что против наших семейных интересов, то и есть плохо». Сталкиваются социалистическая норма и норма групповая. Молодой рабочий, бурильщик нефтескважины, воспитанник, выкормыш, если угодно, азерб-

байджанского семейства, член семейного клана оказывается перед проблемой: сражаться ли ему за наши моральные принципы и как? Сражаться он должен прежде всего с самим собой. Он «бурит» один за другим «философские пласты», пласты понимания себя и жизни. Он стремится, продираясь через все барьеры, судить о жизни и действовать с позиций нашей социалистической морали. Герой оказывается на переднем крае борьбы за социалистическую нравственность. Борьба внутренняя с самим собой — выбор правильного морального решения. Борьба «внешняя» (но она же и внутренняя) с теми, кто активно мешает воплощению социалистических норм и коммунистических идеалов. В герое зреет решение — наперекор мнению и укладу семьи — порвать со всем тем дурным, с чем он сталкивается, но это означает — порвать с кровными узами. Придется тогда способствовать раскрытию преступления, да еще, может быть, и не одного. Мамиш становится опасен кровным родственникам своими идейными и моральными позициями. Героя убивают родственники, ставшие ему врагами... Новые наши социалистические нормы жизни — наши ценности. Они властно диктуют мотив, формируют поступок во имя принципа, заставляют реализовать принцип в поведении, в поступке. Иногда — жертвуя собственными удобствами, иногда идя на столкновение, не жалея жизни.

Приходится подчас слышать исходящие из околотитературных кругов (прежде всего) мнения о том, что нужна современному человеку максимальная раскованность от нормативов, которые-де мешают самовыражению, самоутверждению личности. В произведении Чипгиза Гусейнова мы видим, как человек в борьбе осваивает социалистическую норму бытия. Он отважно идет на конфликт с теми, кто ее извращает (пусть под личиной благопристойности), идет на внутренний конфликт и одерживает моральную победу. Трагическая развязка конфликта, оптимистическая трагедия: мы видим, кто за героя, — за наши идеалы.

Какова позиция автора? Автор, приглашенный на обсуждение, отвечает на этот вопрос с трибуны. Позиция? Она ясна. Автор не должен бояться говорить о трудностях, о противоречиях, о конфликтах, о трагедиях и о возможных негативных разрешениях личных бытовых драм. И именно потому он берется за анализ (и за разрешение!) конфликтной ситуации, чтобы побеждали подлинно

прогрессивные, оптимистические тенденции нашей жизни. Писатель и раскрывает тенденции, ведущие к победе социалистического и коммунистического нравственного идеала в борьбе, да, именно в борьбе. Он делает явственной социальную силу добра. Он обрисовывает неизбежную перспективу поражения сил зла, которые вовсе не есть некая моральная абстракция. Зло персонифицировано в людях, как это случилось в истории с Мамишем, в людях с немалым социальным статусом, с возможностями, которые они беззастенчиво пускают в ход для обеспечения собственных корыстных интересов.

Это писательская работа беллетриста Чингиза Гусейнова. Уместно ли говорить о ее технологии, результатах, воздействии на читательскую аудиторию, когда речь идет о работе, труде журналиста? Действительно, разные возможности, разное по размерам «поле», где можно «разместить» и рассказ о ситуации, и анализ, и выводы. Но и общего немало в самой работе. В анализе. В задачах. Мне кажется, говорит писатель, общее здесь прежде всего в позиции автора, его зрелости, гражданственности.

Важно точно знать, какие механизмы используются силами морального и социального зла, знать пути разрешения конфликта. Журналисту такое видение не менее, а, пожалуй, даже более необходимо.

Совершенно правомерно, что противоречие нашей социалистической морали и морали узкогрупповой, «клановой» было в центре выступления и других участников нашей встречи — тех, кто на практике «работает» с конфликтом.

* * *

Выдвинулась на первый план в ходе нашего обсуждения еще одна важная сторона моральных противоречий, конфликтов. Ее раскрыл старый сотрудник одной московской газеты. Он в редакции работал еще в 30-е годы. Бывший питерский рабочий, прошедший большую политическую школу, рассказал журналистам о своих размышлениях над конфликтными ситуациями и о решениях в те давние времена. В период нэпа и несколько позже в особенности остро стоял вопрос о классовом характере моральных решений и поступков. Так, в случаях саботажа, вредительства возникала во весь рост опасность групповой морали в ее политическом аспекте. Нельзя предавать «своих» — рассуждали те, кто не был сам за-

Мешан в противозаконных действиях, но и этим поступкам из соображений групповой солидарности или интеллигентского чистоплюйства не противодействовал, не мешал. Над групповой и классовой ограниченностью даже в те годы, когда немало было путаницы в умах, люди поднимались благодаря и моральному, в частности, импульсу.

Старый газетчик говорит о проблеме противоречий — коренная она для тех, кто действительно в гуще жизни, важнейшая. Он вспоминает про то, как выполняли слушатели Института красной профессуры, где он учился, совет Ленина читать Гегеля. Это чтение поначалу доводило неподготовленного читателя до тяжелой головной боли, до отчаяния. И все же гегелевское рациональное зерно в теории противоречия осваивали слушатели Института красной профессуры, брали на вооружение. Но что еще важнее — изучение работ классиков марксизма дает ключ к пониманию сути этих противоречий, обуславливает компетентность в разрешении конфликта.

...Мне кажется, заключает свои размышления ветеран журналистики, что современным, многознающим представителям нашей интеллигенции сослужило бы неплохую службу серьезное изучение теории противоречия, какой она дана в произведении немецкой классической философии, какой она предстает в трудах Маркса, Ленина, в тех разработках, которые дают по этой проблеме советские философы с позиций современного научного знания, и особенно для нас важно умелое применение этих знаний к проблемам нравственного воспитания.

* * *

Разговор обратился к атеизму, к тому, что сейчас в нем важно. Важны гуманность, идейная убежденность, позитивное нравственное содержание.

В качестве сопредседателя этого собрания я дополнила выступление пропагандиста рассказом об одном случае, где журналист сработал «наоборот». Одна квалифицированная журналистка, узнав у своей знакомой о том, что та дружна с молодой баптисткой и ведет с ней время от времени беседы на мировоззренческие темы, решила войти в контакт с верующей, написать очерк. Не поставив в известность о своем замысле знакомую, она взяла у нее адрес баптистки и отправилась к ней. Представи-

лась, сославшись на рекомендацию их общей знакомой, и обеспечила себе «психологическое проникновение». Вернулась она с хлестким очерком, в заголовок которого вынесла фамилию и имя баптистки, публично вопрошая ее: «Куда же ты идешь?» В тексте же воспроизводила беседы с девушкой. Публикация вызвала у молодой баптистки негодование и изумление. Девушку вскоре успокоили «братья и сестры», убедив, что надлежит ей со смирением перенести такое — путь испытания и... укрепления ее веры. Таким образом, был на нее возложен некий мучительский венец. Результат — более прочное утверждение девушки в вере, разрыв контактов с теми атеистами, с которыми она находилась в дружеских, «неформальных» отношениях. Столь примитивное «разрешение» проблем атеистического воспитания, неумение видеть реальную суть процессов и противоречий в духовной жизни человека, в особенности когда речь идет о принятии таких значимых решений, как признание правильности атеистического мировоззрения, — все это дает самые отрицательные последствия. Вообще же атеисты-журналисты нередко изображают ситуацию как: «они вовлекли, мы — извлекли». Подобная операция может иметь и обратный результат, если не учитывать реального морального конфликта.

* * *

...К проблемам жизненным, так сказать, каждодневным, вернула нас журналистка, которая выступила с полемическим тезисом о пользе компромисса, о его позитивном эффекте. Она настаивает: во многих жизненных ситуациях достижение компромисса предпочтительнее разрешения конфликта. Конфликт повышает количество адреналина в крови, конфликт будоражит, вызывает стресс. Может быть, конфликт и нужен. И даже определенно нужен в некоторых случаях. Но что значит нужен и кому? Замечено, что на конфликт легко идут в семье те, кто стремится самовыражаться и саморазряжаться за чужой счет. В конфликт на работе вступать — иногда себе дороже. Стоит ли воспитывать драчуна, который размахивает пашкой и не умеет принять компромиссное решение, когда оно единственно возможное, единственно нужное? Я не знаю, бросает выступающая в зал, всегда ли нужно разрешать конфликт, может, нужно его замять? Ответ на этот вопрос теории конфликта должны знать.

Многие согласились с существом выступления журналистки о необходимости компромисса: компромисс ведь тоже один из путей разрешения противоречия. Многим из нас доводилось размышлять об этом. О случаях, когда, например, деловая женщина, привыкшая командовать на работе, в тех же тонах и в том же командирском стиле распоряжается дома без поправки на обстоятельства и на место действия. Готовность к конфликту во что бы то ни стало как стиль мышления и поведения — эта особенность определенного склада характера уловлена в нашей журналистике своевременно и чутко. «Комсомольская правда» не раз выступала с публикациями по этим проблемам: «Какже же мы разны», «Приблизься к истине» (статьи были посвящены культуре разрешения острых несогласий и конфликтных ситуаций). Жесткость, нетерпимость, черствость — все это очень часто рядится в тогу бескомпромиссности, которую недалекие люди легко поставят на одну доску с принципиальностью. В большой публикации «Быть или казаться» беседа с академиком Е. Велиховым, членом ЦК ВЛКСМ, «Комсомольская правда» впрямую поставила вопрос о соотношении нравственного конфликта и компромисса. Есть компромисс, ведущий к устранению причины конфликта, считает молодой академик. Его собеседник — корреспондент газеты — просит уточнить оценку такого компромисса, где имеет место стремление «соответствовать» обеим сторонам — правой и неправой. Уточнение незамедлительно последовало: «компромисс» как проявление беспринципности не годится для современного молодого человека — таково мнение авторитетного председателя Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, размышляющего над сутью явления — «нравственный конфликт». «Мне кажется, — говорит академик, — конфликты, возникающие подчас на производстве, в научной среде и т. д., носят очень разный характер. Но разрешить эти конфликты способны только одинаково принципиальные люди, люди высокой коммунистической нравственности. Именно эти люди, на мой взгляд, могут считаться по-настоящему современными людьми — и в ситуациях конфликтных, и при обычном течении нашей напряженной, сложной жизни».

Овладение механизмами нравственной регуляции одним только усвоением — теоретическим, аналитическим, интеллектуальным — не достигается и не гарантируется. Именно поэтому в разрешении нравственных конфликтов

и противоречий мы ориентируемся не только на производственные показатели выработки за день или квартал, не только на верные формулы, произносимые человеком, но учитываем все, что составляет особенности личности в комплексе: мотивы поступков, моральный импульс.

Сам по себе такой целостный подход — очень не простое дело, человек может быть морально утверждён в неверной посылке, позиции («Я считаю, что меня недооценивают», например). И требуется немалая этическая квалификация для того, чтобы, к примеру, неверную самооценку поколебать. Недостаточные знания и запал моральной уверенности, не имеющей основой собственно культуры, вызывают нередко рецидивы уравнилельной психологии: «платите мне столько же, сколько ему», «почему мне не тот же почет», — подобные изречения услышишь подчас в тоне морального негодования. Будто бы не имеет значения то, что негодует человек по поводу высокой моральной и материальной оценки рационализатора, например, или общественника, имеющего большой непрерывный стаж работы на данном предприятии, к тому же инструктора учащихся ПТУ и т. д. Конфликт такого рода нужно объяснить и раскрыть изнутри. И через показ социалистических принципов оплаты труда, и путем обнаружения механизмов, источников неверно ориентированного мнения.

Известно, что далеко не безобидная демагогия нередко прикрывается моральным флагом: немало встречается и предприимчивых от морали, играющих на разных уровнях освоенности нравственных норм, ценностей, идеалов.

Раздувание нравственных конфликтов или искусственное выискивание возможностей их создания в среде трудовых коллективов способно дезорганизовать производственную жизнь и моральный климат, может привести к демагогическому раздуванию трудностей, искажает характер развития, процессы, происходящие в нравственной сфере нашего общества.

Реальной же практической задачей является овладение механизмами нравственного регулирования, в том числе нравственного конфликта с целью его правильного, эффективного конструктивного разрешения. Должен быть более конкретным поиск форм, путей, методов освоения темы нравственного конфликта. Все согласились в одном: да, нужен поиск, нужно научное освоение.

...Было решено, что журналисты, работающие над

комплексом нравственных проблем, будут регулярно впредь собираться для обсуждения темы «Нравственный конфликт». Сделано было и конкретное предложение. Не начать ли на газетной полосе (или в журнале) рубрику «Служба морального конфликта» или «Этическая экспертиза»? Пусть будет это некий вид оперативной экспертизы в острой, типичной ситуации, правильное разрешение которой способно служить определенной моделью конструктивного подхода в разрешении морального конфликта. Привлечь к такой «службе» можно наших ученых. Польза от такой компетентной экспертизы, от службы этической помощи могла бы быть огромная. Тема следующего обсуждения намечена уже сейчас, она выросла из нынешних, сегодняшних наших дискуссий.

Должна быть освоена публицистом и ситуация после конфликта. Если задача выступления — привлечь внимание к борьбе должного и того, что ему противостоит, к нравственным исканиям, борьбе между добром и злом, то особенно важно показать эффект, положительную работу конфликта. Интересно отметить, как разрешение конфликта повлияло на моральный климат коллектива, на общий ход дел, на показатели производства.

Конструктивный итог правильного разрешения противоречий — это пока, увы, «за кадром». На первом плане в большинстве публикаций оказывается сообщение о наказании виновных в тех или иных проступках. А в повседневной нашей жизни на первом плане будничная работа и ее результат.

Участники дискуссии настроены оптимистично, творчески: «на штурм конфликта»!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Нравственный конфликт: практика и теория	5
Бегу от любви (лабиринты Киберэроса)	24
Для чего красотку красть?	34
«Клуб интересных посиделок»	43
Сельский колдун	56
«Не падо меня выдвигать»	67
Дело о Мпнотавре	74
Как бьют баклуши	87
Тихая драма	98
Детектив Гела	119
Ау! Помогите общаться!	130
Научный казус	144
Зигзаг профессии	157
Страдания молодого лектора	165
Соловей вернулся	171
«Имею полное право»	178
Частный интерес и комсомольский принцип	187
Включиться или умыть руки?	197
Опасная зона	211

ИБ № 1255

Инга Михайловна Кичанова
КОНФЛИКТ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ

Редакторы **А. Антипина, Н. Лесина**

Художник **Е. Мухина**

Художественный редактор **Н. Коробейников**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректоры **В. Назарова, З. Харитонов**

Сдано в набор 15/V 1978 г. Подписано к печати 18/IX 1978 г.
А05764. Формат 84×108¹/₃₂. Вумага № 1. Печ. л. 7 (усл. 11,76).
Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. Б 3. 1978 г.
№ 56, п. 26. Заказ 856.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

ИНГА МИХАЙЛОВНА КИЧАНОВА — доктор философских наук, автор ряда научных монографий и статей по актуальным проблемам философии и морали, а также художественно-публицистических очерков, которые публиковались в центральной прессе, в частности, в «Известиях», «Комсомольской правде», «Социалистической индустрии», «Советской культуре» и «Неделе». В 1971 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Инги Кичановой «Десять исповедей», посвященная духовному миру молодого современника. В 1974 году увидела свет книга статей и очерков «Решать или не решать!». Книга «Зачем ходят в политехнический!», в 1977 году отмечена дипломом общества «Знание».